

18+

КАССАНДРА КЛЭР
КОРОЛЕВА
ВОЗДУХА И ТЬМЫ
ТЕМНЫЕ ИСКУССТВА

КНИГА III

THE NEW YORK TIMES BESTSELLER

Сумеречные охотники

Кассандра Клэр

Королева воздуха и тьмы

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

Клэр К.

Королева воздуха и тьмы / К. Клэр — «Издательство АСТ»,
2018 — (Сумеречные охотники)

ISBN 978-5-17-118941-9

На ступенях Зала Совета пролилась невинная кровь. Страшная болезнь уничтожает магов. Джулиан и Эмма пытаются противостоять своей запретной любви. Отправившись с опасным заданием в земли фэйри, они обнаруживают там нечто ужасное, и теперь им придется обогнать само время, чтобы не позволить проклятию парабатаев уничтожить весь мир.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

ISBN 978-5-17-118941-9

© Клэр К., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	15
3	30
4	44
5	55
6	66
7	79
8	88
9	99
10	112
11	127
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Кассандра Клэр

Темные искусства. Книга III.

Королева воздуха и тьмы

Посвящается Саре.

Она сама знает, что сделала.

Cassandra Clare
THE DARK ARTIFICES
Book III
Queen of Air and Darkness

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc.
и Nova Littera SIA*

Copyright © 2018 Cassandra Clare, LLC, design by Alice Duke
© А. Осипов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Здесь Смерть себе воздвигла трон,
Здесь город, призрачный, как сон,
Стоит в уединенье странном,
Вдали на Западе туманном,
Где добрый, злой, и лучший, и злодей
Прияли сон – забвение страстей.
Здесь храмы и дворцы и башни,
Изъеденные силой дней,
В своей недвижности всегдашней,
В нагроможденности теней,
Ничем на наши не похожи.
Кругом, где ветер не дохнёт,
В своем невозмутимом ложе,
Застыла гладь угрюмых вод.*

*Над этим городом печальным,
В ночь безысходную его,
Не вспыхнет луч на Небе дальнем.
Лишь с моря, тускло и мертво,
Вдоль башен бледный свет струится,
Меж капищ, меж дворцов змеится,
Вдоль стен, пронзивших небосклон,
Бегущих в высь, как Вавилон,
Среди изваянных беседок,
Среди растений из камней,*

*Среди видений бывших дней,
Совсем забытых напоследок,
Средь полных смутной мглой беседок,
Где сетью мраморной горят
Фиалки, плющ и виноград.*

*Не отражая небосвод,
Застыла гладь угрюмых вод.
И тени башен пали вниз,
И тени с башнями слились,
Как будто вдруг, и те, и те,
Они повисли в пустоте.
Меж тем как с башни – мрачный вид! —
Смерть исполинская глядит.
Зияет сумрак смутных снов
Разверстых капищ и гробов,
С горящей, в уровень, водой;
Но блеск убранства золотой
На опочивших мертвецах,
И бриллианты, что звездой
Горят у идолов в глазах,
Не могут выманить волны
Из этой водной тишины.*

*Хотя бы только зыбь прошла
По гладкой плоскости стекла,
Хотя бы ветер чуть дохнул
И дрожью влагу шевельнул.
Но нет намека, что вдали,
Там где-то дышат корабли,
Намека нет на зыбь морей,
Не страшных ясностью своей.
Но чу! Возникла дрожь в волне!
Пронесся ропот в вышине!
Как будто башни, вдруг осев,
Разъяли в море сонный зев, —
Как будто их верхи, впотьмах,
Пробел родили в Небесах.
Краснее зыбь морских валов,
Слабей дыхание Часов.
И в час, когда, стенья в волне,
Сойдет тот город к глубине,
Прияв его в свою тюрьму,
Восстанет Ад, качая тьму,
И весь поклонится ему.*

Эдгар Аллан По «Город в море»¹

¹ Перевод К. Бальмонта. – Здесь и далее прим. переводчика.

Часть первая О, не скорби!

В Стране фэйри смертные не чувствуют скорби... но и радость им тоже неведома.

Поговорка фэйри

1

Смерть исполинская глядит

Кровь была на помосте, на ступенях, на полу, на стенах... на обломках Меча Смерти. Потом, позже, когда Эмма вспоминала это, ей казалось, что все заволакивает алый туман. Обрывок стихотворения вертелся у нее в голове... что-то о том, как нелегко представить, что внутри смертного так много крови.

Говорят, шок смягчает суровые удары судьбы, смягчает их, как подушкой, но что-то никакой подушки Эмма сейчас не обнаружила. Она видела и слышала абсолютно все: Зал Соглашений полон стражи... крики... Она попыталась пробиться к Джулиану – стража нахлынула на нее, словно океанская волна. Снова крики... «Эмма Карстерс сломала Меч Смерти! Она уничтожила Орудие Смерти! Схватить ее!».

Неважно, что они с ней сделают, надо срочно добраться до Джулиана. Он все еще был распростерт на земле, сжимая Ливви в объятиях, не позволяя страже забрать мертвое тело.

– Пустите меня к нему! – крикнула она. – Я его парабатай, пустите!

– Отдай меч, – это был голос Консула. – Отдай мне Кортану, Эмма, и тебя пропустят. Ты сможешь ему помочь.

Эмма вскрикнула, почувствовала на губах вкус крови. Алек взбежал на помост, опустился колени рядом с телом отца. В Зале было не видно пола – все метались из стороны в сторону. Вон Марк, уносит лишившегося чувств Тая, плечом расталкивая нефилимов. Таким мрачным Эмма его еще никогда не видела. С ним Кит... Но где же Дрю? А, вон она... одна, сидит на полу. Нет, с ней Диана – обнимает ее и плачет. Хелен пробивается к помосту...

Эмма не глядя шагнула назад и едва не упала, пол был скользким от крови. Консул Джиа Пенхаллоу, все еще стояла перед ней и протягивала руку, ожидая, когда Эмма отдаст ей Кортану. Меч был частью семьи Эммы, частью ее самой; она помнила его столько же, сколько себя. Помнила, как Джулиан вложил клинок ей в руки, когда умерли родители... как она обняла меч, прижала к себе, будто ребенка, не обращая внимания, что лезвие оставило на ее руке глубокий порез.

А сейчас Джиа просит ее отдать часть себя.

За ее спиной она увидела Джулиана – одного, раздавленного горем, покрытого кровью. И он был ее частью гораздо больше, чем Кортана. Эмма протянула Консулу меч. Ее тело мучительно напряглось, когда рука разжалась, отпуская рукоять. Ей казалось, что она слышала, как закричал меч, расставаясь со своим человеком.

– Теперь иди.

Эмма слышала и другие голоса, громкие, возмущенные... Например, Горация Диарборна: он требовал, чтобы Эмму остановили, арестовали, призвали к ответу за уничтожение Меча Смерти и исчезновение Аннабель Блэкторн. Джиа отдавала страже отрывистые приказы: «Вывести всех из Зала, немедленно!» Сейчас время оплакивать, а не мстить. Аннабель най-

дут... *Нет, Гораций. Сохраняй достоинство, иди сам, а не то тебе помогут. Нет, сейчас не подходящий момент.* Вон Алина помогает Дрю и Диане подняться, ведет их к выходу...

Эмма опустила на колени рядом с Джулианом. В Зале Соглашений стоял металлический запах крови. Ливви, будто сломанная кукла, лежала у него на руках. Ее кожа ее была синеватой. Джулиан уже не звал ее – просто укачивал, как ребенка, упираясь подбородком в ее голову.

– Джулс, – прошептала Эмма. Его имя горькой пылью осело на языке...

Так она звала его в детстве, а сейчас он взрослый, охваченный горем. Ливви была ему не просто сестрой: он растил ее как собственную дочь.

– Джулиан, – она коснулась его холодной щеки, потом щеки Ливви – та была еще холоднее. – Джулиан, милый, прошу... позволь помочь...

Он медленно поднял голову. Его словно окатили из ведра кровью: шея и грудь были красные, лицо покрыто кровавыми пятнами.

– Эмма, – его голос был едва слышен. – Эмма, я столько рун ираци начертил и все без толку...

Но Ливви уже была мертва, когда упала на помост. Мертва, когда он добежал до нее, схватил... Никакие руны, никакие ираци уже не могли ей помочь.

– Джулс! – сквозь заслон стражи к ним пробилась Хелен и рухнула рядом на колени, не обращая внимания на кровь.

Эмма молча смотрела, как Хелен осторожно достает из тела Ливви обломок Меча Смерти и кладет на пол. Ее руки были в крови, губы побелели от отчаяния: она обняла и Джулиана, и Ливви, склонила голову, что-то ласково шепча.

Народу в Зале становилось все меньше. Вошел Магнус, очень медленный и бледный; за ним длинной вереницей шли Безмолвные Братья. Он поднялся на помост. Алек вскочил, кинулся к нему в объятия, и оба застыли. Четверо Братьев опустили на колени и подняли тело Роберта Лайтвуда: его руки были сложены на груди, глаза ему кто-то закрыл. Тихий шелест: «*Ave atque vale, Роберт Лайтвуд*», – пронесся вслед, когда тело поплыло из Зала на плечах монахов.

Консул шагнула к ним, за ее спиной выстроилась стража. Братья призраками в пергаментных одеждах парили позади.

– Тебе придется отпустить ее, Джулс, – сказала Хелен так мягко, как только могла. – Ее заберут в Безмолвный город.

Джулиан поднял на Эмму глаза, холодные, как зимнее небо, но она поняла его.

– Он хочет, чтобы последним Ливви нес он, – тихо сказала она. – Позвольте ему это.

Хелен погладила брата по волосам, поцеловала в лоб.

– Джи, прошу тебя.

Консул кивнула.

Джулиан медленно поднялся на ноги, прижимая Ливви к груди. Будто скованный льдом, он двинулся к ступеням, спускавшимся в Зал. Хелен шла рядом, Братья замыкали процессию, но стоило Эмме подняться, как чья-то рука остановила ее.

– Только семья, Эмма, – четко проговорила Джи.

Я и есть семья, пустите меня с ними, пустите меня к Ливви! – молча кричала Эмма, но ее губы оставались сомкнутыми. Нельзя усугублять всеобщий ужас своей скорбью. К тому же правил Безмолвного города никто не отменял. Закон суров, но *это закон*.

Маленькая процессия направилась к дверям. Когорта удалась, но в Зале еще оставались стражники и другие Охотники. «Привет и прощай, Ливия Блэкторн», – тихо неслось вслед.

Консул отвернулась – Кортана вспыхнула у нее в руке – и стала спускаться к Алине, провожавшей Ливви потухшим взглядом. Эмму затрясло – дрожь, начавшаяся где-то глубоко

внутри, охватила все тело. Никогда еще она не была настолько одинока – Джулиан уходил от нее прочь, от других Блэкторнов ее как будто отделяли миллионы миль... Они были словно далекие звезды в глубинах вселенной. Эмма отчаянно, яростно хотела, чтобы родители сейчас оказались рядом – так сильно, что это было почти унизительно. Она хотела, чтобы Джем был тут, и Кортана. Хотела забыть, как Ливви истекает кровью, умирает, падает, будто сломанная игрушка, и окно Зала Соглашений взрывается тучей осколков, и сломанная корона забирает Аннабель... Это вообще кто-нибудь кроме нее видел?

– Эмма.

Руки обвилились вокруг нее, знакомые, теплые руки подняли с пола. Кристина все это время ждала. Ждала, когда закончится весь этот хаос, упрямо оставалась в Зале, пока стража гнала всех прочь. Она сделала это, чтобы быть рядом с Эммой.

– Пойдем со мной, здесь больше нечего делать. Я о тебе позабочусь. Я знаю, куда мы можем пойти. Эмма, *corazoncita*², идем.

Эмма позволила Кристине поднять себя. Магнус и Алек уже спешили к ним. Лицо Алека будто заледенело, глаза были красными. Вцепившись мертвой хваткой в руку Кристины, Эмма озиралась – теперь Зал казался ей совершенно другим, не тем, куда они прибыли всего несколько часов назад. «Наверное, солнце было тогда высоко...» – подумала она, словно сквозь вату слыша голоса. Магнус и Алек уговаривали Кристину отвести Эмму в дом, предоставленный Блэкторнам. Да, наверное, все дело в солнце... Теперь стемнело и тени по углам лежали густые, как лужи краски.

А может, просто все изменилось. Может быть, дело в том, что ничего уже не будет как прежде.

* * *

– Дрю? – Хелен негромко постучала в дверь. – Дрю, можно с тобой поговорить?

По крайней мере, комната была точно ее. Дом на канале, рядом с резиденцией Консула на Принсуотер-стрит, для Блэкторнов подготовили еще до встречи в Зале Соглашений как только стало понятно, что они проведут в Идрисе несколько ночей. Диана заранее показала его Хелен, и та оценила чувствовавшееся повсюду прикосновение ее любящих рук: на кухне стояли цветы, на дверях комнат красовались карточки с именами: та, что с двумя узкими кроватями, предназначалась для близнецов, а комнату Тавви Диана сама набила книгами и игрушками, принеся их из своего дома над оружейной лавкой.

– А вот эту, может, для Дрю? – Хелен остановилась на пороге маленькой спальни с обоями в цветочек. – Такая хорошенькая.

– Ну, Дрю же совсем другая, – с сомнением возразила Диана. – Вот если бы обои были в летучих мышках... или в скелетиках на худой конец.

Хелен нахмурилась.

– Только не волнуйся, – Алина взяла ее за руку. – Ты снова с ними познакомишься. Все будет в полном порядке.

И она поцеловала Хелен в щеку.

Все действительно могло бы быть в полном порядке – думала Хелен, глядя на дверь с табличкой: «Друзилла». Могло бы. В груди снова вспыхнула боль. Наверняка вот так чувствует себя рыба, пойманная на крючок: корчишься, пытаешься соскочить с острия боли, пронзившего твою плоть, но ничего не получается.

О, она помнила эту боль. Когда умер отец, на плаву ее удержала только необходимость заботиться о семье, присматривать за детьми. Она и сейчас пыталась пройти той же дорогой,

² Милая (исп.).

но дети... хотя их и называть так уже неудобно. Только Тавви еще ребенок, но он сейчас в доме Инквизитора – хвала небесам, он пропустил весь кошмар в Зале Соглашений... В общем, дети с ней чувствовали себя явно не в своей тарелке. Как будто она стала им чужой.

И от этого боль становилась только сильнее. Хоть бы Алина была здесь... Но Алина на несколько часов ушла к родителям.

– Дрю, – Хелен постучала сильнее. – Пожалуйста,пусти меня.

Дверь распахнулась, и Хелен едва успела отдернуть руку, чтобы не попасть с размаху Дрю в плечо. Сестра стояла, свирепо глядя на нее, в скверно сидящем черном платье, слишком тесном ей в талии и в груди. Глаза были такие красные, что казалось, она размазала по векам багряные тени.

– Понимаю, ты наверняка хотела побыть одна, – начала Хелен, – но я должна была убедиться, что ты...

– ...в порядке? – ядовито спросила Дрю.

Смысл ее слов был вполне понятен: как я сейчас могу быть в порядке?

– ...жива.

Дрю на мгновение отвела взгляд, крепко сжатые губы задрожали. Хелен так хотелось схватить ее, прижать к себе, укачивать, как много лет назад, когда Дрю была еще упрямым младенцем.

– Как Тай?

– Спит, – ответила Хелен. – Безмолвные Братья дали ему успокоительное зелье, с ним сидит Марк. Хочешь к нему?

– Я...

Дрю замолчала. Если бы только Хелен могла сказать что-нибудь еще утешительное про Тая. Она с ужасом думала, что будет, когда мальчик проснется. В Зале Соглашений он потерял сознание, и Марк отнес его к Братьям. В зловещем молчании монахи осмотрели его и пришли к заключению, что физически ребенок совершенно здоров, но они намерены дать ему настой из трав, от которого он надолго заснет. Иногда разум сам знает, когда отключиться и как подготовиться к исцелению. Хотя каким образом ночь сна – да хоть целый год! – сможет подготовить Тая к известию о том, что у него больше нет близнеца, Хелен не понимала.

– Мне нужен Джулс, – наконец сказала Дрю. – Он здесь?

– Нет, – ответила ей сестра. – Он все еще с Ливви. В... в Безмолвном городе.

Она была бы рада сказать, что Джулиан вот-вот вернется (Алина говорила, что церемония прощания перед кремацией в Городе совсем короткая), но не хотела обещать Дрю ничего, что могло оказаться неправдой.

– А Эмма?

Дрю говорила вежливо, но было совершенно ясно: я хочу видеть тех, *кого я знаю. Не тебя.*

– Я поищу ее.

Не успела Хелен сделать и шага, как дверь за ее спиной захлопнулась с негромким, но недвусмысленным щелчком. Хелен сморгнула и увидела в коридоре, всего в нескольких футах от себя, Марка. Он появился беззвучно, она ничего не слышала. В руке у него был скомканный листок бумаги, похожий на огненное послание...

– Хелен...

Какой хриплый у него голос. Проведя столько лет с Дикой Охотой, продолжает ли он еще горевать, как горюют фэйри? Он выглядел помятым, усталым: под глазами и у рта пролегли морщины, как у простых смертных.

– Тай не один, с ним Диана и Кит. К тому же он спит. Мне нужно поговорить с тобой.

– Я должна найти Эмму. Она нужна Дрю.

– Ее комната вон там, – Марк указал в дальний конец коридора. – Мы приведем ее, а потом нам нужно будет уйти.

Весь дом был отделан деревянными панелями медового цвета; в свете магических ламп они казались особенно теплыми. При иных обстоятельствах это было бы совершенно очаровательное место.

– Уйти?

– Я получил письмо от Магнуса и Алека. Они у Инквизитора. Я должен привести Тавви и сообщить ему, что наша сестра мертва, – Марк протянул ей руку. Его лицо исказилось от боли. – Прошу, Хелен. Пойдем со мной.

* * *

Когда Диана была еще совсем юной, она побывала как-то в одном лондонском музее, где главной достопримечательностью была Спящая красавица – из воска. Кожа у нее была светлой, а грудь поднималась и опускалась – она «дышала» с помощью небольшого моторчика.

Что-то в бледности и неподвижности Тая напомнило ей ту восковую девицу. Он лежал, укрытый одеялами, и только грудь поднималась от дыхания – как у той куклы. Руки лежали на покрывале, ладонями вверх... Больше всего на свете Диане хотелось увидеть, как дрогнут пальцы, начнут вертеть один из рисунков Джулиана или хотя бы провод наушников...

– С ним все будет хорошо? – едва слышно спросил Кит.

Комната была оклеена веселенькими желтыми обоями, на кроватях лежали лоскутные покрывала. Кит мог сесть на вторую, пустую кровать, которая принадлежала Ливви, но не сел. Он забился в угол, сидя на корточках, привалился спиной к стене и не отрывал взгляда от Тая.

Диана положила ладонь на лоб Тая – лоб был холодный. От прикосновения ее тело будто онемело.

– С ним все в порядке, Кит, – сказала она и попыталась подоткнуть одеяло. Тай что-то пробормотал и завозился, пытаясь выбраться из-под него.

Окна были открыты: они решили, что ему нужен свежий воздух, но сейчас Диана встала и начала их закрывать. Ее мать всегда была одержима идеей, что подхватить простуду – худшее, что может случиться... А мы редко забываем, что говорят нам в детстве родители.

За окном, на фоне ранних сумерек, обведенный светом восходящей луны, расстилался город. Всадник на фоне бескрайнего неба... Знает ли Гвин о событиях сегодняшнего вечера или придется послать ему сообщение? Что он скажет, когда его получит? Однажды он уже приходил к ней, когда Ливви, Тай и Кит оказались в опасности, но тогда его призвал Марк. И она до сих пор не знала, почему он так поступил: потому что действительно любил детей или всего лишь платил долги.

Как мало ей известно о Гвине, подумала она, медля у окна и держась за штору. Предводитель Дикой Охоты, живой миф, а не человек. Тот, кто так стар и могуществен, что стал частью легенд, – как он ощущает простые эмоции? Что ему до жалкой человеческой жизни – и неважно о ком идет речь. Что все наши потери по сравнению с тем, что он сам испытал и пережил?

И все же тогда, в старой комнате Дианы, он обнимал ее и утешал, пока она говорила то, что до сих пор слышали только Катарина и родители... Но теперь родители мертвы. Он был добр к ней. Правда же, был?

Хватит, остановись. Она резко отвернулась от окна: не время сейчас думать о Гвине, пусть даже она продолжает надеяться, что он придет, успокоит, утешит. Но только не сейчас, когда Тай может в любую минуту проснуться и встретиться с новой, невыносимой болью. Только не тогда, когда Кит сжался в углу, словно его после ужасного крушения выбросило на пустынный берег, а кругом – никого.

Она хотела погладить его по плечу, но Кит неожиданно поднял глаза. Ни следа слез на его щеках. Он и после отцовской смерти не проронил ни слезинки, когда впервые распахнул дверь Института и понял, что он – Сумеречный охотник.

– Тай любит знакомые вещи, – тихо сказал он. – Проснется и не поймет, где оказался. Надо принести его сумку и вообще все, что он привез с собой из Лондона.

– Его вещи вон там, – Диана указала на спортивную сумку под кроватью, на которой должна была спать Ливви.

Не глядя на нее, Кит встал и побрел за сумкой. Внутри оказалась толстая книга в старом переплете. Он молча положил ее на кровать, рядом с раскрытой ладонью Тая. Перед глазами Дианы мелькнул тисненый золотом заголовок. Она вдруг поняла, что даже онемевшее от муки сердце продолжает чувствовать боль.

«Возвращение Шерлока Холмса» – было написано на обложке.

* * *

Луна уже начала свой путь по небу, башни Аликанте мерцали в ее бледном сиянии.

Прошло уже много лет, с тех пор как Марк последний раз был здесь. Дикая Охота раньше летала над городом: он помнил, как появляется вдруг внизу Идрис, как завывает и улюлюкает стая, радуясь, что пролетает над землей нефилимов. Но его сердце всегда начинало биться быстрее при виде родины Охотников. Вон серебряное зеркало озера Лин... зелень Броселиандского леса... каменные усадьбы... Аликанте сияет на холме. И Кьеран рядом, задумчиво разглядывает Марка, так же, как Марк разглядывает Идрис.

«Мое место, мой народ. Мой дом», – думал Марк. С земли все видится иначе, более прозаично: летом пахнет водой из канала, улицы освещены ярким магическим светом. До дома Инквизитора было недалеко, но они шли медленно. Прошло некоторое время, прежде чем Хелен наконец заговорила:

– Ты видел нашу тетю Нене в стране фэйри. Только ее одну?

– Она сейчас при Благом Дворе, – кивнул Марк, радуясь возможности нарушить молчание. – Сколько сестер было у твоей матери?

– Шесть или семь. Но добрая из них – только Нене.

– Я думал, ты не знаешь, где она.

– Она никогда мне этого не говорила, но несколько раз отправляла мне послания, после того как меня сослали на остров Врангеля, – сказала Хелен. – Думаю, в глубине души она мне сочувствует.

– Она помогла спрятать нас и исцелить Кьерана, – заметил Марк. – И говорила о наших фэйри-именах.

Они подошли к особняку Инквизитора, самому большому в этой части улицы, с балконами, выходящими на канал.

– Никогда не думал, что вернусь сюда, в Аликанте, как Сумеречный охотник.

Хелен сжала его плечо. Они вместе поднялись по ступеням к двери; она постучала. Открыл Саймон Льюис. Вид у него был измученный. Марк не видел его уже много лет. Саймон постарел, раздался в плечах, оброс и обзавелся щетиной.

– В последнюю нашу встречу здесь я был пьян и орал под окном Изабель, – он криво усмехнулся, глядя на Хелен. – А в последнюю нашу встречу я сидел в клетке в стране фэйри, – с этими словами он повернулся к Марку.

Глаза Саймона, устремленные на него сквозь прутья выкованной эльфами клетки... «Я не фэйри, я Марк Блэкторн из Лос-Анджелесского Института. Неважно, что они скажут или сделают со мной – я помню. Помню, кто я такой».

– Да, – согласился Марк. – Ты рассказал мне про моих братьев и сестер, и про брак Хелен. Я был тебе благодарен.

Он отвесил небольшой поклон, по привычке, и краем глаза заметил удивление на лице Хелен.

– Жаль, что я не смог рассказать тебе больше, – Саймон посерьезнел. – И мне очень жаль... насчет Ливви. Мы все здесь тоже горюем.

Он распахнул перед ними дверь. За ней открылся пышный холл; огромная люстра свисала с потолка; слева были покои семьи – у пустого камина Раф, Макс и Тавви возились с игрушками. Изабель и Алек сидели на кушетке: она тихо всхлипывала у него на груди, обвинив руками его шею. Эти безнадежные, едва слышные рыдания эхом отдались в его сердце – словно струны утраты прозвучали в унисон.

– Прошу, скажи Изабель и Алеку, что мы скорбим о потере их отца, – сказала Хелен. – Мы не хотели мешать. Нам нужен Октавиан.

В дверях возник Магнус, коротко кивнул им, направился к детям и подхватил Тавви на руки. Вообще-то Тавви уже слишком большой для этого, подумал Марк, хотя для своего возраста он все-таки еще слишком дитя – будто раннее горе задержало его в детстве. Магнус зашагал к ним, и Хелен уже протянула навстречу руки, но Тавви потянулся к Марку.

Марк удивился, но подхватил младшего брата. Тот неловко поерзал у него на руках, явно усталый, но напряженный.

– Что-то случилось? Все почему-то плачут.

Магнус запустил ему пальцы в волосы, он выглядел совершенно убитым.

– Мы ничего ему не сказали. Решили, что лучше будет, если это сделаете вы.

Марк вышел из дома, ступил в квадрат падающего от входа света; Хелен шла следом. Он поставил мальчика на тротуар. Фэйри сообщают плохие новости лицом к лицу, глядя в глаза.

– Ливви покинула нас, дитя мое.

– Куда она ушла? – Тавви выглядел растерянным.

– В Сумеречные земли.

Марку нелегко давались слова: смерть у фэйри – совсем не то же самое, что у людей.

Тавви широко раскрыл зелено-голубые блэкторнские глаза.

– Тогда мы можем ее спасти, да? Мы пойдем за ней и заберем назад? Как мы забрали тебя из страны фэйри. Как ты пошел за Кьераном?

Хелен кашлянула.

– Ох, Октавиан...

– Она умерла, – беспомощно сказал Марк. Тавви отшатнулся, нахмурился. – Жизнь смертных коротка... и очень хрупка пред ликом вечности.

На глазах Тавви показались слезы.

– Марк! – Хелен опустилась на колени и протянула к мальчику руки. – Она пала смертью храбрых, защищая Джулиана и Эмму. Наша сестра... была очень смелой.

Слезы уже текли по его щекам.

– А где Джулиан? – спросил Тавви. – Куда он ушел?

Руки Хелен упали.

– Он сейчас с Ливви в Безмолвном городе. Скоро вернется. Давай мы отведем тебя домой, в особняк на канале...

– Домой? – Тавви презрительно скривился. – У меня здесь нет дома.

Рядом возник Саймон.

– Бедный ребенок, – сказал он. – Слушай, Марк...

– Октавиан, – это сказал уже Магнус.

Он все так же стоял в дверном проеме, глядя на маленького плачущего мальчика. Взгляд его был бесконечно усталым и полным такого же бесконечного сострадания: такого, что появляется лишь со временем... И времени должно пройти немало.

Магнус сказал бы больше, но тут на крыльцо вылетели Раф и Макс, скатились по ступеням и кинулись к Тавви. Раф был ростом почти с него, хотя ему исполнилось всего пять. Раф раскрыл руки, чтобы обнять его, и Макс тоже. К удивлению Марка Тавви, кажется, немного успокоился, позволил себя обнять и кивнул, когда Макс тихонько ему что-то сказал.

Хелен встала. Интересно, подумал Марк, на моем лице такое же выражение стыда и боли? Стыда, что они ничем не могут помочь младшему брату, который едва их знает...

– Все в порядке, – сказал Саймон. – Слушайте, ну, вы же попытались...

– И не преуспели, – угрюмо ответил Марк.

– Горе просто так не излечишь, – возразил Саймон. – Один раввин сказал мне это, когда отец умер. Единственное, что способно излечить горе – это время. И любовь тех, кому ты небезразличен. А у Тавви все это есть, – он положил руку на плечо Марку и крепко сжал. – Береги себя. *Shelo ted'u od tza'ar*, Марк Блэкторн.

– Что это значит?

– Это благословение, тоже от рабби. «Пусть ты не узнаешь больше никаких скорбей».

Марк склонил голову в знак благодарности: фэйри знают цену благословениям, данным от чистого сердца, но на сердце у него все равно было тяжело. Вряд ли скорби его семейства скоро закончатся.

2

Гладь угрюмых вод

Кристина в отчаянии стояла посреди идеально чистой кухни в доме на Принсуотер-стрит и жалела, что убирать больше нечего.

Она перемыла посуду, которая в этом не нуждалась; вытерла пол, собрала и разобрала стол; расставила цветы в вазе, выкинула их, подумала, вытащила из мусорного ведра и снова поставила в вазу. Пусть в кухне будет мило, а в доме – уютно... Да только есть ли хоть кому-то дело, что в кухне мило, а в доме уютно?

Никому нет дела... но надо же чем-то заниматься. Она хотела быть с Эммой, утешать ее, но Эмма была с Друзиллой, которая так горько и долго плакала, держа Эмму за руки, что наконец в изнеможении уснула. Кристина и с Марком не отказалась бы побыть, но он ушел вместе с Хелен, и тут остается лишь радоваться, что он наконец-то проводит время с сестрой, по которой так долго скучал.

Стукнула входная дверь. Кристина подскочила и смахнула со стола тарелку, та упала и разбилась. Кристина хотела собрать осколки, но услышала, как вошел Джулиан, закрыл за собой дверь... – запирающие руны в Идрисе были гораздо популярнее ключей, но он даже не потянулся за стилем, только бросил невидящий взгляд в сторону лестницы.

Кристина застыла как соляной столб: Джулиан выглядел как призрак из шекспировской пьесы. Он даже не переоделся после того, что произошло в Зале Соглашений: рубашка и куртка стояли колом от засохшей крови.

Она никогда не понимала, как разговаривать с Джулианом – знала о нем слишком много, чтобы чувствовать себя естественно, спасибо Эмме. Знала, что он отчаянно влюблен в ее подругу: это было понятно по тому, как он смотрел на Эмму, как с ней говорил, как протягивал ей блюдо через стол. И как только другие этого не видят! Ей уже приходилось видеть парабатаев, и никто из них друг на друга так не смотрел.

Знать такое о другом человеке было, как минимум, неловко. Не лучшие сейчас времена. Впрочем, лицо Джулиана было совершенно пустым: он шел к ней, и засохшая кровь его сестры осыпалась с одежды.

Если бы она стояла неподвижно, он мог бы вовсе ее не заметить – подняться к себе, избавив обоих от неловкой встречи. Но увидев его искаженное горем лицо, она, не успев ни о чем подумать, уже оказалась на пороге кухни.

– Джулиан, – тихо произнесла она.

Он не удивился и повернулся к ней медленно, словно автоматон, у которого кончается завод.

– Как они?

И что она должна на это ответить?

– О них позаботились, – сказала она, помолчав. – Здесь была Хелен. И Диана, и Марк.

– А Тай...

– Все еще спит.

Она нервно одернула юбку. Вернувшись из Зала Соглашений, она сменила всю одежду, какая на ней была, просто чтобы чувствовать себя чистой.

Он наконец встретился с ней взглядом. Его глаза были красными, хотя при ней он, кажется, не плакал. Или плакал – когда держал в объятиях Ливви... но об этом она вспоминать не хотела.

– Эмма... Она в порядке? Она бы... сказала тебе, если что.

– С ней сейчас Друзилла. Но она хотела бы видеть тебя, я уверена.

– Но с ней все хорошо?

– Нет, – честно сказала Кристина. – Разве это возможно?

Джулиан нерешительно посмотрел в сторону лестницы, словно не понимал, как по ней подниматься.

– Роберт хотел нам помочь, – сказал он. – Эмме и мне. Ты же знаешь о нас... Знаешь о наших чувствах.

Кристина потеряла дар речи: вот уж не думала, что он заговорит об этом с ней.

– Может быть, следующий Инквизитор...

– Возвращаясь, я видел: собрание уже началось. Большая часть Когорты и половина Совета. Обсуждают, кто станет следующим Инквизитором. Сомневаюсь, что это будет кто-то, способный нам помочь. Только не после того, что случилось сегодня. Я должен волноваться об этом, – добавил он, – но я уже не могу.

Наверху открылась дверь, на лестничную площадку упал прямоугольник света.

– Джулиан? – раздался голос Эммы. – Джулиан, это ты?

Он выпрямился.

– Иду.

И, не взглянув на Кристину, устремился вверх по лестнице – правда, на ходу он кивнул ей. Краткий жест признательности.

Шаги затихли, голос Джулиана смешался с голосом Эммы. Позади, в углу кухни валялись осколки тарелки... наконец-то, можно хоть что-то убрать. Это будет самое разумное из возможных сейчас действий, а Кристина всегда считала себя в первую очередь разумным человеком.

Мгновение спустя она уже набрасывала форменную куртку поверх того, в чем была, и убирала в боевой пояс ангельские клинки, а еще через секунду выскользнула за дверь и растворилась на улицах Аликанте.

* * *

Эмма слушала давно знакомые звуки: шаги Джулиана, поднимающегося по лестнице. Кажется, она всегда знала мелодию его легкой поступи... Так давно, что она уже перестала быть музыкой.

Она хотела позвать его еще раз, но не стала – она была в комнате Дрю, а Дрю только что уснула, измученная, не раздеваясь, в той одежде, в которой была на заседании Совета. Шаги Джулиана послышались в холле, потом открылась дверь. И закрылась.

Осторожно, стараясь не разбудить Дрю, Эмма выскользнула из комнаты. Где сейчас Джулиан, она и так знала – искать его не придется. Через несколько дверей, дальше по коридору, находилась комната Тая.

Там горел неяркий свет. У изголовья кровати в кресле сидела Диана, застывшая от горя и усталости. Кит спал, привалившись к стене, сложив руки на коленях. Джулиан смотрел на лежащего Тая: тот, одурманенный зельем, мирно спал, его черные волосы разметались по белым подушкам. И все-таки, даже во сне, даже один на кровати, он лежал слева, оставив место для Ливви.

– Щеки у него красные, – сказал Джулиан. – Может, у него жар?

– Нет у него никакого жара, – возразила Диана. – Все нормально, Джулс. Сон лечит.

Судя по выражению лица Джулиана, тот в этом не был так уверен. Эмма почти слышала его мысли: сон не вылечил меня, когда умерла мать... когда умер отец... Не излечит и его. Рана останется навсегда.

Диана посмотрела на Эмму.

– Как Дрю? – спросила она.

Джулиан поднял голову, встретился глазами с Эммой. Боль в них ударила ее в грудь, словно тараном. Дышать стало тяжело.

– Спит, – чуть слышно прошептала она. – Не сразу, но все-таки она заснула.

– Я был в Безмолвном городе, – сказал Джулиан. – Мы отнесли Ливви туда. Я помогал готовить тело к погребению.

Диана коснулась его руки.

– Тебе самому хорошо бы вымыться и отдохнуть.

– Я должен быть здесь, – тихо, но твердо сказал Джулиан. – Если Тай проснется, а меня не будет рядом...

– Не проснется, – сказала Диана. – Безмолвные Братья никогда не ошибаются с дозировкой.

– Если он проснется и увидит тебя таким, с головы до ног в крови Ливви, никому от этого лучше не будет, – подала голос Эмма.

Диана удивленно посмотрела на нее, поражаясь грубости сказанного, но Джулиан как будто очнулся.

Эмма протянула ему руку.

– Идем.

* * *

Мрак и синева смешались в небесной палитре, вдали над горами собралась грозовая туча. К счастью, дорогу к Гарду освещали магические фонари. Кристина шла, стараясь держаться в тени. В воздухе резко пахло озоном, надвигалась буря. Так же покалывала кровь на языке, оставляя вкус меди и горечь.

Как только Кристина подошла к дверям Гарда, как они распахнулись, и наружу вышли несколько Безмолвных Братьев. Их одежды цвета слоновой кости мерцали, будто от дождевых капель.

Кристина вжалась в стену. Она не совершила ничего недозволенного, любой Охотник имеет право прийти в Гард, когда пожелает, но ей почему-то хотелось остаться незамеченной. Братья прошли совсем рядом – их одежда блестела не от дождя, а от тончайшей стеклянной пыли.

Наверняка они были в Зале Соглашений. Кристина помнила, как окно вышибло внутрь, когда исчезла Аннабель. Вспышка, грохот – все смешалось, превратилось в размытое пятно у нее в памяти. В тот момент все внимание Кристины было отдано Блэкторнам. Эмма с искаженным лицом... Марк, согнувшийся пополам, словно от удара...

Внутри Гарда было тихо. Не поднимая головы, она быстро прошла по коридорам, на звук голосов. Она взбежала по лестнице на второй ярус, нависавший над Залом, как галерка в театре. На помосте внизу собралась целая толпа нефилимов. Кто-то (возможно, это были Безмолвные Братья) уже убрал битое стекло, вытер лужи крови. Разбитое окно выглядело как прежде.

«Вовремя убрать улики, вот все, чего вы хотите», – подумала Кристина, прячась за перилами балкона. Все как всегда.

Гораций Диарборн сидел на троне. Высокий, костлявый мужчина, не слишком мускулистый, но жилы туго оплетали его шею и руки. Его дочь, Зара Диарборн, с волосами заплетенными в идеальную косу, венцом уложенную вокруг головы, в безупречных доспехах, стояла рядом. На отца она была не очень похожа – может быть, только напряженным и свирепым выражением лица и страстью к Когорте, фракции Конклава, верившей в превосходство Сумеречных охотников над жителями Нижнего Мира, даже если это вело к нарушению закона.

Вокруг толпились другие Охотники – и старые, и молодые. Кристина узнала нескольких центурионов: Мануэля Казалеса Виллалобоса, Джессику Босежур, Саманту Ларкспир – и многих других нефелимов, явившихся на собрание со знаками Когорты. Было там и несколько тех, кто, насколько Кристина знала, в Когорту не входил: Ласло Балаш, например, глава Будапештского Института, – один из основателей Холодного мира, известный тем, что именно он предложил самые жестокие меры против Нижнемирских. Жозиану Понсерси Кристина помнила по Марсельскому Институту. Делейни Скарсбери преподавал в Академии. Еще несколько человек были друзьями матери: Трини Кастель – из Барселонского Конклава; Луана Карвальо возглавляла Институт Сан-Паулу. Обе они помнили ее еще маленькой девочкой.

Все они были членами Совета. Кристина молча возблагодарила небеса, что там нет ее матери – она была слишком занята прорывом халфасов в Аламеде и поручила Диего представлять ее интересы.

– У нас мало времени, – заявил Гораций. Весь его облик был полон серьезности и напряжения, исключавших наличие чувства юмора, как и у его дочери. – В это тяжелое время у нас нет Инквизитора, а между тем угроза существует и внутри Конклава, и вне его.

Он обвел взглядом собравшихся.

– Мы надеемся, что после сегодняшних событий те из вас, кто еще сомневался, наконец, поверят в это.

Кристина похолодела. Это было не просто собрание Когорты... Когорта вербовала новых членов – прямо здесь, в пустом Зале Соглашений, где совсем недавно умерла Ливви. Ей стало нехорошо.

– И что же, по-твоему, ты сегодня узнал, Гораций? – сказала женщина, говорившая с австралийским акцентом. – Не таи, мы все хотим знать, что происходит.

Гораций сдержанно улыбнулся.

– Андреа Седжвик. Если не ошибаюсь, вы поддерживали Холодный мир.

Кажется, женщине не понравилось это замечание.

– Я не слишком высоко ценю Нижнемирских. Но то, что произошло здесь сегодня...

– На нас напали, – отрезал Диарборн. – Предали и напали. Одновременно изнутри и снаружи. Уверен, вы все видели то же, что и я – знак Неблагого Двора.

Кристина вспомнила: когда Аннабель исчезла, словно незримые руки вытащили ее из окна Зала Соглашений, в воздухе вспыхнул некий образ: разбитая корона.

В толпе раздался одобрительный ропот. Страх сгустился под сводами, словно дурной запах. Диарборн явно наслаждался им, и едва не облизывался, оглядывая собравшихся.

– Неблагой Король нанес удар в самом сердце нашей родины. Ему плевать на Холодный мир – он знает, что мы слабы. Он смеется над нашей неспособностью принять более суровые законы, сделать хоть что-нибудь, способное по-настоящему контролировать фэйри...

– Никто не может контролировать фэйри, – перебил его Скарсбери.

– Подобное отношение и ослабляло Конклав все эти годы! – рявкнула Зара.

Отец с нежностью посмотрел на нее.

– Моя дочь совершенно права, – заметил он. – У фэйри тоже есть слабости, как у любых Нижнемирских. Они не были созданы Богом или нашим Ангелом. У них есть изъяны, но мы никогда не использовали это против них. А вот они всегда пользовались нашим милосердием и смеялись за нашей спиной.

– И что вы предлагаете? – вмешалась Трини. – Обнести страну фэйри стеной?

Послышались презрительные смешки. Фэйри были везде и нигде: они обитали на ином плане бытия. Его стеной не окружишь.

Гораций прищурился.

– Вам смешно, – сказал он, – но железные двери у всех входов и выходов из страны фэйри предотвратили бы их вылазки в наш мир.

– Так вот какова наша цель? – Мануэль говорил лениво, словно ответ его не слишком интересовал. – Запереть фэйри у них дома?

– Цель у нас не одна, и тебе это хорошо известно, мальчик, – сказал Диарборн и вдруг улыбнулся, словно ему только что пришла в голову какая-то идея. – Ты слышал про гниль, Мануэль. Возможно, стоит поделиться этим знанием с нами, ведь Консул до сих пор пребывает в неведении. Наверняка этим добрым людям следует знать, что бывает, когда двери между нашими мирами стоят нараспашку.

Вцепившись в ожерелье, Кристина молча слушала, как Мануэль описывает пятна больной, мертвой земли, появившиеся в Броселиандском лесу: их не брала магия Охотников. Судя по всему, та же гниль свирепствовала в Неблагих землях. Откуда он только об этом узнал? Кристина кипела от ярости. Об этом Совету должен был рассказать Кьеран, но ему не дали возможности это сделать. Как Мануэль узнал?..

Хорошо, что Диего сделал то, о чем его просили, и увез Кьерана в Схоломант. Чистокровному фэйри здесь теперь было не безопасно.

– Неблагой Король готовит яд и уже начал изливать его в мир. Этот яд лишит Сумеречных охотников сил сопротивляться. Мы должны немедленно выступить и показать ему нашу силу, – заявила Зара, не дав Мануэлю закончить.

– Так же, как вы выступили против Малкольма? – поинтересовался Ласло.

В зале зашушукались; Зара покраснела. Она хвасталась, что сама убила могущественного колдуна Малкольма Фейда, но потом выяснилось, что она лгала. Кристина – и не только она – надеялась, что это дискредитирует Зару, но теперь, после того, что случилось с Аннабель, эта ложь выглядела просто шуткой.

Диарборн встал.

– Сейчас речь не об этом, Баллош. В жилах Блэкторнов течет кровь фэйри. Они притащили в Аликанте эту тварь – некромантское, полумертвое отродье, которое убило нашего Инквизитора и затопило этот зал кровью и ужасом.

– Вообще-то, их сестра тоже погибла, – холодно возразила Луана. – Мы все видели их горе. То, что здесь случилось, явно не входило в их планы.

Кристина буквально видела, как в голове Диарборна крутятся шестеренки: больше всего на свете он хотел бы заклеить Блэкторнов и увидеть, как их бросят в застенки Безмолвного города, но воспоминание о Джулиане с умирающей Ливви на руках было слишком живым, осязаемым и болезненным, чтобы даже Когорта притворялся, что ничего не было.

– Они тоже жертвы, – произнес наконец Диарборн. – Жертвы фэйри, которому доверяли – и, возможно, своих же сородичей. Может быть, нам удастся убедить их в правоте нашего дела. В конце концов, они тоже Сумеречные охотники. А ведь Когорта защищает Охотников. Защищает своих.

Он положил руку Заре на плечо.

– Когда Меч Смерти восстановят, уверен, Зара сумеет положить конец всем вашим сомнениям относительно ее достижений.

Зара снова покраснела и кивнула. Кристине показалось, что девчонка выглядит по уши виноватой, но остальных упоминание о Мече отвлекло.

– Меч Смерти восстановят? – изумилась Трини.

Она всегда глубоко верила в Ангела и его святую власть, так же как и семья Кристины, и сейчас нервно перебирала тонкими пальцами ткань на коленях.

– Наша невосполнимая связь с Ангелом Разиэлем... Ты считаешь, нам ее вернут? – снова спросила Трини.

– Меч восстановят, – не моргнув и глазом пообещал Диарборн. – Завтра Джиа встретится с Железными Сестрами. Когда-то Меч выковали – значит, смогут и перековать.

– Но его ковали на небесах! – взвилась Трини. – Не в Адамантовой цитадели!

– И небеса допустили, чтобы он сломался, – возразил Гораций. Кристина едва не вскрикнула: как он может так бесстыдно врать? А все остальные смотрят ему в рот! – Ничто не в силах сломать Меч Смерти кроме самого Разиэля. И призрел он на нас, и увидел, что мы недостойны. Мы отвернулись от его благой вести, забыли о служении Ангелам, и стали служить нижнемирским отродьям. Ангел сломал Меч, чтобы предупредить нас!

В глазах Горация пылало пламя фанатизма.

– Если мы докажем, что снова достойны, Разиэль восстановит Меч! В этом я не сомневаюсь.

Да как он смеет говорить вместо Ангела! Словно он сам – бог! Крестину трясло от ярости, но остальные смотрели на Диарборна так, словно он только что осветил им путь в кромешной тьме... Словно был их единственной надеждой.

– Как же нам доказать, что мы достойны? – уныло спросил Балаш.

– Мы должны вспомнить, что Сумеречные охотники – избранные! – провозгласил Гораций. – Должны вспомнить, что у нас есть божественное право! Первыми стоим мы пред лицом зла, а, значит, и идем первыми. Пусть Нижнемирские знают свое место! Если мы объединимся под началом сильного лидера...

– Но у нас нет сильного лидера, – оборвала его Джессика Босежур, центурион и одна из подруг Зары. – У нас есть Джиа Пенхаллоу, но она скомпрометирована: ее дочь связалась с фэйри и полукровками.

Собравшиеся ахнули, зашептались. Все взгляды обратились на Горация, но он лишь скорбно покачал головой.

– Вы не услышите от меня ни слова против нашего Консула, – твердо сказал он.

Поднялся ропот. Притворная верность властям явно повысила его рейтинг. Кристина старалась не скрипеть зубами.

– Ее преданность семье совершенно понятна, хотя иногда лишает ее способности судить объективно, – продолжал Гораций. – Но сейчас важнее всего законы, которые принимает Конклав. Мы должны поставить Нижнемирских в жесткие рамки, и в первую очередь – Дивный народец. И кстати, ничего дивного в них нет.

– Но это не остановит Неблагого Короля, – возразила Джессика, хотя, как показалось Кристине, она не столько сомневалась в Горации, сколько подбивала его сделать следующий шаг.

– Наша задача – не позволить фэйри и прочим Нижнемирским встать на сторону Короля, – объяснил Гораций. – Поэтому их необходимо строго контролировать, а при необходимости сажать под замок – раньше, чем им представится шанс предать нас.

– Под замок? – воскликнула Трини. – Но как...

– О, есть немало способов, – отозвался Гораций. – Остров Врангеля, например, способен приютить немало Нижнемирских. Важно начать с контроля, с ужесточения Соглашений. С регистрации всех Нижнемирских: перепись имен и адресов. И, разумеется, в первую очередь это коснется фэйри.

Раздался одобрителный гул.

– Конечно, для принятия и ужесточения законов понадобится сильный Инквизитор, – продолжал он.

– Им должен стать ты! – вскричала Трини. – Сегодня мы лишились и Меча Смерти, и Инквизитора – давайте вернем себя хоть что-то. У нас есть кворум – здесь достаточно Сумеречных охотников, чтобы выдвинуть Горация на пост Инквизитора. Проведем голосование завтра утром. Кто согласен?

– Диарборн! Диарборн! – начали скандировать собравшиеся.

Кристина вцепилась в перила балкона, в ушах у нее звенело. Этого не может быть, просто не может быть... Трини не такая! Друзья ее матери не такие! Неужели это истинное лицо Совета? Нет, не может быть...

Она с трудом встала и, не в силах больше выносить этот абсурд, пулей вылетела из галереи.

* * *

Комната Эммы была небольшой и выкрашенной в совершенно дикий ярко-желтый цвет. Почти все место занимала белая кровать под балдахин. Эмма дотащила Джулиана до нее, усадила и закрыла дверь.

– Зачем ты ее запираешь? – это были его первые слова с тех пор, как они оставили Тая.

– Тебе нужно побыть в тишине, одному.

От одного его вида разобьется любое сердце! Лицо в крови, одежда тоже в засохшей крови; кровь даже на ботинках.

Кровь Ливви. Как Эмма жалела, что в тот момент ее не было рядом с Ливии. Она должна была быть с ней, а не заниматься Когортой, Мануэлем, Зарой, Джессикой, Робертом Лайтвудом... думать об изгнании, о неразберихе, царящей в ее собственном сердце. А ведь она могла бы еще раз обнять Ливви, удивляясь, как она выросла, какая она взрослая, и совсем не похожая на пухлую крошку из ее воспоминаний.

– Не смей! – резко сказал Джулиан.

Эмма шагнула к нему, не успела остановиться. Ему пришлось поднять голову, чтобы посмотреть ей в глаза.

– Чего не смей?

– Не смей себя винить. Я почти слышу, как ты думаешь, что все могло бы быть по-другому, если бы не ты... Не смей пускать в голову такие мысли, иначе она взорвется – как моя.

Он с очень прямой спиной сидел на краю кровати, словно сама мысль о том, чтобы лечь, была ему невыносима. Она легко провела ладонью по его щеке. Он вздрогнул и крепко схватил ее за запястье.

– Эмма...

Впервые в жизни она не сумела понять, что слышит в его голосе. Он говорил тихо, мрачно и резко, но гнева она не услышала... Зато услышала желание – но чего он хотел?

– Что я могу для тебя сделать? – спросила она. – Я твой парабатай, Джулиан, я должна тебе помочь. Что мне сделать?

Он все еще сжимал ее руку; расширенные зрачки почти скрыли зеленовато-голубую радужку.

– Я все разделяю на этапы, – сказал он. – Когда слишком много всего наваливается, я спрашиваю себя: какую проблему нужно решить первой. И когда она решена, перехожу к следующей. Но сейчас я даже не знаю, с чего начать.

– Я твой парабатай, я защищаю твою спину в бою, – сказала она. – Так что слушай меня. Вот он, твой первый шаг: вставай.

Он прищурился, глядя на нее, но встал. Они стояли совсем рядом, и Эмма чувствовала тепло и мощь его тела. Она скинула с его плеч куртку, вцепилась в рубашку. Ткань на ощупь оказалась жесткой как брезент – вся в запекшейся крови. Эмма дернула сильнее, и рубашка разорвалась пополам, осталась у нее в руках.

Джулиан широко раскрыл глаза, но не остановил ее. Она сорвала с него остатки рубашки, швырнула на пол, потом наклонилась и стащила с его ног ботинки, в которых, казалось, хлюпала кровь. Когда она выпрямилась, его брови удивленно взлетели на середину лба.

– Ты и штаны с меня снимешь?

– Вообще-то они в крови, – заметила Эмма, едва не задохнувшись от того, что услышала. Она коснулась его груди и почувствовала, что он задержал дыхание. Казалось, что там, за мышцами, она нащупала пальцами изрезанные края его сердца. На его коже тоже была кровь, засохла пятнами на плечах, на шее – там, где он прижимал к себе Ливви...

– Тебе нужно в душ, – сказала она. – Я подожду тебя здесь,

Он коснулся ее щеки.

– Эмма, – сказал он, – вымыться нам обоим не помешает.

Он повернулся и ушел в ванную. Дверь осталась широко открытой. В следующую секунду Эмма последовала за ним.

Одежда лежала на полу кучей. Джулиан стоял под душем в одном белье, вода струилась по его лицу и волосам.

С трудом сглотнув, Эмма разделась, оставив только трусы и сорочку, и шагнула в кабину. Вода обжигала, наполняя крошечное каменное пространство паром. Джулиан стоял неподвижно, струи воды оставляли на его коже пунцовые полосы.

Эмма протянула руку и уменьшила температуру воды. Он молча смотрел, как она берет кусок мыла, взбивает в ладонях пену. Когда ее руки легли ему на грудь, он резко втянул воздух, как будто она сделала ему больно, но не отстранился.

Она коснулась его пальцами, почти вонзила пальцы в его кожу, оттирая кровь. Вода, стремительно убегающая в сток у них под ногами, стала розовой. Мыло пахло лимоном. Тело Джулиана было твердым, мускулистым, исчерченным шрамами – совсем не юношеским. Когда он успел так измениться? В какой день, час, мгновение? Она не помнила.

Он наклонил голову. Она намылила его волосы, пропуская кудри сквозь пальцы. Он откинул голову назад: вода окатила их обоих и бежала, бежала, пока не стала прозрачной и чистой. Мокрая сорочка облепила Эмму. Она снова протянула руку ему за спину, чтобы выключить кран, и почувствовала, как он лицом уткнулся ей в шею, его губы коснулись ее щеки.

Она замерла. Вода больше не лилась, но кругом еще клубился пар. Его грудь вздымалась и падала, словно он собирался вот-вот упасть после стремительной гонки. Плачет, только без слез, – догадалась она. Он никогда не плакал – она даже не помнила, когда в последний раз видела его в слезах. Ему необходимо было пережить освобождение, даруемое слезами, но прошло столько лет, что он уже забыл как плачут.

Она обвила его руками, сказала:

– Все хорошо.

Вода текла по ним, по его словно бы раскаленной коже. Она слизнула соль собственных слез.

– Джулиан...

Она подняла голову, он отстранился... Их губы соприкоснулись всего на мгновение, но это было словно падение с обрыва... Они слились в поцелуе, и Эмму словно ударило током, снова и снова...

– Эмма... – голос Джулиана звучал так, будто его оглушили. Он стиснул в кулаке мокрую ткань сорочки. – Можно?..

Она молча кивнула, и Джулиан схватил ее в объятия, поднял над полом. Она закрыла глаза, приникла к нему и, почувствовав железные мускулы, запустила пальцы ему в волосы. Мокрые ладони скользили по его плечам. Он понес ее в спальню, бросил на кровать и в следующее мгновение оказался сверху и яростно целовал ее, упираясь в простыни локтями. Все, что он делал, было полно такого гнева и безумия, что она поняла: вот они, не выплаканные им слезы, не произнесенные в горе слова. Только так он мог освободиться – в аннигиляции разделенного желания.

Оставшаяся еще на них одежда была сорвана. Они теперь были полностью обнажены. Она прижимала его к себе, к самому сердцу. Его пальцы спустились ниже.

– Позволь мне...

Она знала, что он хочет сказать: «Позволь мне доставить тебе удовольствие... сначала ты...»

Но желала она не этого, только не сейчас.

– Иди ко мне, – прошептала она. – Ко мне...

Его лопатки под ее ладонями... Он целовал ее шею, ключицы, но вдруг вздрогнул.

– Что?.. – прошептала она.

Но он уже был не с ней. Сел, собрал одежду и начал натягивать ее дрожащими руками.

– Нельзя, – сдавленно произнес он. – Эмма, нам нельзя.

– Ладно... Но, Джулиан, – она с трудом села и натянула на себя одеяло, – тебе не нужно никуда уходить.

Он свесился с кровати, подхватил жуткую, рваную, окровавленную рубашку, посмотрел на Эмму диким взглядом.

– Нужно. Еще как нужно.

– Джулиан, не...

Он уже стоял на ногах, одетый. Она смотрела на него. А потом он ушел, даже не надев ботинки и почти хлопнув дверь.

Эмма еще долго смотрела в темноту, оглушенная и растерянная, словно упала с большой высоты.

* * *

Тай проснулся внезапно, словно пробив головой толщу воды и лихорадочно хватая воздух ртом. Шум вырвал из пучин забытья и Кита – он спал урывками и видел во сне отца, тот бродил по Сумеречному базару. На животе у него была огромная рана, из которой лилась кровь.

– Вот так-то, Кит, – говорил он. – Вот она, жизнь среди нефилимов.

Все еще в полусне, Кит с трудом поднялся на ноги, держась рукой за стену. Тай неподвижной тенью лежал на кровати. Дианы нигде не было – наверное, ушла к себе в комнату, чтобы тоже немного поспать. В комнате были только они с Таем.

Кит оказался не готов к этому, совершенно, абсолютно не готов... Не готов к смерти Ливви. Он видел, как умирал отец, но понимал, что так до сих пор и не отважился посмотреть этой утрате в лицо. Не справившись с той потерей, как он надеялся пережить эту? И как, не умея помочь никому другому, он собирался теперь утешать Тая?

Он уже хотел позвать Джулиана, но успел сообразить, что его крик может встревожить Тая. Он внимательно посмотрел на Тая. Тот выглядел... «отключенным» – вот, наверное, самое подходящее слово. Словно еще не совсем вернулся на землю. Под глазами залегли тени, мягкие черные волосы сваялись.

– Джулс! – негромко позвал он.

Кит встал. Его сердце отчаянно билось.

– Это я, – ответил он. – Кит.

Он был готов увидеть на лице Тая разочарование, но тот смотрел на него широко раскрытыми серыми глазами.

– Моя сумка... Где она? Тут?

Кит едва не потерял дар речи. Неужели Тай не помнит, что случилось? Непонятно что хуже – если помнит, или если нет.

– Моя спортивная сумка, – в голосе Тая слышалось напряжение. – Вон она, дай...

Сумка валялась под другой кроватью. Кит пошел за ней, на ходу глянув в окно: хрустальные шпили башен тянулись к небу, вода в каналах мерцала льдом, городские стены, поля за ними... Никогда не видел он места прекраснее и нереальнее.

Он принес сумку. Тай сидел на краю кровати, его ноги не доставали до пола. Он схватил сумку и начал в ней рыться.

– Хочешь, я приведу Джулиана? – спросил Кит.

– Нет, не сейчас.

Кит не понимал, что ему делать. Еще никогда за всю свою жизнь он не был так растерян, даже когда обнаружил у себя на кухне голема, разглядывающего мороженое в морозилке в четыре часа утра (Киту тогда было десять). Даже когда его диван на несколько недель оккупировала русалка: валялась там целый день и ела корм для золотых рыбок (ему как раз исполнилось двенадцать).

Даже когда на него напали демоны-мантиды: в тот раз просто сработал инстинкт Сумеречного охотника. Тело тогда само принимало решения, но сейчас ничто в нем не хотело брать на себя эту ответственность. Ему до смерти хотелось рухнуть на колени возле кровати, схватить Тая за руки и держать, обнимать, как в тот раз, на лондонских крышах, когда Ливви ранили. И, как тогда, голос в его голове твердил, что это плохая идея. Он действительно не понимал, что Таю сейчас нужно.

А тот все еще копался в сумке. Наверняка он не помнит, в панике подумал Кит. Видимо, события в Зале Соглашений стерты или заблокированы. Его самого в момент гибели Ливви и Роберта там не было, но он достаточно слышал от Дианы, чтобы понимать, каково пришлось Таю. Люди иногда забывают ужасные события: мозг просто отказывается хранить или обрабатывать то, чему они стали свидетелями.

– Я приведу Хелен, – сказал Кит наконец. – Она расскажет тебе... что случилось.

– Я знаю, что случилось, – сказал Тай.

Он наконец нашел телефон – на самом дне сумки. Напряжение тут же покинуло его, это было видно невооруженным глазом. Кит растерялся: связи в Идрисе не было, телефон тут был совершенно бесполезен.

– А теперь я буду спать дальше, – заявил Тай. – В моем организме до сих пор наркотики, я их чувствую.

Судя по голосу, ему это совершенно не нравилось.

– Мне остаться? – робко спросил Кит.

Тай швырнул сумку на пол и откинулся на подушки. Телефон он сжимал в руке так крепко, что костяшки побелели, но в остальном не проявлял никаких признаков горя.

Он поднял взгляд на Кита: в лунном свете его глаза казались серебряными и плоскими, как два четвертака. «Интересно, о чем он думает...» – Кит даже представить себе этого не мог.

– Да, пожалуйста. Тоже ложись спать, если хочешь. Со мной все будет хорошо.

И он закрыл глаза. Некоторое время спустя Кит сел на кровать напротив – на ту, что предназначалась для Ливви. Когда он в последний раз видел ее одну? Перед собранием Совета, когда помогал ей с ожерельем... Он вспомнил, как она тогда улыбалась, как ее лицо было полно красок и жизни. Невозможно представить, что ее больше нет. Может, это не Тай ведет себя странно, а они – все, кто смирился с тем, что она умерла... Это они не понимают.

* * *

Между комнатой Эммы и его комнатой словно пролегли сотни миль – так, во всяком случае, казалось Джулиану. Даже тысячи миль. Он будто во сне шел по коридорам дома на канале.

Плечо болело и жгло.

Эмма была единственным человеком на свете, которого он желал, и сила этого желания подчас ошеломляла его самого – но никогда так, как сегодня. Он буквально потерял себя в ней... в них, на несколько бесконечных, идеальных мгновений. От него остались только тело и та часть сердца, которая любила и была еще жива. Эмма олицетворяла все хорошее, что еще в нем осталось, и сияло сейчас ярким пламенем.

Но затем пришла боль, появилось ощущение, что что-то неправильно, не так – и тогда он понял. Торопясь к себе в комнату, он буквально слышал, как страх стучится в двери сознания и воет, требуя впустить его и признать. Будто рука скелета скребется в стекло... Чего же он боялся? Своего собственного отчаяния. Пока он был оглушен горем и видел только верхушку айсберга. Оставалось лишь догадываться, сколько горя и чувства утраты скрывается под поверхностью воды. О, тьма и ужас еще придут. С ним уже случалось такое – когда умер отец.

Но сейчас, с Ливви, все будет еще хуже. Он не контролировал свое горе, не был властен над собой. И над чувствами к Эмме. Вся его жизнь была построена на умении держать себя в руках. Но сейчас маска, в которой он гордо смотрел в лицо миру, пошла трещинами.

– Джулс!

Он уже подошел к своей комнате, но проблемы на этом не кончились. Прислонившись к двери, его ждал Марк. Он был едва жив от усталости, одежда и волосы в беспорядке. Джулиан выглядел не лучше: его одежда была разорвана и покрыта кровью, на ногах не было обуви.

– Все в порядке? – спросил Джулиан, останавливаясь.

Он вдруг понял, что в последнее время они с Марком общались исключительно с помощью этого вопроса. Теперь ничего не будет в порядке, но они хотя бы могут сообщать друг друга о маленьких сиюминутных победах: да, Дрю немного поспала; да, Тай, немного поел; да, мы еще, кажется, дышим. Джулиан рассеянно слушал рассказ Марка о том, как они с Хелен забрали Тавви, и теперь Тавви знает про Ливию, и ничего хорошего в этом нет, но все более или менее в порядке, и теперь Тавви спит.

– Не хотел беспокоить тебя посреди ночи, – сообщил Марк, – но Хелен настаивала. Сказала, что иначе утром ты первым делом спросишь насчет Тавви и будешь сходить с ума.

– Так и есть, – ответил Джулиан, поражаясь, как обыденно это звучит. – Спасибо, что позаботились об этом.

Марк посмотрел на него долгим взглядом.

– Ты был очень молод, когда мы потеряли твою мать, Элеанор. Она как-то сказала мне, что в сердце любого родителя есть часы. Обычно они молчат, но всякий раз, когда ребенка нет рядом и ты не знаешь, где он, ты слышишь, как они тикают. И еще тогда, когда дитя просыпается среди ночи и хочет, чтобы ты оказался рядом... Эти часы будут тикать, пока вы не воссоединитесь.

– Тавви – не мой ребенок, – возразил Джулиан. – Я ему не отец.

Марк коснулся щеки брата – прикосновением фэйри, в котором было мало человеческого, хотя его рука была теплой, мозолистой и... настоящей. Это не совсем прикосновение, подумал Джулиан. Скорее благословение.

– Сам знаешь, что это не так, – тихо сказал Марк. – Я должен попросить у тебя прощения, Джулиан. Я рассказал Хелен о жертве, которую ты принес.

– О жертве?.. – Джулиан не понял его.

– О том времени, когда ты тайно управлял Институтом. О том, как заботился о детях. Как они на тебя смотрели, и как ты их любил. Я знаю, это тайна... но я подумал, что она имеет право знать.

– Ладно, – сказал Джулиан.

Это не имело значения. Ничто сейчас не имело значения.

– Она рассердилась? – спросил он, помолчав.

Марк удивился.

– Сказала, что так гордится тобой и что это разбило ей сердце.

Будто луч света засиял во тьме.

– Правда?

Марк собирался ответить, когда раскаленное копьё боли пронзило плечо Джулиана. Он сразу понял в чем дело, и его сердце отчаянно забилось. Он поспешно пообещал Марку увидеться с ним позже... а может, только подумал, что пообещал, ворвался в комнату и запер за собой дверь. Через две секунды он уже был в ванной. Включив колдовской свет, оттянул ворот рубашки и посмотрел на себя в зеркало.

На коже пламенела руна парабатая. Она больше не была черной: по линиям рисунка пробегали алые искры, словно руна хотела через кожу прожечь себе путь наружу.

Накатила дурнота, так что пришлось ухватиться за раковину. Джулиан заставил себя не думать о том, что значила смерть Роберта... об их с Эммой планах на изгнание, которые теперь пошли прахом. О проклятии, поражавшем парабатаев, рискнувших полюбить друг друга. О проклятии власти и разрушения. До сих пор он думал лишь о том, как отчаянно ему нужна Эмма, а не о причинах, по которым он не мог получить ее. А причины эти оставались незыблемы.

Они тянулись друг к другу через бездну горя, как тянулись всегда, всю свою жизнь, позабыв обо всем. Но так нельзя, этого просто не должно быть, думал Джулиан. Он прикусил губу и почувствовал кровь на языке. Хватит уже разрушений. Хватит смертей.

Снаружи хлынул дождь. Джулиан слышал, как он барабанит по крыше.

Джулиан оторвал полоску от рубашки, в которой был на заседании Совета – ткань была жесткая и темная от крови погибшей сестры, и повязал себе на запястье. Она останется там, пока он не отомстит. Пока убийца Ливви не получит по справедливости. Пока все, кого он любит, не окажутся в безопасности.

Он вернулся в спальню и начал искать чистую одежду и обувь. Они нужны ему прямо сейчас. Он знал, куда должен пойти.

* * *

Джулиан мчался по опустевшим улицам Идриса. Теплый летний ливень поливал его, волосы прилипли ко лбу, рубашка и куртка промокли насквозь.

Сердце мучительно колотилось. Он уже скучал по Эмме и жалел, что покинул ее, но все равно продолжал бежать, как будто мог обогнать боль утраты. Даже удивительно, что можно одновременно тосковать по сестре и любить Эмму – одним и тем же сердцем, не умаляя ни горя, ни страсти. В конце концов, Ливви тоже ее любила.

Как бы обрадовалась Ливви, если бы узнала, что они с Эммой вместе. Если бы они могли пожениться, Ливви на седьмом небе от счастья кинулась бы планировать свадьбу. Эта мысль пронзила его как клинок, и теперь ворочалась в ране.

Дождь обрушивался в каналы, и весь мир вокруг превратился в танец воды и тумана. Дом Инквизитора вставал впереди гигантской тенью. Джулиан так быстро взлетел по ступеням, что чуть не врезался со всего размаху в дверь. Он постучал. Ему открыл Магнус, измученный и необычно бледный. Поверх черной футболки и джинсов на нем красовалась синяя шелковая мантия. И никаких обычных колец на руках.

При виде Джулиана он пошатнулся, прислонился к дверному косяку, и молча смотрел, но не на Джулиана, а сквозь него... на кого-то еще...

– Магнус... – начал, немного встревожившись, Джулиан.

Магнус был не совсем здоров, хотя забыть об этом было немудрено. Он всегда казался неизменным, неуязвимым.

– Магнус, я...

– Я здесь по своему собственному делу, – подхватил чародей далеким и тихим голосом. – Мне нужна твоя помощь. Мне больше не к кому обратиться.

– Я совсем не это... – Джулиан отбросил мокрые волосы со лба. Его собственный голос тоже уплыл по волне чужой памяти. – Ты кого-то сейчас вспоминаешь...

Магнус встряхнулся, как вышедший из воды пес.

– Другую ночь и другого синеглазого мальчика. В Лондоне было мокро... но разве там бывает иначе?

Джулиан решил не развивать эту тему.

– Но в целом ты прав. Мне действительно нужна твоя помощь. И больше некого попросить.

– Тогда входи, – вздохнул Магнус. – Только не шуми. У меня все спят, а сейчас это большое достижение.

Еще бы, думал Джулиан, следуя за ним в главную гостиную. Не в одном доме нынче горе.

Внутри дом был необыкновенно роскошным: высокие потолки, тяжелая и дорогая мебель. Роберт мало что изменил в убранстве кабинета – в нем не было ничего личного, никаких семейных портретов. На стенах было мало картин, да и те – в основном какие-то нейтральные пейзажи.

* * *

* * *

– Я так давно не видел, чтобы Алек плакал, – заметил Магнус, падая на диван и устремляя взор в никуда (хоть и не слишком далеко); Джулиан остался где был, и ковер под ним постепенно промокал. – Или Изабель. Я понимаю, каково это, когда твой отец оказывается негодяем. Но это твой негодяй. И он любил их и пытался что-то делать для них... Чего обо мне не скажешь.

Он мельком взглянул на Джулиана.

– Простишь, если я не стану сушить тебя заклинанием? Я пытаюсь сохранять энергию. Вон там, на стуле, одеяло.

Джулиан проигнорировал его слова.

– Я не должен был приходить.

Взгляд Магнуса остановился на кровавой тряпке у него на запястье, и его взгляд стал теплее.

– Все в порядке, – сказал он. – В первый раз за очень долгое время я чувствую отчаяние, оно накатывает приступами. Мой Алек потерял отца, а Конклав – достойного Инквизитора. А ты... ты потерял надежду на спасение. Не думай, что я этого не понимаю.

– Моя руна жжется, – сказал Джулиан. – Это началось сегодня. Как будто она начертана огнем.

Магнус ссутулился, устало потер руками лицо. Страдальческие морщины пролегли в углах рта, глаза ввалились.

– Жаль, что я мало об этом знаю, – сказал он. – О том, какие последствия это принесет – тебе, Эмме, остальным. – Он помолчал. – Мне следовало быть добрее с тобой. Ты потерял ребенка.

– Я думал, это заслонит все прочее, – голос Джулиана был хриплым. – Думал, в моем сердце не хватит места ни для чего, кроме этой муки. Но оказалось, я могу еще бояться за Тая и Дрю. И вообще чувствовать куда больше, чем полагается человеку.

Руна снова вспыхнула болью, да так, что у него подкосились ноги. Он зашатался и рухнул на колени перед Магнусом. Тот не удивился, только посмотрел на него с тихим аристократическим терпением, словно священник, готовый выслушать исповедь.

– И от чего же боли больше, – спросил он, – от любви или ненависти?

– Не знаю, – признался Джулиан.

Он упирался мокрыми пальцами в ковер. Дышать было трудно.

– Я все еще люблю Эмму – сильнее, чем думал. И с каждым днем люблю все больше. С каждой тщетной попыткой остановиться. Люблю так, что меня каждую минуту будто разрывает надвое. Я хочу перегрызть горло каждому из Когорты.

– Какая необычная ода любви, – Магнус наклонился вперед. – А как же Аннабель?

– Ее я ненавижу, – равнодушно сказал Джулиан. – В моей душе ненависти хватит на всех. Кошачьи глаза Магнуса сверкнули.

– Не думай, будто я не в курсе, что ты чувствуешь. Кое-что я сделать могу. Но это временное решение. И, учти, жесткое. А облегчать тебе переход я не буду.

– Прошу тебя.

Стоя перед колдуном на коленях, Джулиан поднял глаза: никогда в жизни он ничего ни у кого не просил, но сейчас ему было на это плевать.

– Я знаю, ты болен, знаю, что не должен был даже спрашивать, но мне действительно больше некуда пойти...

– Будут последствия, – вздохнул Магнус. – Ты когда-нибудь слышал выражение: «Сон разума рождает чудовищ»?

– Да, – сказал Джулиан. – Но я и так буду чудовищем.

Магнус встал. На мгновение он вырос над Джулианом, высокий и темный, как Мрачный Жнец из детских кошмаров.

– Пожалуйста, – повторил Джулиан. – Мне больше нечего терять.

– Нет, есть.

Магнус поднял левую руку и испытующе посмотрел на вспыхивающие на кончиках пальцев синие искры.

– Еще как есть.

Комната озарилась синим пламенем. Джулиан закрыл глаза.

3

Забвение страстей

Похороны назначили в полдень, но Эмма ворочалась в кровати с четырех, если не с трех утра. Глаза у нее были сухими, руки, пытавшиеся собрать волосы в аккуратный узел на затылке, предательски дрожали.

Когда Джулиан ушел, она бросилась к окну как была, в простыне, и выглянула наружу. Она была потрясена, не могла поверить... Она видела, как он выбежал из дома и скрылся за пеленой дождя, даже куртку не застегнул.

Делать было нечего. Вряд ли на улицах Аликанте Джулиану грозит опасность. Но она все равно ждала, когда на лестнице прозвучат его шаги. Открылась и хлопнула дверь в спальню.

Она встала и заглянула к Таю: тот спал, и Кит рядом с ним. Сумка Ливви валялась тут же, на полу. Она забрала ее, боясь, что Тай проснется, увидит и... У себя в комнате она села на кровать, расстегнула молнию. Обычные вещи подростка: несколько рубашек и юбок, книжка, аккуратно завернутая зубная щетка, мыло. Одна рубашка была грязная, и Эмма подумала, что, наверное, надо ее постирать – вдруг, это поможет, но тут же отчетливо поняла: нет, не поможет, это вообще больше не имеет значения – и упала на сумку, обняла ее и зарыдала так, будто ее сердце разрывалось пополам.

В конце концов Эмма провалилась в беспокойный сон: ей снились кровь и огонь. Разбудил ее стук в дверь: это была Кристина с кружкой чая и неприятными новостями. Утром на срочном голосовании Горация избрали новым Инквизитором. Остальным членам семьи она уже об этом рассказала, все проснулись и готовились к похоронам.

В чае оказалось примерно три тысячи ложек сахара – очень мило, но горькую пилюлю новостей об Инквизиторе это подсластить не могло.

* * *

Эмма снова стояла у окна, когда Кристина опять вошла – на сей раз с кипой одежды. Она была в белом, цвете траура и похорон у Охотников. Белая куртка, белая рубашка, белые цветы в распущенных волосах.

– Убирайся, – нахмурившись, сказала Эмма.

– Это еще почему?

Из окна открывался величественный вид на весь Нижний город до самых стен, за которыми раскинулись зеленые поля. Вдалеке виднелась вереница фигур в белом, вытекающая из городских ворот. Посреди поля высились две огромные пирамиды из дров.

– Костры уже сложили, – прошептала Эмма, чувствуя подступающую дурноту.

Рука Кристины коснулась подоконника рядом, а еще через секунду они уже сидели вместе на кровати, и Кристина говорила ей: «Дыши, дыши...»

– Прости, – повторяла Эмма. – Мне так жаль... Я не собиралась расклеиваться...

Несколько прядей выбились из узла на затылке. Умелые руки Кристины тут же вернули их на место.

– Когда умер мой дядя, – сказала она, – его похоронили в Идрисе. Я на похороны не попала: мама думала, что в Идрисе все еще небезопасно. Когда она вернулась оттуда, от ее одежды пахло дымом. Я подумала: вот и все, что теперь осталось от дяди – этот дым на маминой куртке.

– Мне нужно быть сильной, – пробормотала Эмма. – Я должна быть там, ради Блэкторнов. Джулиан...

«...сломлен, раздавлен, разбит. Ушел. Нет, не ушел. Просто не со мной».

– Ты тоже имеешь право оплакивать Ливви. Она и тебе была сестрой. Семья – это не только узы крови.

– Но...

– Горе не делает нас слабыми, – резко сказала Кристина. – Оно делает нас людьми. Как бы ты могла утешить Дрю или Тая, или Джулиана, если бы не знала, что они чувствуют? Сочувствие – это нормально. А вот знание о том, какой формы дыра осталась у тебя в сердце после потери, – это редкость.

– Вряд ли кто-то из нас в состоянии представить дыру в сердце Тая, – покачала головой Эмма. Страх за него острой горечью жег ей горло, смешался с ее собственным горем по Ливви... Еще немного, и она совсем задохнется.

Кристина похлопала ее по руке.

– Давай-ка одевайся. Я буду на кухне.

Эмма не помнила, как оделась, потом посмотрела на себя в зеркало. Белая форма была покрыта красными рунами траура, сплошь, внахлест, и надпись почти сразу становилась неразличима для глаза, как слишком часто повторяемое слово – для слуха. Ее кожа и волосы казались еще светлее, и даже глазам было холодно. Я похожа на ледышку, подумала Эмма. Или на лезвие клинка.

Если бы только Кортана была с ней... Можно было бы отправиться в Броселианд и кричать, кричать, и рубить воздух, а потом упасть в изнеможении на землю, сочась болью утраты, словно кровью, из каждой поры.

Чувствуя себя неполной, ненастоящей без меча, она зашагала по лестнице вниз.

* * *

Когда Тай спустился вниз, Диана была на кухне. Тай был один. Ее рука так сжала стакан, что пальцам стало больно.

Диана не знала, чего ждать. Большую часть ночи, пока Тай спал – мертвым сном, без единого движения, – она сидела рядом. Пыталась вспомнить, как молиться Разиэлю, но слишком много времени прошло... Когда умерла сестра, там, в Таиланде, она делала приношения – цветы и благовония. Но это не помогло и дыра в сердце там, где полагалось быть Арии, тоже никуда не делась.

А Ливви и Тай были близнецами. Ни один из них не знал мира, в котором не было бы другого. Последние слова Ливии были: «Тай, я...». И никто никогда не узнает, что она хотела сказать. Как он теперь с этим справится? Как с этим вообще можно справиться?

Консул обеспечила всех траурной одеждой. Очень мило с ее стороны. Диана надела свое белое платье и форменную куртку, а Тай был полностью в трауре – в элегантно скроенном белом пиджаке, белых брюках и ботинках. От этого его волосы казались еще чернее. Диана вдруг подумала: когда он вырастет, то будет неотразим. Она так долго относилась к нему, как к прелестному ребенку, ей даже в голову не приходило, что однажды на эту красоту будут смотреть... более взрослыми глазами.

Тай хмурился. Он был очень бледен, как бумага, но причесан аккуратно и выглядел собранным, почти как всегда.

– Двадцать три минуты, – сказал он.

– Что? – не поняла она.

– Нужно двадцать три минуты, чтобы добраться до полей, а через двадцать пять минут уже начнется ритуал. Где все?

Диана потянулась за телефоном, чтобы отправить Джулиану сообщение, но вспомнила, что в Идрисе нет сигнала. Сосредоточься, велела она себе.

- Думаю, все уже идут туда...
- Я хотел поговорить с Джулианом.

Это прозвучало не как требование, скорее так, будто Тай пытался вспомнить длинный список важных дел, которые нужно выполнить по порядку, и не перепутать.

– Он был с Ливви в Безмолвном городе. Мне нужно знать, что он видел, и что они с ней сделали.

Не хотела бы я знать такого про Арию, подумала Диана и тут же одернула себя. Она не Тай. Таю становилось спокойнее от фактов, он терпеть не мог неизвестность. Тело Ливви забрали и заперли за каменными дверями. Естественно, ему нужно было знать... уважительно ли монахи обращались с ним, сохранили ли ее вещи, вытерли ли кровь с лица? Только узнав все, он мог наконец понять.

На лестнице зазвучали шаги. Кухню неожиданно заполнили Блэкторны. Тай освободил проход. Вошла Дрю – с красными глазами и в куртке на размер меньше, чем нужно. За ней Хелен с Тавви на руках – оба в белом. Алина и Марк; Алина – с высоко зачесанными волосами и крохотными сережками в виде траурных рун. Диана вздрогнула, сообразив, что машинально ищет Кьерана рядом с Марком. Она совсем забыла, что его там быть не может.

Спустилась Кристина, за ней Эмма – обе тихие и подавленные. Диана накрыла на стол – чай, тосты, масло. Хелен опустила Тавви на пол и начала готовить ему завтрак. Больше никто есть не собирался.

Тай недовольно поглядел на часы. Секунду спустя вниз сбежал Кит. В белой куртке ему явно было не по себе. Тай ничего не сказал, даже не посмотрел в его сторону, но его плечи стали менее напряженными.

Последним вниз сошел Джулиан. Диана чуть не бросилась к нему – убедиться, что с ним все в порядке, но он давно уже не позволял ей подобных вольностей. Если вообще когда-нибудь позволял. Он всегда был самодостаточным, и терпеть не мог демонстрировать негативные эмоции перед родственниками.

Эмма посмотрела на него, но он на нее даже не взглянул. Джулиан оглядел комнату, оценил настроение каждого из присутствующих, но все оценки и расчеты остались при нем, за стеной его бесстрастного сине-зеленого взгляда.

– Нам пора, – сказал он. – Они нас, конечно, подождут, но не слишком долго, и мы должны присутствовать на ритуале Роберта.

В его голосе звучало что-то новое... но что, Диана понять не могла. Скорее всего, горе просто лишило его обычных интонаций.

Все лица обратились к нему. Он был центром, подумала Диана, осью, на которой вращается семейное колесо. Эмма и Кристина отступили на шаг – они не Блэкторны... При звуках его голоса Хелен явно стало легче. Она уже боялась, что ей придется работать овчаркой и сгонять стадо вместе.

Тавви подошел к Джулиану, схватил его за руку. Белая река молча потекла из комнаты, по серым каменным ступням.

Диана думала о сестре... – ее сожгли в Таиланде, а прах отослали в Идрис, чтобы похоронить в Безмолвном городе. Дианы на похоронах не было, она вообще не думала, что еще когда-нибудь ступит на землю Охотников.

Когда они шли по улице к мосту, где-то наверху распахнулось окно. Длинное белое знамя с траурной руной выплеснулось оттуда и забило на ветру. Тай удивленно поднял голову, и Диана только тут увидела, что и улицы, и мост, и весь путь к городским воротам заполнен колышущимися белыми стягами. Они шли между снежными полотнищами, и даже Тавви удивленно вертел головой.

Возможно, все это было главным образом в честь Роберта, Инквизитора, но и в честь Ливви тоже. Хотя бы это у Блэкторнов останется, подумала она, – память о почестях, которые Идрис воздавал их покойной сестре.

Она надеялась, что избрание Горация Инквизитором не сделает день еще хуже. Всю жизнь она провела в тени этого вынужденного перемирия – не только между Охотниками и Нижнемирскими, но еще между теми из нефилимов, кто полагал, что Конклав должен принять жителей Нижнего Мира, и теми, кто с этим был категорически не согласен.

Многие ликовали, когда после Темной войны обитатели Нижнего Мира наконец-то вошли в Совет. Но далеко не все: о Ласло Балаше и Горации Диарборне ходили упорные слухи. Холодный мир дал им свободу выражать свою ненависть – и они делали это, уверенные, что все правильно мыслящие нефилимы с ними согласятся.

Сама Диана всегда считала, что это плохо, но избрание Горация разжогло в ее сердце давно тлеющий страх, что нефилимов, необратимо, насквозь пропитанных ненавистью, в Идрисе гораздо больше, чем ей кажется.

Когда они ступили на мост, что-то задело ее плечо, будто крылом. Диана хотела смахнуть это, но увидела, что это цветок. Белый цветок – один из тех, что растут только здесь, в Идрисе. Высоко над головой быстро неслись облака, гонимые резким ветром, но она успела разглядеть силуэт человека верхом на коне, исчезающего за одним из них.

Гвин. От одной мысли о нем на душе стало теплее. Она спрятала цветок в руке.

* * *

Нетленные поля.

Так называлось это место, хотя большинство Охотников называло его просто Полями. Они раскинулись по равнинам за пределами Аликанте, от городских стен, возведенных после Темной войны, и до самого Броселиандского леса.

Дул ласковый ветерок. Эмма предпочитала океанский ветер в Лос-Анджелесе с характерным привкусом соли – этот ветерок был слишком мягок для дня похорон. Он вздымал волосы, закручивал белые юбки вокруг коленей. Белоснежные флаги у каждого костра лентами вились на фоне неба.

Луг плавно сбегал от города к лесу. Когда они приблизились к кострам, Кристина нашла руку Эммы и сжала ее; та благодарно ответила на пожатие. Они подошли достаточно близко к толпе, чтобы видеть пристальные взгляды и слышать тревожные шепотки. Сочувствие к Блэкторнам, да, но еще и косые взгляды – на них с Джулианом. Джулиан привез Аннабель в Идрис, а Эмма... Эмма сломала Меч Смерти.

– Такому могущественному клинку, как Кортана, нечего делать в руках ребенка, – процедила женщина со светлыми волосами, когда они проходили мимо.

– Темной магией пахнет, – заметил кто-то еще.

Эмма решила не слушать и стала смотреть прямо перед собой. Между кострами стояла Джиа, вся в белом. Нахлынули воспоминания о Темной войне: так много людей в белом, так много костров...

Рядом с Джиа стояла женщина с длинными рыжими волосами – Эмма узнала мать Клэри, Джослин. Рядом – Мариза Лайтвуд; ее распущенные черные с проседью волосы струились по спине. Она что-то горячо говорила Джиа, хотя слов было не разобрать.

Оба костра были готовы, хотя тела из Безмолвного города еще не доставили. Охотников собралось много. Никого приходить на похороны не заставляли, но Роберт был популярен, а их с Ливви гибель – поистине ужасна.

Семейство Роберта собралось у правого костра. На его вершине была расстелена церемониальная мантия Инквизитора – ее сожгут вместе с ним. Вокруг костра собрались Алек

и Магнус, Саймон и Изабель – все в трауре... даже крошка Макс и Раф. Изабель помахала Эмме, ее глаза опухли от слез.

Саймон, стоявший рядом с ней, почти звенел, как натянутая струна. Его взгляд перебегал с одного лица на другое. Эмма невольно подумала, что он ищет тех же, кого и она – тех, кому точно следует быть здесь, когда Роберт Лайтвуд навек покинет этот мир.

Где носит Джейса и Клэри?

* * *

Сумеречные охотники нечасто казались Киту такими чужими. Они были повсюду, в белом с головы до ног. До сих пор этот цвет ассоциировался у него только с Пасхой или со свадьбой. Знамена, руны, мерцающие башни вдалеке – он чувствовал себя как на другой планете.

Не говоря уже о том, что Охотники, оказывается, не плачут. Киту случалось раньше бывать на похоронах, да и по телевизору он их видел: там у людей всегда в руках платки. Но только не тут: все стоят молча, каменные, напряженные. Птиц и то лучше слышно, чем разговоры.

Кит и сам не плакал, даже после смерти отца. Он знал, что это нельзя назвать нормальным, но отец никогда не упускал случая напомнить, что если позволишь горю сломить тебя, будешь сломлен навсегда. Кит слишком многим был обязан Блэкторнам, и особенно Таю, чтобы позволить себе сейчас разбиться на куски из-за Ливви. Она бы этого не хотела. Она бы предпочла, чтобы он был рядом с Таем.

Один за другим нефилимы подходили к семье со словами соболезнования. Джулиан стоял впереди, как щит, и равнодушно отметал любые попытки сердечно поговорить с его братьями и сестрами, собравшимися позади. Он был холоднее и бесстрашнее, чем обычно, но это никого не удивляло. Горе на всех влияет по-разному.

Ему пришлось выпустить руку Тавви, и тот подошел к Дрю и прижался к ее боку. А еще Джулиан оставил без контроля Тая, и Кит пробрался к нему, чувствуя себя очень глупо в белых кожаных штанах и куртке. Он знал, что это траурная одежда, и так положено, но все равно не мог избавиться от ощущения, что похож на кого-то из музыкального клипа восьмидесятых.

– Похороны – это очень печально, – сказала женщина, назвавшаяся Ириной Картрайт. Она жадно смотрела на Джулиана взглядом, полным жалости.

Он не ответил, и она переключилась на Кита.

– Правда же?

– Понятия не имею, – признался тот. – Моего отца съели демоны.

Ирина растерялась и поспешила прочь, обронив напоследок еще несколько дежурных фраз. Джулиан поднял бровь и повернулся к следующему в очереди.

– Телефон... все еще у тебя? – спросил Кит у Тая и сразу же почувствовал себя полным идиотом.

Ну кто лезет к человеку на похоронах его сестры с вопросами про телефон? Тем более, если связи все равно нет.

– Конечно, позвонить не получится...

– В Идрисе есть один работающий телефон. У Консула в офисе, – тихо сказал Тай.

Он совсем не выглядел рок-звездой восьмидесятых. Нет, Тай был холодный, удивительный и...

«Красивый», – мелькнуло у Кита в голове, ярко, как неоновая вывеска. Он постарался забыть об этом.

Элегантный. Тай выглядел элегантно. Наверное, черноволосые люди всегда эффектно выглядят в белом.

– Меня интересует не возможность позвонить, а фото на телефоне, – сказал Тай.

– Фото Ливви? – смущенно спросил Кит.

Тай внимательно на него посмотрел. Тогда, в Лондоне, они вместе разгадывали всякие тайны... как Холмс и Ватсон. И Кит всегда вроде бы понимал, что Тай имеет в виду. Но только не сейчас.

– Нет, – сказал Тай и оглянулся по сторонам.

Наверняка толпа вокруг ему мешала. Кит и сам ненавидел толпы. Магнус и Алек вместе с детьми стояли рядом с Консулом. И с ними красивая черноволосая девушка с бровями совсем как у Алека, и мальчик – вообще-то ему было лет двадцать – с растрепанными каштановыми волосами. Он пристально посмотрел на Кита, словно говорил: «Я тебе где-то видел». Еще несколько человек сделали то же самое. Кит решил: это потому, что он и правда очень похож на Джейса. Как будто тот вдруг стал меньше ростом, и лишился мышц и общей неотразимости.

– Мне нужно с тобой поговорить, но не сейчас, позже, – тихо сказал Тай.

Кит не знал, беспокоиться ему или гордиться. После смерти Ливви Тай еще ни с кем не разговаривал.

– А ты не хочешь поговорить с братом? С Джулианом?

– Нет, – отрезал Тай. – Я хочу поговорить с тобой...

Фраза оборвалась, словно он собирался сказать что-то еще, но передумал.

Над равниной пронесся низкий печальный звук, как будто кто-то протрубил в рог. Все повернулись к городу. Кит посмотрел туда же: процессия выходила из ворот. Дюжины Безмолвных Братьев в пергаментных одеждах шествовали с двух сторон от гробов, которые несли на плечах стража Консула.

Они были еще слишком далеко, чтобы понять, на котором из них Ливви. Кит видел только, что на каждом лежит тело, завернутое в белую ткань. Потом процессия приблизилась, и стало видно, что одно тело гораздо меньше другого... Кит невольно посмотрел на Тая.

– Мне так жаль, – пробормотал он. – Мне так жаль...

Тай тоже смотрел в ту сторону. Одна его рука безотчетно сжималась и разжималась, но больше ничто не выдавало его эмоций.

– У тебя нет никаких оснований сожалеть, – бросил он. – Так что будь добр – не надо.

Кит потерял дар речи. Холодное напряжение росло внутри, леденя тело. Кажется, он только что лишился не только Ливви, но и Тая.

* * *

– Они еще не вернулись, – сказала Изабель, как всегда собранная, безупречная: аккуратная форма, белая лента стягивает волосы.

Она держала Саймона за руку; костяшки ее пальцев были такими же белыми, как и цветок в петлице.

Эмма всегда думала, что горе похоже на коготь. Коготь исполинского чудовища, которое невозможно увидеть. Оно протягивает с небес лапу и хватает тебя, вышибает дух, болезненно вонзается, от него не спрятаться, не убежать. Нужно ждать и терпеть, пока коготь тебя не отпустит.

Ту же боль она видела во взгляде Изабель, под бесстрастной маской. Ей так хотелось протянуть руки, обнять... Но приходилось лишь жалеть, что рядом нет Клэри – они с Изабель были как сестры. Клэри могла утешить Изабель, как могут это только лучшие друзья.

– Я думал, ты знаешь, – нахмурившись, сказал Саймон.

Клэри, кажется, говорила, что не может рассказать Саймону о своих видениях, полных смерти, потому что он расстроится.

– Я думал, они сказали тебе, куда пошли.

Никто не обращал на них особого внимания: Джиа была поглощена беседой с Джослин и Маризой; остальные Охотники окружили Джулиана с семейством, выражая им соболезнования.

– Они и сказали. Они ушли в страну фэйри.

Саймон и Изабель безотчетно шагнули ближе к ней. Оставалось надеяться, что их группка выглядит не слишком заговорщически, потому что именно этим они фактически и собирались заняться.

– Я просто надеялась, что к этому времени они уже вернутся, – пояснила Эмма.

– Они собирались вернуться завтра.

Изабель вдруг заворковала и наклонилась, чтобы подхватить на руки Макса, который тут же удобно устроился у нее на груди, уткнувшись головой под подбородок.

– Вообще-то это ужасно. Если бы только можно было как-то отправить им послание...

– Не могли же мы попросить Конклав отложить похороны, – проворчал Саймон.

Сумеречных охотников не бальзамировали: их сжигали, и как можно быстрее, пока тело не начало разлагаться.

– Джейс будет вне себя, – Изабель через плечо посмотрела на брата, который разговаривал с Магнусом, держа Рафа за руку. – Особенно потому, что бросил Алека здесь одного.

– Горе – дело долгое, – с трудом произнесла Эмма, горло у нее перехватило. – Сейчас тут и так полно народу. Если Джейс будет с Алеком потом, после похорон, когда схлынет волна соболезнований от совершенно посторонних людей, это все равно будет хорошо.

– Спасибо, – взгляд Изабель стал теплее. – Не волнуйся за Клэри и Джейса. С самого начала было ясно, что связи с ними некоторое время не будет. Саймон – парабатай Клэри; он бы почувствовал, если бы с ней что-то случилось. И Алек тоже – про Джейса.

Связь парабатаев крепка, с этим не поспоришь. Эмма задумалась, опустила глаза.

– Приехали, – Магнус забрал Макса у Изабель, бросив на Эмму косой взгляд, значения которого она не поняла. – Братья здесь.

Колонна монахов безмолвно и плавно вонзалась в толпу, расступавшуюся перед ними, как море перед фараоном. Сумеречные охотники расступились. Гробы Ливви и Роберта проплыли мимо и остановились между кострами.

Ливви лежала, бледная, в белом платье, с белой повязкой на глазах и золотым ожерельем на шее. В длинные темные волосы были вплетены белые цветы.

...Ливви скачет на кровати в светло-зеленом шифоновом платье, которое купили в «Тайном кладе». «Эмма, Эмма, смотри, какое у меня платье!..»

Эмма сражалась со своей памятью, с ледяной правдой мгновения: это последнее платье, которое она увидит на Ливви. Последняя возможность смотреть на эти каштановые кудри, на абрис щеки, на упрямый подбородок. Ливви, моя Ливви... мудрый мой совенок, сестричка...

Она едва не закричала, но Охотники не плачут перед лицом смерти. Вместо этого они произносят древние слова, дошедшие до наших дней из глубины веков.

– *Ave atque vale*, – пронесся над толпой шепот. – *Ave atque vale, Роберт Лайтвуд. Ave atque vale, Ливия Блэкторн.*

Изабель и Алек наконец повернулись к катафалку отца. Джулиана и остальных Блэкторнов все еще осаждали сочувствующие. Эмма на мгновение оказалась наедине с Саймоном.

– Я говорила с Клэри перед ее уходом, – быстро сказала она. Слова словно горячий ком сдавливали ей горло. – Она боялась, что может случиться что-то плохое.

– О чем ты? – не понял Саймон.

– Если она не вернется вовремя... – Эмма потрясла головой.

Саймон испуганно посмотрел на нее, но не успел ответить: Джиа выступила вперед и начала говорить.

* * *

– Охотники умирают молодыми, – сказал тот, кто взял слово следом за ней.

Говорившего Джулиан не узнал: тому было около сорока; черные густые брови... На куртке была нашивка Схоломанта, но кроме этого его ничто не выделяло среди десятков других, явившихся сообщить Джулиану, что они очень сожалеют о гибели его сестры.

– Но пятнадцать... – незнакомец покачал головой (Гладстон, вспомнил Джулиан – его фамилия была Гладстон). – Роберт жил полной жизнью. Он был моим дальним родственником, кстати. Но то, что случилось с вашей сестрой... такого не должно было быть. Она ведь всего лишь дитя.

Марк издал какой-то придушенный звук. Джулиан парой вежливых фраз отправил чужака идти дальше своей дорогой. Все было далеким, словно весь мир был обит ватой.

– Он мне не понравился, – проворчала Дрю вслед Гладстону; лицо ее было мокрым и блестяло – столько слез просто так не смоешь.

Джулиана словно бы было два: один, прежний, непременно попытался бы утешить Дрю, потрепать по голове, взъерошить волосы. Второй, Теперешний, даже рукой не шевельнул. Он остался недвижим, пока волны толпы омывали его, отступая перед погребальной процессией. Вон Хелен напротив него подняла Тавви на руки...

– Ему уже семь, – сказал он ей. – Слишком большой, чтобы таскать его на руках.

Она поглядела на него, наполовину удивленно, наполовину осуждающе, но ничего не сказала. Безмолвные Братья шествовали между ними, сопровождая гробы. Блэкторны замерли. Воздух наполнился напевом нефилимов.

– *Ave atque vale, Ливия Блэкторн. Привет тебе и прощай.*

Дрю закрыла лицо руками, Алина обняла ее. Джулиан невольно устремил взор на Тая – просто не успел себя остановить.

С ним как раз разговаривал Марк, рядом торчал Кит, засунув руки в карманы, – сгорбившийся, совершенно раздавленный. Тай не отрывал взгляда от катафалка Ливви; на его щеках пылали алые пятна. По дороге из города он засыпал Джулиана вопросами: – *Кто прикасался к ней в Безмолвном городе? Они смыли с нее кровь? Расчесали ей волосы? Забрали ожерелье? Разрешили тебе взять ее одежду? Кто выбирал платье, в котором ее сожгут? Они закрыли ей глаза, прежде чем надеть повязку?* – пока тот не устал и не начал рывкать в ответ.

Рядом с кострами – каждый был сложен из массивных бревен и кучи растопки – уже установили огромные лестницы. Один из Братьев поднял тело Ливви на руки и начал подниматься по ступеням. Добравшись до вершины, он положил труп на дрова. Другой Брат положил тело Роберта Лайтвуда на второй костер.

Теперь рядом с Таем стояла еще и Диана. В петлице воротника белел, выделяясь на фоне темной кожи, одинокий цветок. Она что-то тихо ему сказала, он посмотрел на нее.

Джулиану было больно. Это была физическая боль, будто его ударили в живот, и он только что снова смог дышать. Окровавленная полоска ткани жгла запястье, словно огнем.

Эмма... он поискал ее глазами и увидел рядом с Саймоном. К ним подошла Кристина.

Лестницы убрали; Безмолвные Братья шагнули вперед с зажженными факелами. Огонь пылал так ярко, что мог затмить даже дневной свет, и волосы Эммы тоже словно пылали.

– Огонь, костры... – проворчал Марк, возникая рядом с Джулианом. – У нас, в Дикой Охоте, небесные похороны.

Его щеки покраснелись, светлые кудри растрепались, но траурные руны были нарисованы четко. Он не сам их наносил – слишком красивая и тонкая работа. Наверняка это сделала Кристина.

– Мы оставляем тела на вершинах ледников или высоких деревьев, чтобы птицы сами о них позаботились, – пояснил Марк.

– Может, не будешь советовать людям, как им хоронить своих близких?

Марк моргнул.

– Прости. Я не всегда говорю то, что нужно.

– Если сомневаешься, лучше молчи, – посоветовал Джулиан. – Я серьезно. Я бы на твоём месте вообще заткнулся.

Марк посмотрел на него так же, как Хелен – удивленно и обиженно, но прежде чем он успел что-то ответить, Джиа Пенхаллоу, в ослепительно белых церемониальных одеждах, начала свою речь.

– Братья мои, Сумеречные охотники, – зазвучал над Нетленными полями ее голос. – Великая трагедия пришла к нам. Один из вернейших служителей Конклава, Роберт Лайтвуд был убит в Зале Соглашений, где до сих пор власть имел только Закон.

– Может, стоит упомянуть, что он был предателем? – раздался голос из толпы.

Это сказала Зара. Вокруг нее зазвучали смешки, зашипели, как вода в выкипающем чайнике. Друзья – Мануэль Виллалобос, Саманта Ларкспир, Джессика Босежур – обступили ее тесным кольцом.

– Поверить не могу, что они осмелились прийти, – пробормотала Эмма.

Каким-то образом она оказалась рядом с Джулианом. Он не заметил, как это случилось, но в последнее время реальность включалась и выключалась, будто затвор камеры то закрывался, то открывался. Эмма немного растерялась, когда Джулиан не ответил, и снова ушла в толпу, отодвинув Гладстона с дороги.

– ...погибла и одна из самых юных и многообещающих Охотниц, чья кровь пролилась у нас на глазах, – говорила Джиа.

Эмма как раз добралась до Зары и ее компании. Обнаружив ее рядом, Зара слегка отпрыгнула и попыталась спрятать утрату самообладания за свирепым взглядом. Впрочем ее авторитет явно не волновал Эмму ни в малейшей степени: она гневно тыкала пальцем в Зару, а потом в Блэкторнов и Тая. Голос Джиа звенел над полями:

– Мы не оставим это безнаказанным. Мы не забудем, кто несет ответственность. Мы – воины, а воины сражаются. И мы нанесем ответный удар.

Спутники Зары выглядели очень упрямыми – все, кроме Мануэля. Он улыбался кривой отстраненной улыбкой, от которой у Джулиана при других обстоятельствах по спине побежали бы мурашки. Эмма резко развернулась и зашагала прочь. Лицо ее было мрачнее тучи.

Но Зара хотя бы перестала трепать языком, а это уже кое-что.

– Они покинули нас, – говорила Джиа. – Нефилимы лишились двух великих душ. Да благословит их Разиэль. Да воздаст им почести Ионафан Охотник. Пусть Давид Безмолвный помянет их. А мы сопроводим их тела в некрополь, где их ожидает вечная служба.

Голос Консула смягчился. Все сейчас смотрели на нее, даже дети вроде Тавви, Рафа и Макса, и все видели, как ее лицо изменилось и потемнело. И следующие слова она произнесла так, словно от них горчило во рту.

– А сейчас новый Инквизитор желает сказать несколько слов.

Вперед выступил Гораций Диарборн. Джулиан только сейчас его заметил. На нем была белая траурная мантия, на лице – соответствующее мрачное, серьезное выражение, за которым, как тень позади стекла, таился торжествующий оскал.

Теперь Зара открыто усмехалась. Большинство соратников из Схоломанта обступили ее. Она приветственно помахала отцу. Улыбка Мануэля становилась все шире, и наконец заполнила все лицо.

Изабель и Саймон, напротив, выглядели так, словно их вот-вот стошнит. Эмма явно была в ужасе. Алек и Магнус едва сдерживали гнев.

Джулиан пытался почувствовать то же, что они, но не смог. Он больше ничего не чувствовал.

* * *

Гораций Диарборн обвел собравшихся взглядом и выдержал длинную паузу. Кит достаточно слышал от других, чтобы понимать: папаша Зары – еще больший лицемер, чем она. Он был избран новым Инквизитором большинством голосов Совета, боявшегося Неблагого Двора в частности и Нижнемирских вообще настолько, чтобы облечь властью такого злодея.

Кита все это не удивляло, но вгоняло в депрессию.

Тай, стоявший рядом, не удостоил Горация взглядом. Он смотрел только на Ливви – вернее, на то небольшое, что ему было видно: белое пятнышко на вершине огромной поленницы. Глядя на сестру, он что-то чертил указательным пальцем правой руки на тыльной стороне левой – снова, снова, и снова... И почти не двигался.

– Этот день, – наконец заговорил Гораций, – как уже сказала Консул, поистине мог бы стать днем горя.

– Как мило, что ты заметил, – проворчала Диана.

– Однако... – голос Инквизитора стал громче, а указующий перст теперь был обращен на толпу, словно обвиняя ее в ужасном преступлении. – Обе эти смерти не внезапны. У них есть причины. И нам хорошо известно, на ком лежит ответственность. Глупые Охотники допустили, чтобы это случилось, но на самом деле за этим ужасным деянием видна рука Неблагого Короля и его фэйри, а с ними и всего Нижнемирского народа!

«С чего бы это?» – подумал Кит.

Гораций очень напоминал ему красномордых политиков, орущих с экрана телевизора, – трясущихся от ярости и мечтающих, чтобы до тебя наконец дошло: враг у ворот!

Идея о том, что в смерти Ливви и Роберта Лайтвуда виноват Неблагодой Король, что виновны поголовно все жители Нижнего Мира, казалась ему полной бессмыслицей, но если Кит ожидал, что собравшиеся будут протестовать, он просчитался. Публика странно безмолвствовала... и причиной явно было не враждебное отношение к оратору. Скорее, они просто стеснялись ликовать на похоронах. Магнус смотрел перед собой без всякого выражения, словно с его лица стерли любые эмоции.

– Смерть должна служить напоминанием, – произнес Гораций, и Кит перевел взгляд на Джулиана, чьи волосы трепал крепчающий ветер: вряд ли тот нуждался в таком напоминании. – У нас только одна жизнь, и мы должны прожить ее как воины. У любого из нас всего один шанс сделать правильный выбор. И вскоре наступит время, когда каждому Сумеречному охотнику придется решить, на чьей он стороне. На стороне предателей и сторонников Нижнего Мира? На стороне тех, кто жаждет уничтожить наш образ жизни и нашу цивилизацию? На стороне... молодой человек, что вы делаете? Спускайтесь оттуда немедленно!

– О, ради Ангела! – пробормотала Диана.

Тай лез вверх по костру Ливви. Это было нелегко: поленья были сложены для того, чтобы лучше горело, а не для того, чтобы по ним было удобно лазить, но он все равно умудрялся как-то цепляться руками и ногами. Он был уже достаточно высоко над землей, и сердце Кита уколол страх... вдруг какое-нибудь бревно пошатнется, и мальчик упадет?

Не помня себя от тревоги, он кинулся за ним, но чья-то твердая рука схватила его за шиворот.

– Нет, – прошипела Диана. – Не ты.

Суровые морщины прорезали ее лоб.

Не ты. Кит сразу понял смысл сказанного. Джулиан Блэкторн уже мчался к костру. Оттолкнув Инквизитора (тот возмущенно что-то квакнул), он вскочил на поленницу и полез вслед за братом.

* * *

– Джулиан! – но вряд ли он мог расслышать голос Эммы.

Теперь кричали все: гвардия Консула, сам Консул, Инквизитор, все собравшиеся. Зара и ее друзья хохотали и тыкали пальцами в Тая. Тот уже почти добрался до самого верха костра. Он никого и ничего не слышал, и упорно лез. Джулиан поднимался осторожнее и сильно проигрывал в скорости.

Молчали только Блэкторны. Эмма хотела ринуться следом, но Кристина схватила ее за запястье и решительно помотала головой.

– Не смей... это небезопасно. Нельзя отвлекать Джулиана.

Тай уже добрался до платформы на самом верху. И сел там, рядом с мертвым телом сестры.

– Тай, – всхлипнула Хелен.

Наверху буйствовал ветер. Волосы Тая металась вокруг его лица, когда он склонился над Ливви. Кажется, он коснулся ее сложенных рук... Волна скорби накрыла Эмму, ударила в живот, а за ней – новая волна тревоги за мальчика.

Джулиан тоже поднялся на платформу и опустился на колени возле брата. Словно две белые шахматные фигурки, только волосы Тая были немного темнее.

Сердце у Эммы билось уже где-то в горле. Это оказалось одним из труднейших испытаний в ее жизни – не побежать туда, не подняться на костер вслед за ними. Все, кроме Джулиана и Тая, стало далеким, ненужным – даже когда Зара с друзьями принялись хихикать, что хорошо бы Безмолвные Братья запалили костер прямо сейчас и сожгли обоих вместе трупом, раз уж им так нужно быть с Ливви.

Кристина рядом напряглась. Марк шагал по траве к кострам. Зара с компанией переключились на него и теперь обсуждали его острые уши и кровь фэйри, которая текла в его жилах. Марк, опустив голову, решительно шагал вперед. Эмма больше не могла этого выносить: она вырвалась и побежала следом. Если Марк хочет быть с Джулианом и Таем, тогда ничто не остановит и ее.

На краю ее поля зрения мелькнули Джиа рядом с Маризой и Джослин – застывшая картина ужаса. Сумеречные охотники так не поступают! Не превращают свое горе в спектакль. Не кричат, не бьются в припадках гнева, не устраивают истерик, не падают в обморок, не забираются на чужие погребальные костры.

Джулиан наклонился и обхватил лицо брата ладонями. Если не думать о случившейся трагедии, они выглядели как трогательный парный портрет. Эмма могла представить, как Джулиану трудно: он терпеть не мог проявлять эмоции на виду у тех, кому не доверял, но сейчас это его совершенно не волновало: он что-то шептал Таю, их головы почти соприкасались.

– Лестницы! – бросила она Марку, и он кивнул, не задавая лишних вопросов.

Они пробились сквозь толпу, схватили тяжелую лестницу, принесенную Безмолвными Братьями, приставили ее к башне из дров.

– Джулиан! – крикнула Эмма.

Он глянул вниз – они как раз пытались установить лестницу так, чтобы она не шаталась. Гораций кричал, чтобы они немедленно отошли, и приказывал гвардейцам стащить хулиганов вниз. Но его почему-то никто не слушал.

Джулиан коснулся ладонью щеки Тая, и тот, кажется, заколебался, вздрогнул, обхватил себя руками. Потом опустил их и последовал за Джулианом, который первым стал спускаться

по лестнице. Оказавшись на земле, Джулиан стал держать лестницу и приготовился ловить брата, если тот вдруг упадет.

* * *

* * *

Тай спустился и побрел прочь от костра, даже не остановившись перевести дух, – через луг, к Киту и Диане.

Кто-то крикнул, чтобы лестницу убрали, и Марк понес ее обратно, к Безмолвным Братьям. Эмма схватила Джулиана за руку и мягко, но настойчиво потащила прочь от костров.

Он выглядел оглушенным, как будто получил крепкий удар, и теперь у него кружилась голова. Они остановились в стороне от толпы, Эмма завладела обеими его ладонями.

Никто ничего не подумает – среди парабатаев нормально так проявлять приязнь. И все равно она поежилась. Прикосновение к нему, и ужасная ситуация, и это его пустое лицо – все это было уже как-то слишком.

– Джулиан...

Он поморщился.

– Мои руки, – голос прозвучал удивленно. – Я ничего не почувствовал.

Она опустила глаза и со свистом втянула воздух. Ладони походили на кровавых ежей – так густо торчали в них занозы. Занозы черными черточками виднелись под кожей, рядом торчали обломанные щепки размером с зубочистку, – теперь с них капала кровь.

– Тебе срочно нужна ираци, – она отпустила одну его руку и полезла за пояс, чтобы достать стило. – Позволь, я...

– Нет, – он выдернул и вторую руку. Его лицо было холоднее ледника. – Не думаю, что это хорошая идея.

И он зашагал прочь.

Эмма едва смогла сделать вдох. Тай и Марк вернулись к Блэкторнам. Тай стоял рядом с Китом – как всегда, как будто магнит со щелчком встал на место.

Марк потянулся, чтобы взять Кристину за руку.

«Я должна быть с Джулианом, держать его за руку. Быть рядом, чтобы он помнил: в этом мире есть вещи, ради которых еще стоит жить...»

Но руки Джулиана были изранены, окровавлены, и он не хотел, чтобы Эмма их касалась. И душа... его душа тоже была в крови, изранена, и, вероятно, он не желал сейчас никого видеть. Но ведь ее это не касается? Она – другое дело; она – его парабатай, разве не так?

Пора. Безмолвный голос одного из Братьев пронесся по полю, как рябь по воде. Они все услышали – все, кроме Магнуса и Макса, которые стали растерянно озираться по сторонам. Эмма едва успела собраться с мыслями, а Безмолвные Братья уже поднесли факелы к растопке в основании каждого костра. Огонь взвился вверх, золотой и алый, и на мгновение это даже показалось красивым.

А потом рев пламени обрушился на нее, словно грохот падающей волны, и весь луг обдало жаром, и тело Ливви скрылось за пеленой дыма.

* * *

Сквозь жадный треск костра Кит едва слышал тихую песнь нефелимов:

– *Vale, vale, vale.* Прощай, прощай, прощай.

Валил густой дым. Глаза жгло и щипало, а Кит стоял и думал, что его собственный отец обошелся совсем без похорон... Да там и хоронить было нечего – его тело обратил в пепел мантидский яд, и Безмолвные Братья избавились от останков.

Смотреть на Блэкторнов было невыносимо, и Кит повернулся к Лайтвудам. Теперь он уже знал их всех по именам: сестру Алека звали Изабель – это та черноволосая девушка, что стоит, обняв Алека и свою мать, Маризу. Раф и Макс держались за руки. Саймон и Магнус – поблизости, словно две маленьких утешительных луны, кружащие вокруг планеты скорби. Кто-то сказал, что похороны – для живых, не для мертвых... Они нужны, чтобы попрощаться. Интересно, это огненное прощание – может, оно напоминает нефелимам об ангелах?

Какой-то мужчина – молодой, красивый, с волнистыми каштановыми волосами и квадратной челюстью – направлялся к Лайтвудам. Кит вытер слезящиеся глаза.

Незнакомец был не в белом, как остальные, а в обычной черной форме. Проходя мимо Маризы, он помедлил и положил руку ей на плечо. Она не обернулась – словно не заметила. И никто из остальных тоже. Магнус бросил быстрый взгляд, нахмурился и отвернулся. С холодком в груди Кит понял, что, кажется, только он видит эту фигуру – сквозь которую пролетал дым, будто она была бесплотной.

Призрак... Вроде Джессамины? Он стал озираться по сторонам – наверняка на Нетленных полях должны быть и другие призраки... мертвые ноги которых не примнут и травинки?

Но там были только Блэкторны – стояли, сбившись в кучку. Эмма и Кристина, Джулиан и Тавви, и дым вздымался вокруг них. Кит неохотно посмотрел назад: призрачный юноша

преклонил колена у костра Роберта Лайтвуда. Он был у самого пламени – ближе, чем мог бы вынести человек, – и оно лизало его силуэт изнутри, озаряя глаза огненными слезами.

Парабатай, понял внезапно Кит. В том, как поникли его плечи, как простерлись руки к огню, какая тоска застыла на красивом лице, Кит увидел Джулиана и Эмму, и Алека – когда тот говорил о Джейсе. Он видел сейчас призрак парабатай Роберта Лайтвуда! Непонятно, откуда, но Кит это точно знал.

Какая жестокая связь, думал он – она превращает двоих в одно, и когда половина этой новой личности гибнет... боже, какой опустошенной чувствует себя другая!

Он отвел взгляд: дым и огонь уже стояли стеной, костров уже не было видно. Ливви исчезла в кипящей тьме. Последнее, что увидел Кит, перед тем как слезы ослепили его, был Тай – лицо поднято вверх, глаза закрыты, темный силуэт очерчен огнем, будто облит жидким золотом.

4

Ничем на наши не похожи

Костры еще горели, когда процессия двинулась обратно, в город. Дым будет клубиться всю ночь, а семьи соберутся на площади Ангела, чтобы скорбеть вместе со всеми.

Но Блэкторны туда явно не пойдут, подумала Эмма. Останутся дома, наедине друг с другом. Слишком много времени они провели врозь, чтобы ждать утешения от остальных Охотников, которых они едва знали.

Она брела в стороне от остальных, слишком уязвленная, чтобы снова заговорить с Джулианом, тем более на глазах у всей семьи.

– Эмма!

Она обернулась и увидела Джема Карстера.

Джем... От удивления она потеряла дар речи. Когда-то он был Безмолвным Братом. Карстерс, но очень дальний родственник – в основном потому, что ему уже больше ста лет. Выглядел Джем, тем не менее, лет на двадцать пять и одет был в джинсы и потертые ботинки. А еще в белый свитер – судя по всему, это была дань уважения траурному дресс-коду Охотников. Джем больше не был Охотником, хотя когда-то довольно долго состоял в их рядах.

– Джем, – прошептала она, не желая беспокоить остальных. – Спасибо, что пришел.

– Хотел, чтобы ты знала: я скорблю вместе с вами, – он выглядел бледным и усталым. – Ты любила Ливию как сестру.

– Мне пришлось увидеть ее смерть, – сказала Эмма. – Ты когда-нибудь видел, как умирает человек, которого ты любил?

– Да.

С почти бессмертными существами так всегда, подумала Эмма. Редко когда твой жизненный опыт может сравниться с их опытом.

– Мы можем поговорить? – внезапно спросила она. – Только ты и я.

– Да. Я и сам хотел побеседовать с тобой наедине.

Он указал на невысокий холм в отдалении, спрятанный за чередой деревьев. Предупредив Кристину, что отойдет поговорить с Джемом – что, с тем самым Джемом? со старым? который женился на колдунье? *ты серьезно?* – она покинула процессию.

Джем уже ждал ее, сидя на траве среди россыпи древних камней. Они посидели немного в молчании, глядя на Поля.

– Когда ты был Безмолвным Братом, – без обиняков начала Эмма, – тебе случалось сжигать людей?

Джем посмотрел на нее: взгляд его был очень темен.

– Я помогал разжигать погребальные костры. Один умный человек сказал как-то раз, что мы не в силах понять жизнь – куда уж нам пытаться понять смерть. Я отдал ей многих из тех, кого любил, и с годами это легче не становится. И смотреть, как горят костры, тоже.

– Мы – лишь прах и тени, – пробормотала Эмма. – И пепел.

– Цель этого ритуала в том, чтобы сделать нас всех равными, – сказал Джем. – Всех сожгут. И из пепла построят Город костей.

– Кроме преступников, – уточнила Эмма.

Джем нахмурился.

– Ливию вряд ли можно отнести к этой категории. И тебя тоже – если ты, конечно, не задумала какое-то преступление.

«Задумала. Я преступно влюблена в своего парабата». Желание произнести эти слова, признаться хоть кому-то – и особенно Дjemu – разрывало ей голову.

– А твой парабатай когда-нибудь отдалялся от тебя? – поспешно спросила она. – Когда тебе... ну, скажем, нужно было срочно поговорить?

– Люди часто ведут себя странно, когда у них горе, – мягко сказал Джем. – Я наблюдал за сегодняшними событиями, издали. Видел, как Джулиан полез на костер за своим братом. И знаю, как он всегда любил этих детей. Ничто из того, что он говорит или делает сейчас, в эти первые и самые худшие дни, не отражает его истинной сути. К тому же, – добавил он с едва заметной улыбкой, – быть парабатаем – дело нелегкое. Я своему как-то крепко врезал.

– Ты... что сделал?

– То, что сказал, – Джем, кажется, понравилось произведенное им впечатление. – Я двинул своему парабатаю. Я любил его больше, чем кого бы то ни было, в этом мире, за исключением Тессы, и я ударил его по лицу, потому что сердце у меня в груди рвалось в тот момент пополам. Мне ли судить других?

– Тесса! – воскликнула Эмма. – А она-то где?

– Тебе известно о болезни магов? – Рука Джема сжалась в кулак.

Эмма действительно что-то слышала про период слабости у Магнуса, когда у него стремительно истощалась магия. И про то, что это не его единичный случай, а участь всех колдунов.

– Так Тесса больна? – переспросила она.

– Нет. Была больна, но уже выздоровела.

– То есть чародеи все-таки могут поправиться?

– Тесса – единственная, кому удалось побороть эту болезнь. Она думает, дело тут в ее Охотничьей крови. Но сейчас заболевает все больше чародеев – и первыми среди них те, кто старше, кто больше пользовался магией, и чья магия сильнее прочих.

– Как Магнус, – прошептала Эмма. – Что Тессе известно про эту болезнь? Что уже удалось выяснить?

– Тесса полагает, это может быть связано с теми заклинаниями, при помощи которых Малкольм Фейд поднял Аннабель. Он питал свою магию смерти от лей-линий, и если теперь они отравлены этой тьмой, то могут передавать яд всякому чародею, который к ним подключится.

– А чародеи разве не могут... ну, просто не пользоваться ими?

– Источников силы в природе не так уж много. Леи – самый простой и доступный из них. Многие чародеи перестали, и теперь их магия истощается очень быстро, а это само по себе нездорово.

Он улыбнулся ей, но не слишком убедительно.

– Тесса с этим разберется, – добавил он. – Нашла же она Кита, найдет и решение этой проблемы.

Джем опустил голову. Его волосы были коротко острижены, и отметины Безмолвного Братства на щеках были хорошо видны – шрамы там, где когда-то чернели руны молчания.

– Я хотел поговорить с тобой насчет Кита, – сказал он. – За этим я, собственно, и здесь.

– Правда? Кит в порядке, насколько я знаю. Хотя грустит, конечно, как и все мы.

– Кит – не просто Эрондейл, – сказал Джем. – Эрондейлы, конечно, важны для меня, но и Карстерсы, и Блэкторны тоже. Мы с Тессой понимали, что мальчик в опасности, с той самой минуты, как выяснили его происхождение. Мы сразу кинулись на поиски, но Джонни Грач хорошо его спрятал.

– Происхождение? Какое происхождение? Джонни Грач был фокусник, а мать Кита – хористка в Вегасе. Он сам мне говорил.

– Джонни Грач точно был фокусником, но в его жилах была и Охотничья кровь, в каком-то очень далеком поколении, может быть, сотни лет тому назад. Но не это в Ките главное, а то, что он унаследовал от матери.

Джем помолчал, собираясь с духом.

– Многие поколения семью его матери преследовали фэйри. Неблагодой Король решил их уничтожить, а Кит – последний в роду.

Эмма повалилась в траву.

– Только не фэйри! – простионала она. – Хватит с меня уже фэйри!

Джем улыбнулся, но в его глазах по-прежнему читалась тревога.

– Мать Кита убил Всадник Фаль. Думаю, ты его знала?

– Думаю, я его убила, – Эмма снова поднялась. – И потому рада это слышать. Значит, он убил мать Кита? Какой ужас.

– Я не могу рассказать тебе всего, хотя очень хотел бы, – сказал Джем. – Во всяком случае, пока не могу. Но в жилах Кита есть и кровь фэйри. За матерью Кита всю жизнь охотились, а еще раньше – за ее отцом, и так много поколений. Кит жив только благодаря тому, на что пошла Розмари, чтобы скрыть сам факт его рождения. Она постаралась спрятать все связывающие их нити, и когда она умерла, Король решил, что род пресекается вместе с ней.

– Видимо, что-то изменилось? – спросила Эмма.

– Мы боимся, что да. Мы с Тессой оставили Кита у тебя в Институте, потому что уже начиналась эпидемия болезни, поразившей магов. Мы не знали, передается она людям или нет. К тому же нам нужно было в Спиральный лабиринт, а нам не разрешили бы взять с собой Кита. Мы собирались вернуться за ним, и понятия не имели, что Всадников отправят теперь уже за тобой. Неизвестно, узнали они его или нет... Кит все-таки очень похож на мать.

– Я так не думаю, – покачала головой Эмма.

Она считала, что Кит удивительно похож на Джейса.

– Так ты собираешься забрать Кита с собой? Мы не хотим его терять, но если нужно...

– Чародейская болезнь становится все хуже. Мы с Тессой день и ночь работаем в Спиральном лабиринте, чтобы найти лекарство. И еще кое-что, – он помолчал. – Тесса беременна.

– О! Поздравляю! – это была первая хорошая новость за целую вечность.

Джем улыбнулся, словно внутри у него на мгновение включили свет. Слишком долго он был один и думал, что уже никогда не заведет семью. И теперь иметь жену и ждать появления ребенка – обычное чудо, из тех, которых полно в жизни обычных людей – для него это было невероятно.

– Да, это совершенно удивительно, – сказал он и накрыл ее ладонь своей. – Я доверяю тебе, Эмма. Прошу тебя, присматривай за Китом, а если заметишь что-нибудь подозрительное – хоть малейшие признаки того, что его ищут, сразу же сообщи мне. Я тут же явлюсь.

– Послать тебе огненное письмо? – восторг по поводу будущего ребенка уже начал угасать.

– Его не всегда можно отправить. Есть способ проще. – Он положил что-то ей в руку: простое серебряное кольцо с прозрачным камнем. – Это стекло. Разбей его, и Тесса узнает – у нее такое же.

Эмма надела кольцо на палец. Кит так преданно оставался возле Тая во время похорон. Светлые кудри, синие глаза, озорное лицо... – наверное, можно было догадаться, что в мальчишке кровь фэйри? Но нет, он был совсем не похож на Марка – скорее, вообще на Эрндейла.

– Можешь на меня положиться, – сказала она. – Я присмотрю за Китом. Могу я чем-то помочь с леями?

– Было бы очень полезно, если бы в Лос-Анджелесе кто-то из Охотников приглядывал за магией Малкольма, – кивнул Джем. – Когда доберетесь домой, свяжись с Катариной Лосс, ей может понадобиться твоя помощь.

– Свяжусь. Мне сейчас не помешает цель в жизни. Ливви мертва, Джейс и Клэри на задании, до них не дотянуться, а Гораций Диарборн теперь Инквизитор. Похоже, надеяться больше не на что.

– Надежда есть всегда, – твердо сказал Джем. – Когда я был очень молод, у нас еще практиковали реквизицию: собственность любого Нижнемирского мог конфисковать любой Охотник – как трофей. Я знал человека, который стены в своем Институте украшал головами убитых им фэйри.

Эмма издала такой звук, будто ее вот-вот вырвет.

– Темное сердце Конклава до сих пор отравлено ядом. Но многие сейчас искренне полагают, что Нижнемирские – наши братья, и таких действительно больше. Все мы – дети под крылом Ангела. И хотя я не могу остаться с тобой, – он вздохнул, – просто разбей кольцо, и я немедленно приду, как бы далеко ни находился.

Он крепко обнял ее и тут же отпустил.

– Береги себя, мей-мей.

– Что это значит? – спросила Эмма, но его уже не было рядом: исчез за деревьями, так же незаметно, как появился.

* * *

Кит стоял у окна их с Таем комнаты и смотрел, как вдалеке, в полях, все еще поднимается дым.

Ну, у них с Таем хотя бы общая спальня, подумал он. В углу валялась его сумка, и никто явно не собирался объяснять, что ему полагается сейчас быть совсем в другой комнате. Утром он одевался в ванной и вышел оттуда ровно в тот момент, когда Тай натягивал через голову футболку. Знаки у него на коже были совсем черные – видимо, из-за очень бледного фона. Он выглядел таким хрупким – Киту даже пришлось поскорей отвести глаза от «крыльев» лопаток и тонкого позвоночника. Как он мог быть таким худым и одновременно достаточно сильным, чтобы сражаться с демонами?

Сейчас Тай был внизу, с остальной семьей. Когда кто-нибудь умирает, люди обычно начинают готовить еду, и Сумеречные охотники исключением не были. Кажется, на кухне уже тушили рагу. Из демона.

Кит прислонился лбом к холодному стеклу.

Было время, когда он еще мог убежать. Убежать, бросить этих Охотников, затеряться в темном мире Сумеречных базаров. И, как отец, не принадлежать ни одному из миров, вечно жить между ними.

Дверь отворилась – он увидел это в отражении, – вошел Тай. Все еще в траурной одежде, хотя куртку он уже снял и остался в футболке с длинными рукавами. Слишком поздно бежать – эти люди теперь ему безразличны. Особенно Тай.

– Здорово, что ты здесь, – Тай сел на кровать и начал расшнуровывать ботинки. – Я хотел с тобой поговорить.

Дверь он оставил слегка приоткрытой, снизу, из кухни, доносились голоса: Хелен, Дрю, Эммы, Джулиана. Диана ушла к себе, в свой дом. Кажется, она жила на складе оружия или где-то в этом роде. Пошла за инструментами, чтобы вытащить занозы из ладоней Джулиана.

С руками Тая все, вроде бы, было в порядке – но он был в перчатках. Кит видел руки Джулиана, когда он подошел к раковине: казалось, он пытался заслониться руками от выстрела шрапнелью в упор. Рядом стояла расстроенная Эмма, но Джулиан заявил, что ираци ему не нужно – от нее кожа нарастет прямо поверх заноз. Его голос звучал так безжизненно, что Кит едва его узнал.

– Я понимаю, как это прозвучит, – сказал Кит, оборачиваясь и прислоняясь к холодному стеклу, на сей раз спиной (Тай наклонился вперед, на шее у него блеснуло золото), – но ты ведешь себя совсем не так, как я ожидал.

– Ты о том, что я полез на костер? – Тай наконец скинул ботинки.

– Нет... это было, наоборот, самое ожидаемое, – возразил Кит. – Я просто...

– Я полез туда, чтобы достать вот это, – Тай коснулся того, что висело у него на шее.

Кит узнал золотую цепочку, а на ней – тонкий металлический диск, медальон Ливви, тот самый, с которым он ей помогал в Лондоне. Спереди был изображен венок из терний, а на обратной стороне Джулиан сделал еще одну гравировку: пару скрещенных сабель, оружие Ливви.

Кит так хорошо все это помнил – как она откинула волосы набок, как он застегнул замочек... запах ее духов. Его сердце сжалось от печали.

– Ее ожерелье, – пробормотал он. – Нет, это-то как раз вполне разумно. Я просто думал, ты будешь...

– Плакать? – Тай, кажется, совсем не рассердился, но взгляд его серых глаз стал еще пристальнее. – Все вокруг грустят. Они приняли ее смерть, смирились с ней. Я – нет. Я не принял.

– Что?

– Я собираюсь вернуть ее.

Кит тяжело осел на подоконник.

– И как ты собираешься это сделать?

Тай достал из кармана телефон.

– Вот это было у Джулиана в телефоне. Это фотографии страниц из Черной книги мертвых. Он снял их, когда был в библиотеке с Аннабель.

– Когда ты их достал? – Кит знал, что смс в Идрис не приходили. – Джулиан знает, что они у тебя?

– Я настроил его телефон так, чтобы он бэкапился на мой. Думаю, он до сих пор не в курсе. А когда я увидел эти снимки в Лондоне, я... – он поморщился. – Ты же ему не скажешь?

– Конечно, нет.

– Тогда иди сюда, садись рядом. Давай вместе посмотрим.

Кит хотел отказаться, но не смог. Он бы хотел, чтобы ничего этого не происходило, но тщетно. Когда он сел на кровать рядом с Таем, матрас прогнулся, и он случайно задел его локоть: кожа Тая казалась горячей даже сквозь футболку, словно у него была лихорадка.

Киту даже в голову не пришло, что Тай может врать или ошибаться – на него это было совершенно не похоже. Проведя пятнадцать лет в обществе Джонни Грача, Кит отлично знал, как выглядят плохие книги заклинаний, и эта выглядела очень плохо. Страницы были покрыты неразборчивыми формулами, написанными от руки и перемежавшимися неприятными изображениями – набросками вылезающих из могил трупов, вопящих лиц и обугленных скелетов.

Впрочем, Тай не считал эти рисунки отвратительными – он смотрел на фотографии так, словно перед ним был святой Грааль.

– Это самая могущественная книга заклинаний, чтобы поднимать мертвых, какая только есть на свете, – сказал он. – Поэтому неважно, сожгли ли они тело Ливви. С такими чарами ее можно вернуть целой и невредимой, независимо от того, что сделали с телом и сколько оно... – тут у него перехватило дыхание, по телу прошла дрожь. – Но ждать я все равно не хочу. Начну, как только попадем в Лос-Анджелес.

– А Малкольму разве не пришлось убить кучу народу, чтобы вернуть Аннабель? – осторожно спросил Кит.

– Корреляция, а не каузальность, Ватсон, – возразил Тай. – Самый простой способ заниматься некромантией – используя энергию смерти. Короче, проще всего покупать жизнь в обмен на смерть. Но есть и другие источники. Я бы ни за что не стал никого убивать.

Он состроил рожу, которая, видимо, должна была изобразить презрение, но получилась очень милой.

– Не уверен, что Ливви одобрила бы твою затею.

– Не уверен, что Ливви хотела бы быть мертвой, – Тай отложил телефон.

Слова ударили Кита, как кулаком в грудь, но прежде чем он собрался с силами, чтобы ответить, снизу донесся шум. Они с Таем выскочили на лестницу (Тай – в носках) и свесились вниз, пытаясь понять, что происходит на кухне.

Там оказался испанский приятель Зары Диарборн, Мануэль, в форме офицера Гвардии. Помимо формы, была еще нехорошая улыбка. Кит перегнулся через перила, пытаясь понять, с кем он разговаривает. Оказалось, с Джулианом – тот с непроницаемым лицом стоял у стола. Эмма была в бешенстве, Кристина держала ее за плечо, словно удерживала, не давая броситься вперед.

– Да неужели? – гневно спросила Хелен, которую им не было видно. – И что, нельзя было подождать до завтра? Обязательно тащить Эмму и Джулиана в Гард сегодня, в день похорон нашей сестры?

Мануэль пожал плечами: ничьи похороны его явно не волновали.

– Приказ Консула.

– Да что тут происходит? – возмутилась Алина. – Ты о моей матери говоришь, Мануэль! Она не стала бы требовать встречи без веских причин.

– Дело в Мече Смерти, – сказал Мануэль. – Это достаточно веская причина?

Тай вцепился в руку Кита и потащил по коридору, прочь от лестницы. Голоса стали тише, но не спокойнее.

– Думаешь, они пойдут? – спросил Кит.

– Эмма и Джулиан? Придется, если Консул приказала. Но это она, а не Инквизитор, так что все будет в порядке.

Он припер Кита к стене и наклонился к нему – от него пахло костром.

– Я могу все это сделать и без тебя – я про возвращение Ливви. Но не хочу. Шерлок ничего не делает без Ватсона.

– Ты еще кому-нибудь говорил?

– Нет.

Тай потянул рукава футболки вниз и теперь нервно теребил края.

– Все придется делать тайно. Людям это не понравится, но когда Ливви вернется, все обрадуются, и им будет наплевать, как мы это сделали.

– Лучше просить прощения, чем разрешения... – пробормотал Кит. Голова у него слегка кружилась.

– Да!

Тай не смотрел прямо на него – он никогда на него не смотрел, – но в его глазах вспыхнула надежда. В смутном свете коридора его глаза казались такими светлыми, как будто были полны слез. Кит вспомнил, как Тай спал – весь день смерти Ливви и потом всю ночь, а он сам смотрел на него и ждал... с ужасом думая, что будет, когда друг проснется.

Все тогда были напуганы – думали, что у Тая будет срыв. Джулиан стоял над ним, глядя по волосам. И, видимо, молился. Кит не знал, что Охотники молятся, но именно этим Джулиан тогда и занимался. Тай сломается без сестры, думали они, превратится в пепел, как ее мертвое тело...

А теперь он просит Кита о помощи, говорит, что не хочет делать это без него... И что если Кит откажется, а Тай сломается – теперь уже из-за того, что ему придется совершить такое в одиночку? Вдруг Кит сейчас лишит его последней надежды, и Тай... просто закончится?

– Я тебе нужен? – медленно проговорил Кит.

– Да.

– Значит, – закончил Кит, уже чувствуя, что совершает огромную ошибку, – я помогу тебе.

* * *

В Схоломанте всегда холодно, даже летом. Школа построена прямо в скале, высокие окна тянутся вдоль обрыва. Свет эти окна дают – и еще, конечно, люстры с колдовским светом, – но не тепло. От озера внизу, глубокого и черного в лунном свете, поднимается холод, впитывается в каменные стены и полы, проникает внутрь.

Вот почему даже в начале сентября Диего Росио Розалесу приходилось надевать джинсы, толстый свитер и пальто.

Пыльные светильники швыряли вперед его длинную тощую тень, пока он мчался по коридору в библиотеку. По мнению Диего, Схоломант отчаянно нуждался в модернизации. Когда брат Хайме приезжал навестить его – всего один раз за всю историю человечества, – он сказал, что интерьеры тут, судя по всему, занимался еще граф Дракула. К несчастью, это была чистая правда. Всюду железные люстры (Кьеран от них чихал), бронзовые бра в форме драконов, держащих в пасти древние камни с ведьмовским светом, огромные, похожие на пещеры камины с неприветливыми резными ангелами по сторонам. Общие трапезы проходили за длинным столом, способным вместить все население Бельгии, хотя теперь в школе осталось человек двадцать. Большинство учителей и студентов либо торчали в Идрисе, либо разъехались по домам.

И это облегчало задачу – спрятать принца фэйри, скрыть присутствие Кьерана в Схоломанте. Диего очень нервничал. Он и в спокойные времена не слишком хорошо врал, а усилия по поддержанию «отношений» с Зарой вконец его измотали. Но Кристина очень просила его спрятать Кьерана, а для нее он сделал бы что угодно.

Дверь в конце коридора вела в библиотеку. Когда-то давно на ней красовались выведенные золотом буквы: «Библиотека». Сейчас от них остался только слабый след, а петли визжали, как испуганные мыши – вот и сейчас, стоило Диего налечь на дверь плечом.

Когда ему показали библиотеку, Диего решил, что его разыгрывают. Огромная комната находилась на верхнем этаже школы, под потолком из пропускавшего свет толстого стекла. Пока в школе никого не было, в скопившейся под полами земле пустили корни и вымахали деревья: Кьеран заметил, что силы в них, как в дубе из страны фэйри. Ни у кого не было ни времени, ни денег, чтобы их убрать, вот они и остались. Корни раскалывали плиты, змеились между столов и шкафов; высоко наверху раскинулись ветви, образуя над стеллажами свод и осыпая стулья палой листвой.

Возможно, Кьерану тут так нравилось, потому что он чувствовал себя почти как в лесу. Большую часть времени Кьеран обычно проводил на скамье у окна, с довольно кислым выражения лица читая все, что в нашлось в каталоге о фэйри. Книги, которые ему казались «правильными», он откладывал в стопку. Стопка вышла совсем маленькая.

Он бросил быстрый взгляд на вошедшего Диего. Волосы у него были сине-черные, цвета озера за окнами. Он добавил еще две книжки в «правильную» стопку и сейчас читал третью: «Брачное поведение Неблагих фэйри: ритуалы и спаривание».

– Не знаю ни одного фэйри, кто женился бы на козе, – раздраженно заметил он. – Ни при Благом, ни, прошу заметить, при Неблагом Дворе.

– Не принимай на свой счет, – Диего подтащил стул и сел, глядя на их двойное отражение в оконном стекле. Костлявые запястья Кьерана торчали из обшлагов чужой формы. Одежда Диего оказалась ему велика, но на помощь пришел Райан Мадубучи и одолжил Кьерану кое-что из своих вещей. Его, кажется, ничуть не волновало, что Диего прячет у себя в комнате фэйри – но олимпийский покой Райана, кажется, вообще мало что могло потревожить. Зато Дивья, другой лучший друг Диего, всякий раз подсакивала при вести, что кто-то собирается в библиотеку, хотя Кьеран отлично умел скрывать свое присутствие.

Диего сказал о Кьеране только этим двоим – Райану и Дивье – больше никому. В основном потому, что в данный момент это были единственные два человека в Схоломанте, которым он доверял. Проживающий профессор там вообще сейчас был только один – Гладстон, но он отправился в Идрис на похороны Инквизитора. Когда-то Диего без вопросов доверился бы любому из преподавательского состава, но эти времена, увы, давно прошли.

– Из Идриса что-нибудь слышно? – осведомился Кьеран, не отрывая взгляда от книги.

– То есть от Марка, – перефразировал Диего. – Нет, от него – ничего. Я не из его любимчиков.

– А из чьих ты любимчиков? – Кьеран умудрился спросить так, словно это было не оскорбление, а просто ему было интересно знать.

Диего, который и сам нередко задавался этим вопросом, отвечать не стал.

– Я просто подумал, вдруг Кристина прислала весточку, – Кьеран закрыл книгу, заложив страницу пальцем. – В порядке ли она, и Марк... Похороны, кажется, были сегодня.

– Ага, были. – Кристина и правда могла бы дать о себе знать... ей всегда нравилась Ливия Блэкторн. – Но похороны отнимают много сил. Куча всяких церемоний, и полно народу, все приходят, выражают соболезнования. Вряд ли у нее сейчас есть время.

– Куча хлопот и надоедал. Мы, фэйри, оставляем тех, кого постигла утрата, в покое.

– И да, и нет. – Диего вспомнил, как умер дедушка, и дом был весь заставлен велами – эти свечи давали очень красивый свет.

Все приходившие приносили еду. Они ели и пили вместе, и вспоминали его абуэло. Кругом были бархатцы – море бархатцев – и коричный запах атоле, и смех...

Горевать одному так холодно и одиноко. Но фэйри совсем другие.

Взгляд Кьерана стал жестким, словно он увидел что-то особенное в выражении лица собеседника.

– Для меня есть план? Куда меня пошлют, когда мое изгнание здесь закончится?

– Я думал, ты захочешь вернуться в Лос-Анджелес, – удивился Диего.

Кьеран потряс головой, и его волосы стали белыми. Кажется, они меняли цвет в зависимости от его настроения.

– Нет. Я не хочу туда, где Марк.

Диего молчал, никакого плана у него не было. Кристина попросила его спрятать Кьерана, но не сказала, насколько. Он охотно сделал это для нее, потому что был обязан ей... А еще он вспомнил о Заре – и о том, как на лице Кристины отразилась боль, когда она впервые ее встретила.

Это была его вина. Он не сказал ей про Зару, так как сам отчаянно надеялся, что случится что-нибудь... и он сумеет отвертеться от помолвки, пока не станет слишком поздно. А всё Диарборны – это они настояли на брачном контракте. Еще они угрожали раскрыть всему свету семейные тайны Росио Розалес, если Диего не сделает все, чтобы доказать им свою верность (это случилось после его заявления, что он не знает, где находится его брат... и про украденный им артефакт ему тоже ничего не известно).

Вопрос о том, любит ли он Зару и любит ли она его, вообще никогда не стоял. Помолвку с представителем известного семейства она, судя по всему, считала чем-то типа пера на шляпке, но страсти в ней никогда никакой не было – за исключением, пожалуй, страсти к кошмарным идеям ее отца.

– А это еще что такое? – Кьеран вытаращил глаза.

«Это» оказалось ярким светом наподобие блуждающего огонька над плечом Диего. Огненное послание. Он поймал его ладонью, и в руках тут же развернулся бумажный свиток. Почерк был знакомый.

– Кристина, – сказал Диего. – Это от Кристины!

Кьеран так резко сел, что книги посыпались у него с коленей на пол.

– Что она пишет? У нее все в порядке?

Странное дело, подумал Диего: ему бы скорее интересоваться, все ли в порядке с Марком... но эта мысль покинула его голову очень быстро, ей там просто не осталось места.

Чувствуя себя так, будто ему дали под дых, Диего дочитал послание, протянул его Кьерану и получил возможность полюбоваться, как тот на глазах становится пепельно-бледным: фэйри узнал, что Горация Диарборна сделали Инквизитором.

– Это пощечина всем Блэкторнам, – заявил Кьеран, руки у него тряслись. – Удар для всех них, и для Кристины тоже. К тому же он опасен, смертельно опасен, – он поднял на Диего взгляд, черный как ночь и серый как буря. – Что мы можем сделать?

– Я совершенно не разбираюсь в людях, – Диего думал о Заре, о Хайме, обо всей нагроможденной лжи, которая не принесла ему того, что он хотел, и только сделала все хуже. – Не надо меня спрашивать, что нам делать.

Кьеран удивленно посмотрел на него, а Диего уронил лицо в ладони и замер.

* * *

– Я понимаю, что мои слова покажутся вам пустыми, но я скорблю по Ливви, – сказала Джиа.

– Ты права, – кивнул Джулиан. – Такими они и кажутся.

Горе словно окунуло его с головой в ванну, полную колотого льда, пронеслось в голове у Эммы. Все в нем было холодно – тон голоса, глаза, выражение лица. Она попробовала вспомнить юношу, страстно обнимавшего ее прошлой ночью... но сейчас он был так далеко, за многие мили отсюда.

Уже почти наступил вечер. Демонские башни окружали Аликанте, как цепь алмазов с острыми гранями. Эмма оглянулась, вспоминая, когда последний раз была в этой комнате: кажется, ей было двенадцать лет. Ее так поразила здешняя роскошь – толстый ковер на полу, блестящий стол из красного дерева. Сейчас они с Джулианом и Дианой сидели в каминных креслах перед этим самым столом – по другую его сторону сидела Джиа. Диана была в ярости. Джулиан – пуст, как лист белой бумаги.

– Эти дети устали и переживают страшную потерю, – процедила Диана. – Я уважаю твое мнение, Джиа, но неужели этим нужно заниматься прямо сейчас?

– Да, нужно, – отрезала Джиа. – Потому что Гораций Диарборн собирается подвергнуть допросу Хелен и Марка, а вместе с ними и всякого другого Нижнемирского или частично Нижнемирского в Аликанте. Магнус и Алек уже собирают вещи и сегодня же уйдут через портал. Эвелин Хайсмит вернулась в Лондонский Институт, а им пора отправляться в Нью-Йорк. Вы наверняка захотели бы отправить Хелен и Марка вслед за ними.

Она прижала пальцы ко лбу, словно у нее болела голова.

– Что-что он собирается сделать? – взвилась Эмма. – Ты не можешь ему это позволить!

– У меня нет выбора. Он избран большинством голосов, – поморщилась Джиа. – Допрос любого члена сообщества – право Инквизитора, и решение он принимает, сверяясь только со своей совестью.

– Нет у Диарборна никакой совести! – рявкнула Диана.

– Именно поэтому я предупреждаю вас. И предполагаю, что Хелен и Марк – и Алина, которая вряд ли покинет Хелен, – пожелают сегодня же ночью отправиться в Лос-Анджелес через портал.

На мгновение в кабинете воцарилось молчание.

– То есть ты собираешься отправить Хелен в Лос-Анджелес? – осторожно уточнил Джулиан. – Не на остров Врангеля?

– Я собираюсь временно доверить Хелен и Алине управление Лос-Анджелесским Институтом. – Джиа и Эмма оторопели. – Я Консул, и это в моей власти. Полагаю, сейчас самое время воспользоваться этим моим правом, пока Диарборн занят другими вещами.

– Значит, нам всем нужно уходить домой через портал? И Хелен с Алиной пойдут с нами? – переспросила Эмма. – Это же просто здорово!..

– Не всем, – оборвал ее Джулиан.

Его руки были перевязаны. Он сам достал большую часть заноз концом острого ножа, на бинтах проступала кровь. Причем он, кажется, ничего не чувствовал в процессе – Эмма и та корчилась от боли, глядя, как расседается под ножом его плоть, но он даже бровью не повел.

– Она имеет в виду, что Диана, ты и я должны остаться в Идрисе.

– Ты всегда был очень умен, Джулиан, – кивнула Джиа, хотя, судя по тону, ее это отнюдь не восхищало.

– Если Хелен и Марка здесь не будет, – продолжал Джулиан, – он станет допрашивать нас. Это так?

– Нет! – воскликнула Диана. – Они же дети!

– Да, – сказала Джиа. – Тем более, что один из этих детей сломал Меч Смерти. И Инквизитору, как и всем вообще, очень хочется узнать, как. Кортана – легендарное оружие, но она всего лишь меч. Она не должна была раздробить Маэллартах.

– Он мог бы спросить меня, – вставила Эмма. – Хотя я и не знаю, почему так вышло. Я ударила им Аннабель, потому что она пыталась меня убить. Это была самозащита.

– Люди напуганы, – покачала головой Джиа. – А страх не дружит с логикой. Хвала Ангелу, что Чаша и Зеркало не пострадали.

Она вздохнула.

– Хуже времени, чтобы лишиться Меча Смерти, и не придумаешь – сейчас такая нестабильность, да еще война с фэйри, возможно, на носу. После того, как Неблагодой Король унес Аннабель из Зала Соглашений, знаешь, о чем только и думает Конклав? О том, что это вы ее туда привели.

– Не мы, а я, – у Джулиана даже челюсти побелели. – Эмма не имеет к этому ни малейшего отношения.

Сквозь окутавший Эмму кромешный ужас проглянул лучик облегчения: он все еще пытается ее прикрывать.

Джиа опустила взгляд на руки.

– Если бы я отослала вас всех сейчас же домой, возник бы бунт. Однако если дать Диарборну допросить вас, всеобщее внимание уйдет от вас в сторону. Когорта не уверена в вашей верности в основном из-за Хелен и Марка.

– То есть, они нас подозревают из-за наших же брата и сестры? – Джулиан хрипло хохотнул. – Не из-за того, что я привел эту тварь... привел Аннабель в город и обещал, что все будет хорошо? Стало быть, все дело в том, кто Марк и Хелен по крови?

– Для неправильных людей кровь всегда имеет значение, – сурово сказала Джиа: голос ее прозвучал необычно горько; она устало провела рукой по лицу. – Я не прошу встать на его сторону. Я не этого от вас прошу! Просто пусть поверит, что вы сами – жертвы Аннабель. Те, кто не состоит в Когорте, очень вам сочувствуют – из-за Ливии: Диарборн не рискнет слишком уж явно идти против общественного мнения.

– Значит, нам предстоит танцевать бессмысленные танцы? Пусть Инквизитор нас допросит, больше для виду, а потом все разойдутся по домам? – осведомилась Эмма.

– Наконец-то ты начала понимать политику, – угрюмо улыбнулась Джиа.

– При этом ты не сильно беспокоишься о том, чтобы сделать Хелен и Алину главами Лос-Анджелесского Института? При всей неприязни Когорты? – уточнила Диана.

– Это будет Алина, – Джулиан не отрывал пристального взгляда от Джиа. – Консульская дочка. Хелен официально ничем управлять не будет.

– Именно, – кивнула Джиа. – И нет, мне это тоже не нравится. Но это может стать шансом навсегда убрать их с острова Врангеля. Вот поэтому-то я и прошу вашей помощи – вас всех троих.

– Меня тоже будут допрашивать? – напряженно спросила Диана.

– Нет. Но я все равно прошу тебя помочь. Как ты помогала тогда, с этими файлами.

– Файлами? – вскинулась Эмма. – О каких файлах сейчас может идти речь?

Однако, Диана, кажется, поняла, о чем ей говорят.

– Конечно, я останусь, – сказала она. – Но я хочу, чтобы было ясно: я помогаю лично тебе, и мои интересы никак не пересекаются с инквизиторскими.

– Мне это ясно, – сказала Джиа.

«Как и мои», – повисло в воздухе.

– Но как же дети? – не унималась Эмма. – Они не могут отправиться в Лос-Анджелес без нас.

Она повернулась к Джулиану, ожидая, что он откажется разлучаться с младшими братьями и сестрами... Скажет, что они нужны детям, что дети должны остаться в Идрисе.

– Хелен прекрасно о них позаботится, – холодно сказал Джулиан. – Она бы сама этого хотела. Все будет хорошо – она же их сестра.

– Тогда решено, – Джиа встала из-за стола. – Собирайте их вещи, мы откроем им портал сегодня ночью.

Джулиан тоже поднялся, отбросив с лица волосы забинтованной рукой. «Да что за черт! Что с тобой не так?» – подумала Эмма. Что-то такое творилось с Джулианом, чего горе никак не объясняло. Эмма не просто знала – она это чувствовала, глубоко внутри, там, где связь между парабатаями петель сжимала ей сердце.

И сегодня ночью, когда остальные уже будут в безопасности, она непременно выяснит, что это за штука.

5

По гладкой плоскости стекла

Когда Эмма вошла, Кристина уже собирала вещи – опрятно и точно, как и все, что она делала. Одежду она аккуратно сворачивала, чтобы та не помялась, все влажное закрывала в пластик, а обувь совала в пакеты, чтобы она не пачкала вещи.

– А я когда собираюсь, просто швыряю все в чемодан и сажусь сверху, пока Джулиан пытается застегнуть молнию, – лучезарно сообщила она.

– У меня от этой картины сыпь начинается, – Кристина с улыбкой посмотрела на нее.

Эмма прислонилась к стене. Она чувствовала себя очень усталой и одинокой, словно Кристина и Блэкторны уже уехали.

– Скажи мне, что будешь в Институте, когда я вернусь, – попросила она.

Кристина бросила свое занятие и, прикусив нижнюю губу, критически посмотрела на выданный ей Пенхаллоу чемодан – он лежал раскрытый на кровати.

– Тебе известно, сколько ты тут пробудешь?

– Несколько дней.

– Думаешь, семейство захочет, чтобы я осталась? – взгляд ее больших темных глаз устремился на Эмму. – Я могла бы просто поехать домой. Мой учебный год еще не истек, но они бы, я думаю, поняли. У меня такое ощущение, будто я вторгаюсь в...

Эмма отлепилась от стены и энергично замотала головой.

– Нет-нет, Тина, ничего подобного.

Она вкратце пересказала свой разговор с Джемом и всю историю про заражение леев.

– Джем думал, что я отправлюсь в Лос-Анджелес; сказал, чтобы я вышла на связь с Катариной и попыталась вместе с ней как можно больше разузнать о лей-линиях, но теперь этим придется заняться тебе. Хелен с Алиной будут по уши в детях, плюс у них горе и вообще... Кристина, я тебе доверяю. Я знаю, ты сможешь.

Кристина слабо улыбнулась в ответ.

– Я тебе тоже доверяю.

Эмма упала на кровать. Та протестующе заскрипела, и Эмма пнула ее в ножку – пятку ушибла, зато душу отвела.

– Я не хочу сказать, что от Хелен с Алиной проку ноль – просто все сейчас разбиты горем. Им понадобится хоть кто-то, кто еще держится, – им понадобится ты.

Она вдохнула поглубже.

– И Марку тоже.

У Кристины расширились глаза, а Эмма внезапно вспомнила лицо Марка час назад на кухне, когда они с Джулианом выдали новость: вся семья возвращается в Лос-Анджелес сегодня же – но без них.

Марк словно одеревенел. Потом покачал головой и сказал:

– Скверные новости. Я не могу... – но замолчал и сел на край стола; руки у него слегка дрожали.

Хелен, которая и так уже там сидела, побледнела, но ничего не сказала, а Алина положила руку жене на плечо.

Дрю, ни слова не говоря, вышла. Марк через мгновение встал и последовал за ней. Тавви некоторое время протестовал, выдвигал сотни аргументов, почему Джулиану непременно нужно отправиться с ними, и почему им не надо оставаться, и что пусть лучше Инквизитор придет к ним, в Лос-Анджелес, или даже проведет допрос по скайпу – от этого последнего предложения у Эммы точно случилась бы истерика, не будь она в таких расстроенных чувствах.

– Так мы едем домой? – спросила Хелен; Джулиан наклонился и что-то тихо втолковывал Тавви – Эмма их больше не слышала. – Назад, в Лос-Анджелес?

– Я за вас очень рада, и Джиа говорит... она думает, вы сможете остаться, – торопливо проговорила Эмма.

– Она надеется, что мы сможем остаться, – поправила ее Алина.

С виду она была совершенно спокойна, но пальцы на плече Хелен так и побелели.

– Но не без тебя же, – на лице у Хелен появилось загнанное выражение. – Мы должны остаться здесь, пока они держат тебя...

– Нет, – к всеобщему удивлению, это вставил Тай. – Это будет опасно для Марка. И для тебя тоже. В плане Джиа есть свой резон.

Кит бросил на него не поддающийся расшифровке взгляд, в котором сквозила тревога и... что-то еще.

– Домой! – глаза Хелен заблестели от слез.

Она посмотрела на Джулиана, но тот был занят попытками усмирить брыкающегося Тавви. В конце концов мальчика пришлось унести.

– Даже не знаю, от грусти я плачу, или от счастья, – пробормотала Хелен, смахивая слезы. Алина поцеловала ее в голову.

– И от того, и от другого, я думаю.

Эмма была уже на полпути в комнату Кристины, когда на лестничной площадке наткнулась на Марка. Он стоял, прислонившись к стене, и выглядел мрачным.

– Дрю не пускает меня с ней поговорить, – сообщил он. – Я волнуюсь. Это в духе фэйри – горевать в одиночку, но Сумеречным охотникам такое не свойственно.

Эмма заколебалась. Она чуть было не лягнула, что это очень свойственно Дрю – запирается одной у себя в комнате. Но Дрю и правда была очень расстроена, когда выбегала из кухни, так что...

– Продолжай пытаться, – посоветовала она. – Иногда приходится стучать минут двадцать. Ну, или сразу предложи посмотреть вместе с ней какой-нибудь триллер.

Марку эта идея не показалась удачной.

– Не уверен, что мне понравится фильм ужасов, – с сомнением протянул он.

– Никогда не знаешь, где тебе повезет, – пожала плечами Эмма.

Марк уже собрался идти обратно, наверх, но задержался на первой ступеньке.

– Я и за вас с Джулианом волнуюсь, – признался он. – Мне не нравится Инквизитор, и то, что он будет вас допрашивать. Он похож на Неблагого Короля.

– Да ну? – удивилась Эмма.

– Да, то же ощущение, – сказал Марк. – Не могу объяснить, но...

Наверху на площадке открылась дверь.

– Эмма? – Кристина заглянула вниз. – Ты не могла бы...

Увидав Марка, она замолчала. Эти двое так смотрели друг на друга, словно Эммы тут вообще не было.

– Простите, не хотела вас прерывать, – сказала Кристина, продолжая смотреть на Марка, а он на нее, словно их взгляды кто-то связал узлом.

Марк встряхнулся, будто смахивая паутину снов.

– Все в порядке. Мне все равно нужно поговорить с Друзиллой.

Он взлетел по ступенькам и исчез за поворотом коридора.

Кристина тоже опомнилась и пригласила Эмму войти. Теперь казалось, что никакого Марка она только что не видела, но Эмму так и подмывало расспросить ее об этом.

– Ты будешь нужна Марку, – начала она, и Кристина тотчас же сцепила руки на коленях.

– Марк... – она замолчала. – Не знаю, о чем он думает. Возможно, злится на меня.

– С какой стати ему на тебя злиться?

– Из-за Кьерана. Они нехорошо расстались, а теперь Кьеран далеко, отсиживается в Схоломанте, и это из-за меня.

– Ты не ссорила их с Кьераном, – запротестовала Эмма. – Если уж на то пошло, мирила ты их гораздо дольше. Не забыла горячий эльфийский тройничок?

Кристина закрыла лицо руками.

– Ффрымффычн.

– Прости, что?

– Я сказала, – она подняла голову, – что Кьеран прислал мне весточку.

– Правда? Как? Когда?

– Сегодня, в желуде. Очень информативную.

Кристина протянула ей крошечный клочок бумаги.

Леди роз

Хотя в Схоломанте холодно, а с Диего можно помереть со скуки, я все же благодарен за то, что моя жизнь оказалась для тебя достаточно ценной, чтобы ее спасти. Ты так же добра, как и прекрасна. Мои мысли неизменно с тобой.

Кьеран

– Почему он тебе это прислал? – Эмма покачала головой и протянула записку обратно. – Странная она какая-то. Да и сам он странный.

– Видимо, хотел поблагодарить за побег, вот и все, – возразила Кристина.

– Фэйри никого не благодарят, – сказала Эмма. – Это романтическое послание.

Кристина покраснела.

– Нет, это просто обычная для фэйри манера изъясняться. Ничего не значит.

– Когда речь идет о фэйри, – мрачно констатировала Эмма. – Все что-нибудь значит.

* * *

Тем временем Дрю решительно игнорировала стук в дверь. Это было совсем не трудно: с тех пор, как умерла Ливви, она чувствовала себя словно под водой. Все было таким далеким, будто происходило где-то высоко над ее головой. Слова превратились в эхо, а люди – в размытые пятна, в игру светотени.

Иногда она сама говорила себе: Ливви, моя сестра Ливви, мертва.

Но и слова были какие-то ненастоящие. Даже горящий погребальный костер случился с кем-то другим.

Она выглянула в окно: демонские башни сверкали, как осколки стекла. Дрю ненавидела их лютой ненавистью: всякий раз, как она бывала в Аликанте, происходило что-нибудь ужасное. То кто-то умирал, то Хелен отправляли в ссылку...

Дрю села на подоконник, все еще держа в руках скатанную в рулон футболку. Хелен... Они все так долго хотели, чтобы она вернулась. Это была настоящая цель их семьи – они так хотели, чтобы Марк вернулся, и чтобы кончился Холодный мир, и чтобы Джулс был счастлив, и пропала эта напряженная складка у него между бровей. А теперь Хелен и правда вернулась и даже, кажется, собиралась сменить Джулса.

Хелен позаботится о вас, сказал он. Как будто можно вот так, взять и уйти с этого поста, а Хелен – встать на замену... как будто они не семья вовсе, а так, горсть мимоходом брошенных монеток. Или малолетних идиотов. Ты со мной обращаешься как с дурочкой, подумала она... интересно, что бы вышло, если бы она так и сказала Джулиану. Но нет, она бы все равно не сказала. С тех пор как Ливви умерла, складка у него между бровей и правда пропала, но вместо нее появился пустой взгляд, который был в сто раз хуже.

Хотя получить назад Марка – уже что-то. Марк ведь был с ними счастлив, даже когда вел себя странно и нес всякую эльфийскую чушь. Он еще сказал ей, что она красивая, и пытался готовить, хотя и не умел. Но Хелен была такая тонкая, прекрасная и далекая. Дрю еще помнила, как Хелен отправилась в Европу на учебный год, помахав на прощание, будто отмахнувшись от них, и настолько довольная отъездом, что это казалось пощечиной лично ей. Она тогда вернулась с Алиной, лучезарно счастливая, но Дрю навсегда запомнила, как счастлива Хелен была их бросить.

Она не станет смотреть со мной ужастики и есть сладкий попкорн, думала Дрю. Она, наверное, вообще ничего не ест, кроме цветочных лепестков. Она вообще ничего про меня не понимает и даже пытаться не будет.

Развернув футболку, она достала изнутри нож и записку, которую Хайме Росио Розалес сунул ей в Лондоне. Она читала ее столько раз, что бумага истончилась и обтрепалась по краям. Держа записку в руках, она свернулась на подоконнике, пока Марк тщетно барабанил в дверь и звал ее по имени.

* * *

В доме была только гулкая пустота.

Путешествие туда и обратно в Гард превратилось в полный хаос. Тавви ныл, Хелен лихо-радочно выпрашивала у Джулиана что-то про будни управления Институтом, между Кристиной и Марком словно летали электрические заряды, а Тай с загадочным лицом что-то искал в своем телефоне. По дороге обратно Диана милосердно нарушила царящее между Джулианом и Эммой тяжелое молчание и начала болтать о том, стоит или нет ей продавать оружейную лавочку на Флинтлок-стрит. Она предпринимала усилия, чтобы избежать неловких пауз в разговоре – это было ясно как день, но Эмма все равно была ей признательна.

Но теперь Диана ушла к себе, и Эмма с Джулианом в полном одиночестве подошли к дверям дома на канале. По всему дому стояла охрана, но он все равно был вопиюще пуст. Еще утром здесь было полно народу, но теперь остались только она и Джулиан. Он задвинул засов на входной двери и все так же молча собрался подниматься наверх.

– Джулиан, – не выдержала она. – Нам нужно... мне нужно с тобой поговорить.

Он остановился, положив руку на перила. На нее он даже не смотрел.

– Ну, разве это не банальность? – холодно сказал он. – «Нам нужно поговорить».

– Вот именно. Именно поэтому я сказала по-другому: мне нужно с тобой проговорить. Так или иначе, это факт, ты сам знаешь. Особенно если мы собираемся провести тут несколько дней наедине. И вместе предстать перед Инквизитором.

– Но речь ведь не об Инквизиторе, не так ли? – он наконец повернулся к ней. Его глаза горели ядовитым сине-зеленым цветом.

– Нет.

На мгновение Эмме показалось, что он откажется разговаривать, но Джулиан пожал плечами и пошел наверх, словно приглашая ее следовать за ним.

Войдя в комнату, она закрыла дверь. Он расхохотался, хотя голос его звучал устало и глухо.

– Это совсем не обязательно. В доме больше никого нет.

Были времена, когда они ни о чем так не мечтали, как получить целый пустой дом в свое распоряжение. У них была общая мечта – целый дом, только для них двоих... Целая жизнь – только для них, навек. Но сейчас, когда Ливви умерла, думать об этом было почти кощунством.

Она сегодня уже смеялась – раньше, с Кристиной. Искорка веселья в кромешной тьме. Джулиан повернулся к ней с совершенно пустым лицом, и она едва не поежилась, увидев его.

Эмма шагнула вперед, вглядываясь в его черты, – ничего не смогла с собой поделать. Он когда-то сказал ей, что в живописи и рисунке самое интересное – тот момент, когда картинка обретает жизнь. Взмах кистью, штрих пером, и изображение из плоской иллюстрации превращается в живой, дышащий портрет – в улыбку Моны Лизы, в искру интереса в глазах «Девушки с жемчужной сережкой».

Вот что пропало из Джулиана, поняла она, снова вздрагивая: тысяча эмоций, бурлившая в его глазах, и среди них любовь – к ней, к братьям и сестрам. Даже беспокойство покинуло его, и это было самое странное.

Он сел на край кровати. На ней лежал альбом – он небрежно отшвырнул его в сторону, под подушку. А ведь он всегда был очень аккуратен с принадлежностями для рисования... Эмма сдержала порыв спасти ни в чем не повинный альбом. Ей казалось, будто она потерялась посреди бескрайнего океана.

Слишком многое успело измениться.

– Что с тобой происходит? – спросила она.

– Понятия не имею, о чем ты. Я оплакиваю свою сестру. Как я, по-твоему, должен себя вести?

– Только не так, – отрезала она. – Я твой парабатай. Я всегда чувствую, если что-то не в порядке. А горе – это не «не в порядке». Горе – это то, что чувствую сейчас я, и что ты сам чувствовал еще вчера ночью... Но Джулиан, сейчас от тебя не этим пахнет. И это пугает меня.

Джулиан некоторое время молчал.

– Прозвучит странно, – сказал он наконец, – но можно я до тебя дотронусь?

Эмма шагнула вперед и встала между его коленей – протяни руку и коснешься.

– Да.

Он положил ладони ей на бедра, сразу над ремнем джинсов. Привлек ее к себе. Она мягко обхватила руками его щеки, коснулась острых скул. Он закрыл глаза, ресницы порхнули по пальцам. Что такое, Джулиан, подумала она, в чем дело? Он и раньше иногда что-то скрывал от нее... Но теперь ощущение было такое, словно он прятал от нее целую жизнь, годами. Иногда он казался ей книгой на незнакомом языке... а теперь превратился в книгу, не только закрытую, но и запертую на десяток тяжелых замков.

Джулиан ткнулся головой в Эмму – она почувствовала волны его мягких волос, – потом поднял голову. Горячее дыхание проникло сквозь ткань, добралось до кожи. Он слегка поцеловал ее в живот – Эмма почувствовала дрожь. Когда их глаза снова встретились, его взгляд был лихорадочен и светел.

– Думаю, я решил нашу проблему, – негромко сказал он.

Она одним махом отмела желание, смятение, гнев – весь комок перепутанных чувств.

– О чем ты?

– Когда умер Роберт Лайтвуд, мы потеряли единственный шанс отправиться в изгнание. Я надеялся, что горе и боль заставят меня разлюбить тебя...

Его руки все еще лежали у нее на бедрах, но утешения это не приносило – слишком безжизненный был у него голос.

– ...но этого не произошло. Ты и сама знаешь. Вчера ночью...

– ...мы остановились, – перебила она, вспыхивая.

Душ, перепутанные простыни, вкус его поцелуев – соль и мыло...

– Дело не в том, что мы делаем, а в том, что чувствуем. Ничто не сумело заставить меня перестать тебя любить. Даже оборотов сбавить и то не вышло. Мне пришлось это исправить.

В животе у нее завязался холодный узел.

– И что же ты сделал?

– Пошел к Магнусу. Он согласился наложить чары. Сказал, что у этого вида магии – когда вмешиваешься в человеческие чувства – бывают опасные последствия, но...

– Вмешиваешься в человеческие чувства? – Эмма отшатнулась, его руки упали. – Да о чем ты говоришь?

– Он их убрал, – сказал Джулиан. – Мои эмоции. Мои чувства к тебе. Их больше нет.

– Не понимаю...

Интересно, почему люди всегда это говорят, когда ясно, что все они прекрасно поняли? Только сейчас Эмма поняла, почему. Потому что не хотят понимать. Это способ сказать: нет, не может быть! Ты не мог иметь в виду это. *Только не то, что ты сейчас сказал...*

Скажи, что это неправда.

– Если наши чувства не взаимны, значит, проблемы нет, – сказал Джулиан. – Проклятие больше не будет работать.

– Возможно, – она протяжно и хрипло втянула воздух. – Но дело не только в том, что ты чувствуешь ко мне. Ты стал другим, Джулиан. Ты даже не стал спорить с Джиа насчет детей...

Он слегка удивился.

– Да, кажется, не стал, – он поднялся, протянул ей руку, но Эмма отшатнулась; и его рука снова упала. – Магнус сказал, оно не слишком точно работает. Что в этом-то и проблема. Настоящие любовные чары, привороты, которые заставляют в кого-то влюбиться, – это черная магия. Они навязывают человеку эмоцию. То, что он сделал со мной, – почти полная противоположность: он мне ничего не навязывал. Я просил, но он сказал, что эмоции не единичны, и заклинаний на «отменить любовь» просто не бывает. Все чувства связаны с другими чувствами, а они – с мыслями и с тем, кто ты вообще такой.

Он махнул рукой: на запястье что-то мелькнуло... Красная ниточка или лоскуток.

– Он сказал, что постарается воздействовать только на часть моих эмоций... ту, что связана с эросом. На романтическую любовь. Но предупредил, что и все остальные мои чувства, возможно, тоже заденет.

– И как, задело? – полюбопытствовала Эмма.

Он нахмурился – и тут сердце у нее разорвалось пополам, потому что это была эмоция. Всего лишь удивление или огорчение – но эмоция.

– Между мной и всем остальным словно стеклянная стена, – признался он. – И между всеми остальными тоже. Гнев все еще здесь, со мной – я легко его чувствую. Я злился на Джиа. И когда полез на костер за Таем, это был просто рефлекс – его надо защитить, и все. Там не было ни одной сознательной мысли.

Он рассеянно поглядел на свои перевязанные ладони.

– Я все еще горюю по Ливви, но это вполне переносимо. Мне снова есть чем дышать.

А ты...

– А мы, – мрачно поправила его Эмма.

– Я знаю, что любил тебя. Но больше не чувствую этого.

Значит, любил. Услышать глагол «любить» в прошедшем времени – все равно что получить удар в грудь. Эмма отступила еще на шаг. Все, надо убираться отсюда.

– *Моли меня не покидать тебя*, – проговорила Эмма. – Но ты меня покинул. Ты бросил меня, Джулиан.

– Эмма, стоп. Вчера ночью, когда я пошел к Магнусу... проклятие уже сбывалось. Я чувствовал это. Я знал. Я не вынес бы, если бы умер кто-нибудь еще...

– Я ни за что не согласилась бы остаться тут, с тобой, если бы знала, что ты натворил, – сказала Эмма. – Мог бы, по крайней мере, мне сказать. Честность – не эмоция, Джулиан.

Кажется, он все-таки вздрогнул... хотя, возможно, просто удивился.

– Эмма...

– Довольно.

Она выбежала из комнаты.

* * *

Она же вовсе не ждет Гвина, сказала себе Диана. И определенно не сидит у себя на кровати за полночь в симпатичном шелковом топе, который вдруг нашла в шкафу (хотя ей давно уже полагалось влезть в нормальную домашнюю пижаму)... ну, вернее, сидит, но исключительно потому, что решила почистить холодное оружие.

И верно – на покрывале было разложено три или четыре меча, которые она усердно полировала, словно надеялась вернуть им былую славу. Когда-то на них были вытравлены переплетенные розы, звезды, цветы, тернии, но за долгие годы гравировка потемнела и обесцветилась. Ей даже было немного стыдно за такое небрежение отцовским магазином... и этот стыд мешался с другим, старым, знакомым, который она ощущала всегда при мысли о родителях.

Было время, когда она всего только и хотела что быть Дианой и владеть «Стрелой Дианы»; когда у нее душа болела за Идрис и за шанс быть самой собой в родном краю Сумеречных охотников. Теперь ее снедала тревога, которой в той, прошлой жизни места не было. Ей стало тесно в прежних надеждах, словно в платье, из которого она уже выросла. Возможно, и из мечты тоже можно вырасти, когда у тебя расширяются горизонты.

Тук-тук. Не успел стихнуть стук, как Диана уже подлетела к окну, подняла раму и выглянула наружу. Гвин парил на уровне глаз; его серый в яблоках конь сиял в свете демонских башен. Шлем висел на ремне у скакуна на шее; на спине седока – могучий меч с рукоятью, потемневшей за годы работы.

– Я не мог прийти раньше, – сказал он. – Увидел сегодня дым в городе и смотрел из-за облаков. Пойдешь со мной туда, где безопасно?

Диана полезла из окна, даже не дослушав вопрос. Сидеть перед ним на спине лошади было так знакомо, как и быть в кольце его огромных рук. Она была высокой женщиной, и мало что на свете могло заставить ее почувствовать себя маленькой и хрупкой, но Гвину это удалось. Ну, что ж, по крайней мере, новое ощущение.

Они летели над городом, над стеной, над Нетленными полями... Диана отпустила мысли блуждать. Погребальные костры прогорели до пепла, оставив на траве зловещие серые, словно выбеленные круги. Глаза у нее защипало, и она поспешила отвернуться к лесу. Зеленые деревья плавно приближались и вот уже потянулись вниз, прoderнутые серебром рек; там и сям по границе лесов высились каменные усадьбы.

Диана думала об Эмме и Джулиане, о потрясении и одиночестве на лице у Эммы при вести, что им придется остаться в Идрисе, – и о пустоте на лице Джулиана. О да, она прекрасно знала, какую пустоту может причинить шок. Она и у Тая видела такую – глубокое безмолвие и неподвижность внутри, из-за боли столь великой, что никакими рыданиями, никакими слезами до нее не достучаться, не избыть, не выплеснуть. Она помнила, как потеряла Арию, как валялась на полу домика Катарины, корчась и извиваясь, словно это могло выгнать наружу муку и тоску по сестре.

– Мы на месте.

Гвин приземлился на полянке – она ее помнила, – спешился и протянул руки, чтобы помочь ей спуститься.

Диана погладила коня по шее, и тот ткнулся ей в ладонь мягким носом.

– У него есть имя?

– Имя? – не понял Гвин.

– Я буду звать его Орионом, – Диана соскользнула на землю и села.

Трава пружинила под ногами, воздух пах сосной и цветами. Она оперлась на руки, и напряжение, кажется, согласилось, наконец, покинуть тело.

– Мне нравится. Нравится, что это ты дала коню имя.

Гвин сел напротив, озабоченно нахмурившись. Несмотря на огромные ручки и глыбу тела, сейчас он выглядел беспомощным.

– Я знаю, что случилось, – сказал он. – Когда смерть приходит неожиданно и во всем величии, Дикая Охота об этом знает. Мы слышим, о чем рассказывает пролитая кровь.

Диана не знала, что сказать – что смерть несправедлива, может быть? Что Ливви не заслужила умереть так... и никак по-другому тоже? Что разбитые сердца Блэкторнов уже никогда не исцелятся? Все это было так банально – сто раз уже сказано и столько же понято.

Вместо этого она сказала:

– Думаю, я бы не отказалась, если бы ты меня поцеловал.

Раздумывать Гвин не стал. В следующую секунду он уже оказался рядом с ней, удивительно изящный, несмотря на то, что он был такой большой, – заключил в объятия, и она утонула в тепле и запахе леса и лошадей. Она наморщила нос и засмеялась, а он поцеловал ее смеющиеся губы.

Это был нежный поцелуй. Мягкие губы, царапающаяся щетина, каменные мышцы, которых она касалась, когда целомудренно положила руки ему на плечи и погладила.

Он повел плечами, хрипло застонав от удовольствия. Пристав на цыпочки, Диана обхватила его лицо ладонями, удивляясь своим ощущениям от прикосновения к чужой коже. Прошло уже столько времени... да и ничего подобного она себе даже не представляла: цветы и лунный свет – это для других, не для нее.

Но, оказалось, что это не так. Его огромные руки пробежали по ее волосам. Никогда еще ей не было так тепло, надежно, уютно в чьей-то любви. Поцелуи закончились так же естественно, как начались, и Гвин притянул ее поближе и усмехнулся.

– Что такое? – Диана запрокинула голову.

– Интересно, целоваться с фэйри – так же, как с Сумеречным охотником? – его улыбка была на удивление мальчишеской.

– Никогда не пробовала, – сказала она, и это было чистой правдой. Тогда, давно, она была слишком застенчива, чтобы кого-то целовать, и слишком печальна, а потом, позже... – Но я целовалась с несколькими простецами. В Бангкоке. Некоторые были трансгендеры, как я. В те времена я от всех скрывала, что я нефелим, и между мной и другими все время как будто стояла тень... – она вздохнула. – Не считая Катарини, ты, кажется, – единственный, кто знает обо мне все.

Гвин задумчиво хмыкнул.

– Мне нравится все, что я о тебе знаю.

«А мне нравишься ты», – едва не сказала она. Ее саму потрясло, насколько он ей нравился, этот странный фэйри, способный быть удивительно нежным и удивительно жестоким. Она знала его добрым, но слышала от Марка и о другой его стороне: той, что вела Дикую Охоту по кровавой дороге между звездами.

– Я собираюсь все им рассказать, – сказала Диана. – Эмме и Джулиану. Мы застряли в Идрисе все вместе, и я люблю их, как моих младших брата и сестру. Они должны знать.

– Расскажи, если тебе будет легче, – сказал Гвин. – Но имей в виду: ты ничего им не должна. Ты помогала им, заботилась о них, они знают тебя такой, какая ты есть. Никто не обязан раскрывать душу перед кем бы то ни было.

– Я хочу это сделать для себя. Так я буду счастливее.

– Тогда конечно.

Он поцеловал ее в голову.

Диана сидела в кольце его рук и думала о том, как горе и счастье умудряются делить между собой одно человеческое сердце. Интересно, какие потери довелось пережить Гвину? У него наверняка были отец и мать, братья и сестры... но она никак не могла представить их себе, а спросить пока не решалась.

Уже потом, шагая назад, к коню, чтобы вернуться в Аликанте, она вдруг заметила, что кончики ее пальцев испачканы пеплом, и нахмурилась. Скорее всего, его еще утром принесло ветром с Нетленных полей... Но все-таки это было странно.

Она выбросила все из головы. Гвин поднял ее в седло, и верхом на Орионе они уплыли вверх, к звездам.

* * *

Комнаты в Схоломанте были не так хороши, как в большинстве Институты, но и не так плохи, как в Академии Сумеречных охотников. Они были чистые, пустые и, по мнению Диего, напоминали монашеские кельи. В каждой имелось по две узких кровати, два тяжелых стола и два массивных платяных шкафа.

Народу тут было немного, поэтому соседа у Диего обычно не было, но сейчас на полу в неопрятной куче одеял валялся Кьеран.

Подложив руки под голову, Диего смотрел в потолок, запоминал его неровности. Впервые в жизни он не мог сосредоточиться, чтобы читать или медитировать. Его мысли металась, как паук с нервным срывом, от Хайме к Кристине, к Диарборнам, потом к новому Инквизитору...

Не говоря уже о несчастном принце фэйри, стенавшем у него на полу.

– Сколько ты еще собираешься меня тут держать? – донеслось откуда-то из-под одеял.

Край одеяла откинулся, показалось лицо. Через некоторое время оно уставилось в потолок, словно пытаясь понять, что Диего там нашел.

– Держать тебя тут? – Диего повернулся на бок. – Ты же не в плену. Можешь идти, куда пожелаешь.

– Не могу, – капризно возразил Кьеран. – Я не могу вернуться в Дикую Охоту, чтобы не навлечь на нее гнев Короля. Не могу вернуться в страну фэйри, потому что Король обнаружит меня и убьет. Не могу скитаться по этому миру, потому что меня узнают, а я не уверен, что Король не ищет меня.

– Тогда почему не вернуться в Лос-Анджелесский Институт? Даже если ты все еще злишься на Марка, Кристине сможет...

– Именно из-за Марка с Кристиной я и не могу отправиться туда. – Волосы Кьерана сменили цвет с глухо-синего на тусклый белый. – И я, между прочим, не злюсь ни на кого из них. Я просто не хочу... – Он сел. – Или, наоборот, хочу слишком многого.

– С этим мы разберемся, когда придет время, – сказал Диего. – И сделаем то, что для тебя будет лучше.

Кьеран бросил на него такой пристальный, пронизывающий взгляд, что Диего даже привстал.

– Ты ведь всегда так поступаешь, правда? – процедил Кьеран. – Обещаешь найти решение, а когда случается худшее, оказываешься совершенно не готов.

Диего хотел ответить, но тут в дверь постучали. Кьеран исчез так быстро, что Диего не успел заметить, куда. Он откашлялся и сказал:

– *Pasale!*

В комнату проскользнула Дивья, за ней Райан, оба в форме. Райан был еще и в толстом свитере. Обоим так и не удалось привыкнуть к климату Схоломанта. В руках у Дивьи был фонарь с колдовским светом, выглядела она встревоженной.

– Диего, – сказала она, – Кьеран здесь?

– Скорее всего, под кроватью, – пожал тот плечами.

– Странно, – заметил Райан; он был куда спокойнее, но он вообще редко проявлял бурные эмоции.

– Хотя может быть и в гардеробе, – закончил свою мысль Диего. – А что?

– Когорта здесь, – выдохнула Дивья. – Зара и еще несколько человек – Саманта, Мануэль и, кажется, Джессика только что прошли через портал. С ними профессор Гладстон.

Из-под кровати выкатился Кьеран с комьями пыли в волосах.

– Они знают, что я здесь? – глаза его подозрительно заблестели. – Мне нужно оружие. Любое оружие.

– Да погоди ты, – Дивья успокаивающе подняла руку. – Мы думали о чем-то более... вернее, менее эффективным. Например, спрятать тебя.

– Я и так уже прятался.

– Да, под кроватью, – уточнил Диего.

– Да, но когда сюда мчится Зара Диарборн, собираясь допрашивать Диего, это не самое безопасное место в школе, – сказал Райан. – Тем более, что Когорта подозревает тебя в измене их благородному делу.

– Вот именно, – встала Дивья. – Мы подслушали их разговор.

Она протянула руку Кьерану, словно чтобы помочь ему встать. Тот наградил ее удивленным взглядом и встал сам, без посторонней помощи.

– Я бы не стал убивать ее безоружную, – сказал он. – Я вызвал бы ее на честный бой.

– Ну да, чтобы все, включая Конклав, сразу же поняли, что ты здесь, – вздохнула Дивья и щелкнула пальцами. – Идемте уже, нечего тратить время.

Кьеран слегка растерялся и покосился на Диего. Тот кивнул.

– Так безопаснее для нас обоих.

– Как скажешь, – и Кьеран вышел из комнаты вслед за Райаном и Дивьей.

Колдовской свет плыл над ними. Они растворились во мраке и пропали. Диего едва успел вылезти из кровати и натянуть футболку, когда дверь бесцеремонно распахнули.

Зара стояла на пороге, оперев руки в бока, и только что не сыпала искрами от гнева. Диего хотел поблагодарить ее, что так вежливо постучала, но решил, что сарказм ее вряд ли примет.

– Ты у меня уже вот где, – сообщила ему Зара.

Диего прислонился к шкафу и сложил на груди руки. Взгляд Зары невольно пробежал по его бицепсам, и она улыбнулась.

– Я и правда надеялась на наш союз. Но сначала тебе нужно принять правильную сторону и перестать водиться с Нижнемирским отребьем, преступными элементами и всякими неблагодарными.

– Неблагодарными? Мне можно общаться только с теми, кто говорит спасибо?

– Что-что? – Зара заморгала.

– Не уверен, что слово, которое ты употребила, значит именно это. Конечно, английский – мой второй язык, но...

– Блэкторны – неблагодарные твари, – объяснила она. – Ты должен немедленно прекратить общение с ними – и со всеми, с кем они водятся.

Она прожгла его взглядом.

– Если ты имеешь в виду Кристину, то мы с ней только друзья...

– Мне плевать. Все Блэкторны мерзкие. Марк – полукровка, Тай – чокнутый мелкий затворник, Дрю – жирная и тупая, а Джулиан... похож на Себастьяна Моргенштерна.

Диего не выдержал и расхохотался.

– Он – что?

Зара вспыхнула.

– Он поднимал мертвых!

– Вообще-то нет, – сказал Диего, хотя это уже не имело значения.

Когорта постоянно меняла правила игры, когда ей нужно было чего-то добиться. Корректность доказательств их не слишком волновала, как и разница между теми, кто поднимает мертвых, и теми, кто с ними просто общается.

– Ты еще пожалеешь, что возился с ним, когда он сожжет этот мир, – мрачно возвестила Зара.

– Уж наверняка. Слушай, ты еще что-то хотела? Уже середина ночи, и я собирался немного поспать.

– Не забывай, зачем ты со мной обручился, – процедила она с ядовитой улыбкой. – Тебе еще тогда стоило подумать, каковы будут последствия, если я вдруг разорву помолвку.

Она уже собралась уходить, но вдруг будто заметила что-то... удивительное – Диего не понял, что. Как бы там ни было, Зара метнула на него еще один уничтожающий взгляд и зашагала прочь по коридору.

Замка на двери не было, поэтому Диего просто захлопнул ее, упал на кровать и снова уставился в потолок. На сей раз потолку не удалось отвлечь его от мрачных мыслей.

6

Меж тем как с башни – мрачный вид...

Эмма проснулась от грохота в дверь ее спальни – голова уже раскалывалась. Она рухнула спать прямо на пол, как была, одетая; волосы были влажные и прилипли к щекам. Она чувствовала себя как после кораблекрушения, и выглядела наверняка не лучше.

– Входи.

Дверь распахнулась; это был, естественно, Джулиан.

Эмма рывком села. Какую-то секунду они просто таращились друг на друга. Эмме сразу же стало холодно: хоть он и не любит ее больше, а все равно заметит и мятое лицо, и одежду в беспорядке...

– Тебе лучше одеться и привести себя в порядок.

На Джулиане были джинсы и синий свитер. Выглядел он так, словно отлично выспался. Хорошо выглядел. Симпатичный незнакомец, которого она совершенно не знала. Даже и голос совсем не грубый, а так, прохладно прагматичный. Можно не беспокоиться, что он станет ее жалеть или будет чувствовать себя виноватым, внезапно дошло до нее: он вообще ничего не чувствует.

– Дейн Ларкспир только что доставил сообщение, – произнес Джулиан. – Инквизитор желает видеть нас немедленно.

* * *

Стоило Кристине открыть дверь, как из-за барной стойки с половником наперевес выпрыгнула сияющая Хелен.

– Доброе утро!

Кристина проснулась рано – весь ее организм горячо осуждал разницу во времени между Идрисом и Лос-Анджелесом – и практически ошупью побрела на кухню, сделать себе кофе и парочку тостов. От жизнерадостности Хелен ей неудержимо захотелось лечь доспать прямо на столе. Нет, ей точно никогда не понять чертовых жаворонков, особенно тех, кто умудряется функционировать без кофеина.

– А я овсянку делаю, – радостно сообщила Хелен.

– О.

Овсянку Кристина вообще-то не любила.

– Алина наверху, в офисе: пытается разобраться в бумагах. Кажется, центурионы тут все разнесли, – Хелен поморщилась.

– Я в курсе, – Кристина с вождением поглядела на кофемашину.

Будет очень грубо, если она просто пройдет мимо Хелен и полезет в шкаф за зернами и фильтром?

– Но не волнуйся, – продолжала Хелен. – Они оставили в турке плесневелый кофе.

Она показала в сторону раковины.

Кристина возненавидела центурионов еще больше прежнего – разве такое возможно?

– Они хоть что-нибудь нам оставили?

– Бак с грязным бельем, – к ним вошел Марк с мокрыми волосами – видимо, только что из душа.

У Кристины что-то затрепыхалось в животе, и ей пришлось срочно сесть на табурет. У Марка на запястье все еще виднелся заживающий участок кожи – там, куда пришлось связывающее заклинание: у нее был такой же. Глаза его так и сияли на утреннем солнце: золотые

и синие, будто самое сердце океана. Она быстро отвернулась и принялась изучать изразец, на котором тело поверженного Гектора тащили за ноги вокруг стен Трои.

– Очень много грязного белья. Просто-таки горы и горы грязного белья.

– Я займусь стиркой, – Хелен уже переместилась к плите и теперь энергично мешала в кастрюльке. – А сейчас делаю овсянку.

– О.

Марк мельком пересекся взглядами с Кристиной, но в нелюбви к овсянке они друг другу сознаться успели.

В кухню постепенно вваливались и другие Блэкторны. Пришел Тай, за ним Кит; подошли Дрю и Тавви. Зажурчали, забулькали голоса, и на мгновение все стало как будто нормально. Как будто... Без Эммы Институт никогда больше не будет для нее нормальным. Эмма была первой, кого он встретила в Лос-Анджелесе. Эмма первой и без колебаний приняла ее в друзья. И с городом она знакомилась, узнавая любимые места Эммы – тайные пляжи и узкие тропки. В машине с радио, включенным на полную громкость, с волосами, развевающимися на ветру... Хот-доги в «Пинкс», пироги в «Эппл Пан» в полночь...

Трудно было теперь не чувствовать себя сорвавшейся с якоря... отвязавшейся лодкой во власти прилива. И все же она держалась за то, что сказала ей Эмма: «Ты им нужна. Ты нужна Марку».

Тай схватил лежавший на столе пакет чипсов, перебросил его Киту, тот показал ему большой палец. Эти двое явно научились общаться без слов, как Эмма и Джулиан в свое время.

– Сейчас же положи эту гадость! – возмутилась Хелен. – Я варю овсянку!

Она указала половником на стол, где в ряд стояли одинаковые миски и ваза полевых цветов.

– О, – сказал Кит.

– А я хочу блинов! – заявил Тавви.

– Мы завтракать не будем, – быстро сказал Тай. – Мы с Китом идем на пляж. Пока-пока.

– А... – начала Хелен, но мальчишки уже ушли.

Крепко схватив Кита за руку, Тай потащил его за собой. Уже на пороге Кит успел с извиняющимся видом пожать плечами.

– Ненавижу овсянку, – угрюмо сказала Дрю, садясь за стол.

– Я тоже! – подержал ее Тавви, втискиваясь рядом с сестрой.

Он тоже нахмурился, на мгновение став так забавно похож на нее.

– Кроме овсянки ничего нет, – весело ответила Хелен. – Правда, еще я могу сделать тост.

– Не тост, – отрезал Тавви. – Блины!

Хелен выключила плиту. Некоторое время она стояла, уставившись в кастрюлю с остывающей кашей, потом очень тихо сказала:

– Я не умею печь блины.

Кристина быстро соскочила с табуретки.

– Хелен, давай мы вместе сделаем им яичницу с тостами?

– А Джулиан умеет печь блины, – поднажал Тавви.

Хелен подвинулась, чтобы Кристина могла встать рядом. Одна подала хлеб, вторая положила его в тостер... Кристина заметила, что руки Хелен дрожат.

– Я не буду есть яичницу, – сказала Дрю.

Она вытащила из вазы цветок, оторвала венчик. Лепестки посыпались на стол.

– А ну-ка, вы, двое, – Марк ласково взъерошил им волосы. – Мы же только что вернулись. Давайте не будем создавать Хелен проблемы.

– Она не обязана готовить нам завтрак, – проворчала Дрю. – Мы сами прекрасно можем его себе приготовить.

Хелен поставила на стол тарелку. Дрю уставилась на тосты невидящим взглядом.

– Это просто хлеб, Дрю, – сказала Хелен. – Ешь.

Девочка напряглась.

– Не надо мне говорить, что есть, а что не есть!

Хелен вздрогнула. Тавви потянулся за джемом, перевернул банку и стал трясти над тарелкой, пока джем не вывалился на стол, на тарелку, прямо на руки. Он захихикал.

– Тавви, не... О, нет! – простонала Хелен, выхватывая у него банку. – Не надо так делать!

– Я не буду тебя слушаться! – Тавви на глазах заливался краской. – Я тебя даже не знаю!

Он протолкался мимо Дрю и вылетел из кухни. Дрю бросила на Хелен уничтожающий взгляд и выскочила следом за ним.

Хелен стояла, держа в руках пустую пластиковую банку от джема. По ее лицу катились слезы. У Кристины чуть сердце из груди не выпрыгнуло. Хелен просто хотела сделать приятное родственникам... а они не желали простить ее за то, что она, видите ли, не Джулиан.

Кристина шагнула к Хелен, но рядом с ней уже оказался Марк – обнимал сестру, перемазываясь в варенье.

– Все хорошо, все в порядке, – говорил он. – Когда я впервые вернулся, я все портил. Все понимал не так...

Кристина почувствовала себя чужой и незаметно выскользнула из кухни... Некоторые семейные сцены – не для чужих глаз. Медленно идя по коридору (в библиотеке точно должна быть еще одна кофемашинка), она думала о том, что только что услышала. Неужели он правда так себя тогда чувствовал? Когда она впервые увидела его, он сидел, скорчившись, привалившись к стене спальни, а вокруг парусами надувались занавески. Окно было открыто, в него врвался ветер...

Она мгновенно почувствовала с ним связь, хотя не знала Марка до того, как Охота забрала его. Нет, она ничего не ждала, не знала, на кого он похож или кем стал. Тогда эта встреча связала их прочнее всякого заклинания... Но что, если с тех пор все изменилось? Вдруг то, что было между ними, сломалось, так что уже не починишь?

– Кристина...

Марк стоял за ее спиной, весь красный – видимо, бежал за ней. Он замер, когда она обернулась, и выглядел так, словно был готов шагнуть с обрыва в бездну.

– Я должен быть с Хелен, – сказал он. – Но еще мне нужно поговорить с тобой. Уже давно. С тех самых пор, как... Встретимся на парковке ночью, когда взойдет луна.

Она кивнула, слишком потрясенная, чтобы говорить. Потом до нее дошло, что «когда луна взойдет» – звучит очень расплывчато. А вдруг ночь будет облачная? Но Марк уже умчался обратно. Вздохнув, она пошла дальше – отправлять Катарине Лосс огненное письмо.

* * *

И нескольких дней не прошло с тех пор, как умер Роберт Лайтвуд, а Гораций Диарборн уже успел изменить все в его кабинете.

Куда-то исчез гобелен с битвой при Баррене. Камин пылал, а вместо портрета Алека Лайтвуда над ним теперь красовалась Зара. В полном обмундировании, с двумя светлыми косами до пояса, как у викинга. Золотая табличка на раме сообщала, что это «ЗАРА ДИАРБОРН, ГЕРОЙ КОНКЛАВА».

– Очень остроумно, – проворчал Джулиан.

Они с Эммой только что вошли в кабинет. Инквизитор рылся в бумагах на столе и не обращал на них никакого внимания. Ну, хотя бы стол тот же. Впрочем, на стене за ним повесили большую табличку с надписью: «ЧИСТОТА ЕСТЬ СИЛА. СИЛА – ПОБЕДА. СЛЕДОВАТЕЛЬНО, ЧИСТОТА ЕСТЬ ПОБЕДА».

Диарборн наконец выпрямился.

– «Герой Конклава» звучит простовато, – задумчиво произнес он, давая понять, что слышал замечание Джулиана. – Я думаю, «Боудикка³ наших дней» будет лучше. На тот случай, если вы не в курсе, кто она была...

– Я в курсе, кто она была, – перебил его Джулиан, садясь без приглашения; Эмма последовала его примеру (стулья тоже были новые, с жесткой обивкой). – Воинственная королева бриттов.

– Дядя Джулиана был историком-классицистом, – любезно проинформировала Инквизитора Эмма.

– Да, Зара мне говорила, – Гораций тяжело опустился в кресло по другую сторону стола.

Он был крупный мужчина, но при том костлявый, с совершенно не примечательной физиономией. Руки у него были огромные, а плечи распирали изнутри форму – видимо, еще не успели сшить по размеру.

– Итак, дети. Должен признать, вы меня удивили. Между семействами Блэкторнов и Карстерсов с одной стороны и Конклавом с другой всегда были... самые горячие узы.

– Конклав изменился, – заметила Эмма.

– Не все изменения к худшему, – возразил Диарборн. – И некоторые назревали очень давно.

Длинные ноги Джулиана взлетели вверх, и сапоги бухнулись на столешницу Инквизитора. Эмма моргнула. Джулиан всегда был бунтарь в душе, но очень редко бунтовал в открытую.

– Почему бы вам просто не сказать, чего вы от нас хотите? – с ангельской улыбкой осведомился он.

Глаза Горация заблестели. Он явно кипел от гнева, но его голос остался ровным.

– Вы двое в полной заднице, – сказал он. – И куда больше, чем думаете.

Эмма вздрогнула. Взрослые Охотники, особенно облеченные властью, редко употребляли крепкие слова, обращаясь к тем, кого считали детьми.

– О чем это вы? – спросила она.

Гораций открыл ящик стола и вытащил тетрадь в черной кожаной обложке.

– Рабочие записи Роберта Лайтвуда, – пояснил он. – Он вел их после каждой важной встречи. И, разумеется, после встречи с вами.

Джулиан побелел – он сразу же узнал блокнот. Роберт наверняка писал в нем... когда Эмма ушла с Мануэлем.

– Я знаю, что вы сообщили ему о ваших отношениях, – смакуя каждое слово, произнес Диарборн. – Влюбленные парабатаи. Отвратительно. И я также знаю, чего вы просили у него. Изгнания.

Несмотря на бледность, голос Джулиана звучал твердо:

– Я все еще думаю, что вам следует говорить яснее.

– Влюбиться в своего парабатаю – все равно что нарушить контракт, который вы, нефиллимы, заключили с Конклавом. Ваш поступок оскверняет самые святые из наших святейших уз! – Тетрадь отправилась обратно в ящик. – Но я человек разумный. И готов предложить взаимовыгодное решение наших маленьких проблем. И даже некоторых больших.

– Решения редко бывают взаимовыгодными, когда вся власть у одной из сторон, – холодно заметил Джулиан.

Диарборн оставил его слова без внимания.

– Если вы согласитесь отправиться с заданием в страну фэйри, если обещаете найти и уничтожить Аннабель Блэкторн и принести назад Черную книгу мертвых, я выполню соглашение, которое заключил с вами Роберт. Изгнание и тайна. Никто никогда не узнает.

³ Боудикка – вдова бриттского вождя, которая возглавила антиримское восстание в 61 г. н. э.

– Как мы можем быть уверены, что она в стране фэйри... – начал Джулиан.
– Да вы, наверное, шутите! – одновременно с ним воскликнула Эмма.
– Мои источники утверждают, что она сейчас при Неблагом Дворе, – сказал Диарборн. – И нет, я не шучу. Я бы поклялся на Мече Смерти, если бы Карстерс его не сломала.

Эмма вспыхнула.

– Зачем вам Черная книга? Собираетесь поднять парочку мертвецов?

– Меня не интересует жалкий колдовской учебник по некромантским забавам, – отрезал Гораций. – Я лишь хочу отобрать его у Аннабель Блэкторн и Неблагого Короля. Даже не пытайтесь задурить мне голову подделками – я все равно узнаю и накажу вас. Мне нужно, чтобы Черная книга находилась у нефелимов, а не у Нижнемирских.

– Наверняка для такого поручения лучше взять людей постарше и поспособнее, – заметил Джулиан.

– Миссия должна быть выполнена в режиме строгой секретности, – перебил Диарборн. – А у кого больше оснований держать ее в секрете, чем у вас?

– В стране фэйри время идет по-другому, – предупредил Джулиан. – Мы можем вернуться через десять лет от сего момента. Это вам ничем особенно не поможет.

За креслом Диарборна, в углу, валялась какая-то куча тряпок – только тут до Эммы дошло, что это гобелен с битвой при Баррене, выброшенный как какой-нибудь мусор. Странновато для человека, чтущего историю нефелимов.

– Давным-давно Дивный народ передал Конклаву три медальона, – сказал Инквизитор. – Они предотвращают утечку времени в стране фэйри. Первый пропал, но вы получите один из двух оставшихся. Вернете, когда вернетесь сами.

Медальон? Эмма вспомнила ожерелье Кристины, способное контролировать время в стране фэйри. Один, значит, *пропал...*

– А как мы вернемся? – не унималась Эмма. – Человеку не так-то просто уйти оттуда.

– У вас будет карта, и с ее помощью вы найдете место под названием Перекресток Брэма. Там будет друг, он отправит вас домой, – Гораций соединил кончики пальцев. – Я скрою, что вас нет в Аликанте, и поставлю стражу вокруг Принсуотер-хаус. Пустим слух, что вы под домашним арестом, до тех пор пока дело с Мечом Смерти не разъяснится. Но я настаиваю, что вы должны найти книгу и вернуться сюда в течение четырех дней. В противном случае я буду считать, что вы собираетесь выступить против меня, и раскрою ваш секрет.

– Почему вы думаете, что мы успеем за четыре дня? – поинтересовался Джулиан.

– Потому что у вас нет выбора, – пожал плечами Гораций.

Эмма переглянулась с Джулианом. Надо полагать, его чувства – если бы они у него были, – отражали бы ее собственные: беспомощность и бездну подозрений. Доверять Горацию нельзя, но если они откажутся, он разрушит им жизнь. С них снимут Знаки. Они больше никогда не увидят остальных Блэкторнов.

– Не стоит так недоверчиво смотреть на меня, – сказал Диарборн. – Мы в этом деле на одной стороне. Никому не нужно, чтобы такая могущественная вещь, как Черная книга, находилась в руках Аннабель Блэкторн или Неблагого Короля.

Он слабо улыбнулся.

– К тому же, Джулиан, я думал, ты будешь только рад. Это твой шанс убить Аннабель Блэкторн и забрать ее драгоценную книгу. Ты, кажется, хотел отомстить?

Не в силах больше вынести то, как Инквизитор смотрел на него, Эмма вскочила.

– Я хочу Кортану, – заявила она. – Она принадлежала моему отцу, моим предкам, еще до Джема и Корделии Карстерс. Верните ее мне.

– Нет, – тонкие губы Горация стали еще тоньше. – Мы все еще расследуем, каким образом она могла уничтожить Меч Смерти. Мы дадим вам оружие, припасы, карту и все необходимое, но Кортану не вернем.

– Ангельские клинки в стране фэйри не действуют, – заметил Джулиан. – Как и наши руны.

– Значит, вам выдадут мечи, кинжалы и арбалеты, – фыркнул Диарборн и встал. – У нас есть любое оружие, какое может вам понадобиться. Мне все равно, чем вы убьете Аннабель, – главное убейте ее. Это вы навлекли на нас эту дрянь. Теперь ваша задача – нас от нее избавить.

– Когда нам выступать? – Джулиан опустил ноги на пол.

– И как мы туда попадем? – добавила Эмма.

– Это уже моя забота. А выступать сейчас. В Аликанте у вас, насколько мне известно, никаких дел нет, – Диарборн довольно резко указал на дверь, будто ему не терпелось избавиться от них. – Отправляйтесь домой, возьмите все, что вам нужно из личных вещей. Не тратьте время попусту. Стража скоро за вами придет. Будьте готовы.

– Отлично, – сказала Эмма. Она решительно прошагала в угол и вытащила оттуда гобелен с портретом Алека. – Но вот это я все-таки заберу.

Ткань оказалась на удивление тяжелой. Диарборн поднял бровь, но ничего не сказал, и Эмма, пошатываясь под ношей, покинула комнату.

* * *

– Куда мы идем? – спросил Кит.

В руках у него был пакет чипсов, пальцы выпачканы маслом и солью. Странный вышел завтрак, но в жизни у него бывали и более странные ситуации. К тому же ветерок с океана сдувал волосы со лба, они с Таем брели по пляжу в золотой дымке песка и солнца. Несмотря ни на что, настроение у него было приподнятое.

– Помнишь ту пещеру? – Тай указал в даль. – Мы сидели там, когда видели, как Зара разговаривает с Мануэлем.

– Ага, – Кит чуть не добавил «мы еще были с Ливви», но ведь и так ясно, что Тай имеет в виду, когда говорит «мы».

Для него это слово всегда будет означать и сестру. Тень воспоминаний омрачила его настроение. Кит хорошо помнил и ту ночь, и смех Ливви, и Тая с морской звездой... От влажности его прямые волосы завились, в глазах отражалось лунное серебро. Он улыбался тогда настоящей, искренней улыбкой. Киту было уютно с ними двумя, как никогда и ни с кем прежде.

– Стой... почему мы идем туда?

Они оказались в безлюдной части пляжа, где гранитные пальцы скал тянулись далеко в море. Волны били о камень, поднимался серебристо-белый туман.

Тай полез в пакет за чипсами и коснулся руки Кита.

– Потому что нам нужна помощь... для некромантии. Мы не можем все сделать сами.

– Умоляю, скажи, что нам не понадобится помощь армии мертвецов. Ненавижу армии мертвецов.

– Нет, армия не понадобится. Только Гипатия Векс.

Кит едва не уронил чипсы.

– Гипатия Векс? Колдунья с Лондонского базара?

– Ага, – кивнул Тай. – Не отставай, Ватсон.

– «Не отставай»? Откуда мне было знать, что ты с ней связался! Мы ей не слишком-то понравились в тот раз.

– А это важно?

– Хороший вопрос! – Кит встал, зарывшись кроссовками в песок. – Мы вообще-то пришли.

В скале перед ними зияла черная дыра. Тай тоже остановился и сунул руку в карман своего худи.

– У меня для тебя кое-что есть.

Кит скатал пустой пакет и сунул его за камень.

– Да ну?

Тай вытащил небольшой белый камешек размером с мячик для гольфа. На нем была вырезана руна.

– Твой рунокамень колдовского света. У каждого Охотника такой есть.

Он взял Кита за руку – вряд ли понимая, что делает, – и вложил в нее камень. У Кита в груди что-то встрепенулось и забило крыльями, удивив его самого. Ничего подобного он раньше не чувствовал.

– Спасибо, – сказал он. – А как заставить его работать?

– Держи в кулаке и думай о свете, – ответил Тай. – Представь, будто включаешь свет – кнопкой. Так, по крайней мере, мне говорил Джулиан. Давай... я тебе покажу.

Кит неловко сжал рукой камень и двинулся по тропинке ко входу в пещеру. Пара шагов внутрь, и тьма окутала их, словно бархатом, заглушив звук волн снаружи. Кит даже Тая рядом едва видел – он было словно тень тени.

«Как будто включаю свет», – подумал он и сжал камень.

Тот слегка запульсировал в ладони, и из него полился свет, осветив знакомый каменный коридор – такой же, как раньше, грубо вытесанный, весь в паутине. Он был очень похож на подземные тоннели из фильма про Индиану Джонса.

Ну, сейчас они хотя бы знают, куда идут. Свернув за угол, мальчики оказались в огромной каменной пещере с гранитными стенами, по которым змеились черные полосы – когда-то, давным-давно, здесь произошел разлом породы. В пещере пахло чем-то сладким – возможно, это был дым от свечей на деревянном столе, стоявшем в самом центре. Фигура в черной мантии с капюшоном сидела там, где в прошлый раз они видели Зару. Лицо ее было скрыто в глубокой тени.

– Гипатия? – Тай шагнул вперед.

Фигура предостерегающе подняла палец – молчать! Кит и Тай дождались, когда руки в перчатках откинут капюшон.

– Гм, – Тай облизнул внезапно пересохшие губы. – Ты не Гипатия, – он повернулся к Киту. – Это не она!

– Не она, – согласился Кит. – Это какой-то зеленый парень с рогами.

– Верно, – отозвался тот. – Я не Гипатия, но меня послала она. Мы уже встречались раньше – все трое. На Лондонском Сумеречном базаре.

Кит вспомнил быстро движущиеся зеленые руки. Надо же, никогда не думал, что меня почтит визитом Потерянный Эрондейл, подумал он.

– Тень, – сказал он.

Колдун был приятно удивлен.

– Это не мое настоящее имя, но тоже сойдет.

Тай покачал головой.

– Я хочу говорить с Гипатией, – заявил он. – Не с тобой.

Тень откинулся на спинку стула.

– Большинство магов даже близко к некромантии не подойдут, – спокойно сказал он. – И Гипатия здесь не исключение. Она еще поумнее других. В будущем она хочет сама править Сумеречным базаром и рисковать не станет.

У Тая словно трещина по лицу прошла, как у старой статуи: с одной стороны одно выражение, с другой – другое.

– Я вообще-то ничего не говорил про некромантию.

– Твоя сестра-близнец мертва, – сказал Тень. – И у тебя какое-то дело. Настолько неотложное, что ты связался с чародеем. Не нужно быть гением, чтобы понять, чего ты хочешь.

Кит положил руку на плечо Тая.

– Мы не обязаны оставаться здесь, – сказал он. – Мы можем просто уйти...

– Нет, – прервал его Тень. – Если действительно хотите получить помощь, выслушайте меня, маленькие Охотники. Я все понимаю. Горе нередко сводит людей с ума. И ты ищешь способ остановить это.

– Да, – сказал Тай. – Я хочу вернуть сестру. И я ее верну.

Темные глаза Тени посуровели.

– Ты собираешься поднять мертвого. Знаешь, сколько вас таких? Это плохой план, лучше откажись от него. Я могу помочь тебе в чем-нибудь другом. Никогда не хотел двигать предметы силой мысли?

– О, – вмешался Кит. – Точно. Здорово звучит, а?

Что угодно, только не это.

– У меня есть Черная книга мертвых, – объявил Тай. – Ну, вернее, у меня есть копия.

Он не заметил изумления, промелькнувшего на лице Тени – зато его заметил Кит. И его гордость Таем резко скакнула вверх, но вместе с ней усилились и предчувствия... дурные предчувствия.

– Что ж, – произнес Тень. – Это лучше, чем оригинал.

Как странно, подумал Кит.

– Так что помощь нам нужна не с заклинаниями, – продолжал Тай. – А со сбором ингредиентов. Кое-что достать нетрудно, но Сумеречных охотников на базарах не жалуют, так что если бы ты мог сходить туда вместо за нас, я дал бы тебе денег... Ну, или в Институте куча ценного оружия...

– Я и сам думал когда-нибудь его продать, – обрадовался Кит.

Тень поднял руки в перчатках.

– Нет, – сказал он. – Хорошо, я вам помогу, но это будет небыстро. И нелегко.

– Здорово, – сказал Тай, а Кит как-то сразу насторожился.

– А почему? – подозрительно спросил он. – Зачем ты станешь нам помогать? Ты же не одобряешь...

– Не одобряю, – кивнул Тень. – Но если этого не сделаю я, это сделает какой-нибудь другой колдун, не такой принципиальный. Я хотя бы могу присмотреть, чтобы вы все сделали как можно чище. Могу показать, как правильно наводить эти чары. И могу указать катализатор – чистый источник энергии, который не исказит и не испортит то, что вы сделаете.

– Но на Сумеречный базар ты вместо нас не пойдешь? – уточнил Кит.

– Заклинание подействует, только если заклинатель сам соберет все ингредиенты, – сказал Тень. – А заклинать будешь ты, пусть и под моим руководством. Так что если есть что-то между вами и народом с Базара – а я некоторые вещи и сам видел, и дело это личное, – сначала разберитесь с этим. Ты мальчик умный, сам сообразишь. Когда соберете все необходимое, возвращайтесь ко мне. Я буду здесь, в пещере, столько, сколько вам понадобится на это безумное дело. Но если решите отказаться, пришлите записку. Я высоко ценю свое личное пространство.

Лицо Тая вспыхнуло от облегчения. Кит мог ясно сказать, что тот думает: вот и первый шаг сделан – первый шаг к тому, чтобы вернуть Ливви. Тень пристально поглядел на него и покачал головой; его белые волосы блеснули в свете свечей.

– Конечно, будет лучше, если ты передумаешь, и я больше тебя никогда не увижу. Это будет лучше для всех. Поразмыслите над этим хорошенько, детки. Некоторым огням изначально не суждено гореть долго.

Он сжал пальцами фитиль самой большой свечи. Свеча погасла. Струйка белого дыма потекла к потолку. Кит снова поглядел на Тая, но не увидел никакой реакции: возможно, тот

даже не слышал последних слов Тени. Зато он улыбался: не сверкающей солнечной улыбкой, по которой Кит так тосковал на пляже, а другой – тихой, тайной.

«Если мы пойдем дальше, я должен нести эту ношу сам, один, – подумал Кит. – Вся вина, все дурные предчувствия пусть достанутся только мне».

И он поскорее отвел глаза, пока Тень не разглядел в них сомнения.

Некоторым огням изначально не суждено гореть долго.

* * *

– Поверить не могу, что центурионы оставили тут такой бардак, – сказала Хелен.

Она годами обещала Алине, что устроит ей полную экскурсию по Институту и покажет все любимые с детства места.

Но не только экскурсия занимала теперь ее разум: центурионы действительно оставили после себя разруху. Полотенца разбросаны, на столах пятна, в холодильнике гниет какая-то древняя еда. А еще ее занимало послание, которое она отправила тете Нене к Благому Двору с оказией. Но в основном она думала о семье.

– На самом деле тебя беспокоят вовсе не эти уроды, – заметила Алина.

Они стояли на смотровой площадке неподалеку от Института. Перед ними расстилалась пустыня, пестревшая зеленью и дикими цветами, а с другой стороны, внизу – океан, синий и сверкающий. На острове Врангеля тоже был океан, холодный и прекрасный, но совсем не дружелюбный. А это было море ее детства, где дни напролет она плескалась в теплых волнах с братьями и сестрами.

– Хелен, ты можешь сказать мне все.

– Они меня ненавидят, – ответила та тихим, жалким голосом.

– Кто тебя ненавидит? Давай я их убью.

– Мои братья и сестра. Но убивать их, пожалуй, не стоит.

Алина очень удивилась.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что они тебя ненавидят?

– Тай меня игнорирует. Дрю огрызается. Тавви презирает за то, что я не Джулиан. Марк... ладно, Марк меня не ненавидит, но его мысли где-то далеко. Я не хочу его в это втягивать.

Алина сложила руки на груди и глубокомысленно уставилась на океан. Среди всего прочего Хелен особенно любила в жене эту ее манеру: если Хелен говорила о проблеме, Алина тут же рассматривала ее со всех возможных сторон, и никогда не отмахивалась.

– Я велела Джулиану сказать детям, что мне было хорошо на острове Врангеля, – объяснила Хелен. – Не хотела, чтобы они за меня беспокоились. А теперь... они, кажется, думают, что я все эти годы беззаботно веселилась, и мне было плевать, что я не с ними. Они даже не догадываются, как сильно я по ним скучала. И как ужасно себя чувствую из-за того, что все эти годы Джулиан тащил всю ответственность в одиночку.

– Дело в том, – сказала Алина, – что они просто не видят в тебе замену Джулиану – человека, который теперь будет о них заботиться. Ливви ушла из их жизни, а ты – пришла, никого не спросив.

– Но ведь и я любила Ливви! Я тоже по ней скучаю...

– Естественно, – мягко возразила Алина, – но они всего лишь дети. Они горюют, потому и брыкаются. Они не понимают, что злятся из-за потери. Просто чувствуют то, что чувствуют, и ничего не могут с этим поделать.

– Я не справлюсь, – Хелен все еще пыталась говорить спокойно, но выходило у нее не очень хорошо.

Она надеялась, что грохот волн скроет напряжение в голосе, но Алина слишком хорошо ее знала – она всегда чувствовала, когда Хелен была расстроена, даже когда та изо всех сил старалась этого не показывать.

– Это слишком тяжело.

– Детка, – Алина придвинулась ближе, обвила Хелен руками, прижалась губами к ее губам. – Ты сможешь. Мы сможем абсолютно все.

Хелен обмякла в объятиях жены. Когда они впервые встретились, она думала, что новая знакомая гораздо выше нее, а потом догадалась, что все дело в осанке: Алина всегда держалась прямо, как стрела. И Консул, ее мать, – тоже. С точно такой же гордостью. Не то чтобы они были надменны, но это слово было на один оттенок выше простой «уверенности в себе». Она помнила первую любовную записку, которую написала ей Алина: «Мир изменился, ибо ты сделана из золота и слоновой кости. Изгиб твоих уст перепишет историю». Потом она узнала, что это цитата из Оскара Уайльда, и, смеясь, сказала Алине: «Да, присутствия духа тебе не занимать». Алина ответила ей твердым взглядом. «Да, – сказала она, – это так».

Стойкости им обоим было не занимать, и это очень упрощало им жизнь. Но в нынешней ситуации нужно было не только присутствие духа, а еще и терпение. Хелен ожидала, что младшие полюбят ее, она нуждалась в этом, но теперь поняла – ей придется первой доказать им свою любовь.

– С другой стороны их гнев означает и кое-что хорошее, – заметила Алина. – Они знают: ты будешь их любить, несмотря ни на что. В конце концов им надоест тебя проверять.

– А нельзя ли как-то ускорить это «в конце концов»?

– Попробуй заменить на «когда-нибудь». Так лучше?

– Не особенно, – но Хелен все-таки усмехнулась.

– Ну, попытаться все равно стоило, – Алина ласково погладила ее по плечу.

* * *

Вокруг дома уже успели выставить больше дюжины охранников. День был солнечный, и мечи ярко сверкали, как и вода в канале.

Дейн Ларкспир вальяжно прислонился к дверному косяку. Его лицо, похожее на морду гончей, казалось бледным в окружении черных волос. Эмме он подмигнул. Джулиан, не глядя на него, потянулся за стилем.

– Рад встрече.

– Не могу сказать того же, – ответила Эмма. – Где твой злой близнец? И это именно то, что я и хотела сказать. Она твой близнец и она злюка.

– Да понял я, понял, – Дейн закатил глаза. – Саманта в Схоломанте. А у вас гости.

Эмма напряглась.

– Что, в доме? А стража не должна задерживать посторонних?

– Я вас умоляю, – Дейн захихикал. – Задача стражи – не выпускать оттуда вас.

Джулиан начертал на двери отпирающую руну и бросил на него мрачный взгляд.

– Пятнадцать против двоих?

– Просто чтобы показать вам, кто здесь главный, – ухмылка Дейна стала еще шире. – Расклад сил теперь в нашу пользу. И не могу сказать, что мне это не нравится.

– Ну, еще бы, – Джулиан прошел в дом, не удостоив его больше взглядом.

– Это на тот случай, если ситуация до сих пор казалась нам недостаточно паршивой, – прокомментировала Эмма, следуя за ним.

Ей очень не понравилось, как Дейн произнес слово «гости». На всякий случай она была настороже. Дверь за собой она закрыла медленно, держа руку на рукояти кинжала.

Джулиан окликнул ее из глубины дома.

– Иди на кухню, – сказал он. – Все в порядке.

Обычно она доверяла Джулиану больше, чем себе, но теперь все было иначе. Эмма осторожно двинулась в сторону кухни и убрала руку с рукояти, только когда увидела Изабель, которая сидела на столе, скрестив длинные ноги. На ней было короткое бархатное пальто и длинная тюлевая юбка. На запястьях и лодыжках посверкивало серебро.

Саймон сидел на стуле – локти на столе, темные очки на лбу.

– Решил, что вы не будете против, – объяснил он. – Стража наспустила.

– Ничуть, – Джулиан прислонился к стойке. – Просто удивляюсь, что они разрешили вам войти.

– Мы их дружески убедили, – улыбнулась Изабель (улыбка состояла в основном из зубов). – Не вся власть здесь принадлежит Когорте. Пока. У нас еще остались знакомые на высоких постах, и их немало.

– Где вы пропадали? – спросил Саймон. – Стража нам ничего не сказала.

– С нами хотел побеседовать Инквизитор.

– Диарборн? – Саймон нахмурился. – Хочешь сказать, он хотел вас допросить?

– Ну, не совсем, – Эмма сняла куртку и повесила на спинку стула. – Он хотел, чтобы мы кое-что для него сделали. А вам что тут понадобилось?

Изабель и Саймон переглянулись.

– Мы принесли плохие новости.

Эмма прищурилась. Изабель выглядела усталой, Саймон – напряженным, но это было в порядке вещей. Она и сама наверняка не лучше.

– Мои братья и сестры... – начал Джулиан таким неестественным голосом, что Эмма посмотрела на него, сразу вспомнив, что он сказал по поводу костра: *просто рефлекс... потребность защитить... ни единой осознанной мысли в этом не было.*

– Нет, ничего подобного, – сказал Саймон. – Джейс и Клэри не вернулись в назначенное время.

Эмма упала на стул напротив, на время потеряв дар речи.

– А вот это уже интересно, – заметил Джулиан. – Что, по-вашему, произошло?

Саймон странно на него посмотрел. Изабель пихнула его коленом и пробормотала что-то о том, что у Джулиана только что сестра погибла, и он, наверное, до сих пор в шоке.

– Возможно, они просто опоздали, потому что в стране фэйри время течет по-другому, – предположила Эмма. – Или у них есть один из этих медальонов?

– Магия времени в стране фэйри на них не влияет, потому что в обоих течет ангельская кровь, – сказала Изабель. – Именно поэтому Конклав их и отправил. И руны у них тоже работают – даже в оскверненных землях, – тут она нахмурилась. – Стоп. Какие медальоны?

– Ох, – Эмма поспешно переглянулась с Джулианом. – У Конклава есть медальоны, предотвращающие утечку времени в стране фэйри. Диарборн дал нам один такой.

* * *

Изабель и Саймон в свою очередь изумленно переглянулись.

– Чего? И зачем он вам его дал?

– Услуга, которая понадобилась от нас Диарборну, – сказал Джулиан, – связана с путешествием в страну фэйри.

Саймон выпрямился и сжал зубы. Челюсть у него стала квадратной, и Эмма сразу вспомнила, что он – не только обладающий приятными манерами жених Изабель Лайтвуд. Саймон – герой, не побоявшийся противостоять самому ангелу Разиэлю. Мало кто кроме Клэри мог о себе такое сказать.

– Что-что он сделал?

– Я объясню, – продолжил Джулиан и действительно объяснил, сухо, лаконично и без лишних эмоций.

Тем не менее к концу рассказа оба, и Изабель, и Саймон были вне себя от ярости.

– Да как он смеет! – взвился Саймон. – Как он только мог подумать, что...

– Он теперь Инквизитор. И все равно скоро узнает, что Клэри и Джейс не вернулись, – перебила его Изабель. – Конклав в курсе, как это опасно, особенно сейчас. Почему же он вас послал?

– Потому что Аннабель сбежала в страну фэйри, а он считает, что Аннабель – это наша проблема, – сказала Эмма.

– Это нелепо, вы же просто дети, – сказал Саймон.

Изабель снова его пнула.

– Мы сделали достаточно, когда сами были детьми.

– Потому что нам пришлось! – возразил он. – У нас не было выбора.

Он снова повернулся к Эмме и Джулиану:

– Мы можем вас отсюда вывезти. Можем спрятать.

– Нет, – коротко ответил Джулиан.

– Он хочет сказать, что у нас тоже нет выбора, – объяснила Эмма. – Слишком высока вероятность, что Черную книгу используют – либо сама Аннабель, либо Неблагодой Король – и последствия будут ужасны. Даже говорить не хочу, кто может при этом пострадать. А наши шансы отыскать книгу больше, чем у остальных. Никто другой не имел дела с Аннабель так близко и так долго. В определенном смысле Джулиан знает ее лучше, чем кто бы то ни было.

– К тому же мы можем поискать Джейса и Клэри, – заметил Джулиан. – Не похоже, чтобы Гораций еще кого-нибудь отправил за ними.

Изабель нахмурилась.

– Потому что он гад?

– Потому, что ему не нравится, какой поддержкой они пользуются и как люди уважают их, Алека и вас, – ответил Джулиан. – Чем дольше их здесь нет, тем лучше для него. Он хочет забрать всю власть в свои руки, и возвращение героев ему совершенно не нужно. Уверен, Джиа постарается что-нибудь сделать, но облегчать ей задачу он не станет. А вот вставлять ей все время палки в колеса он запросто может.

Джулиан стоял бледный, его глаза были синими, как морское стекло в браслете. Может ее парабатай сам ничего и не чувствовал, подумала Эмма, но чувства других все еще очень хорошо понимал. Фактически, он пустил в ход единственный аргумент, против которого Саймон и Изабель не станут щетиниться: безопасность Джейса и Клэри.

Саймон все-таки попытался.

– Мы и сами могли бы что-нибудь придумать, – сказал он. – Как-то их отыскать. Предложение спрятать остается в силе.

– Если я исчезну, они обратят это против моей семьи, – возразил Джулиан. – Не забывайте: это новый Конклав.

– Или то, что всегда скрывалось под маской старого, – вставила Эмма. – Можете пообещать, что никому не скажете о нашем отбытии в страну фэйри – даже Джиа? Никому нельзя говорить. Если Джиа выступит против Горация, он выдаст ей нашу тайну.

У Саймона и Изабель был расстроенный вид, но они пообещали.

– Когда вы отправляетесь? – спросила Изабель.

– Скоро, – ответил Джулиан. – Мы пришли только чтобы собрать вещи.

Саймон вполголоса выругался. Изабель покачала головой, потом нагнулась и сняла с тонкой лодыжки цепочку.

– Это благословенное железо, – она протянула ее Эмме. – Ядовитое для фэйри. Надень и сможешь отвесить им знатного пинка.

– Спасибо, – Эмма взяла и дважды обернула цепочку вокруг запястья.

– Черт, а у меня хоть какое-нибудь железо есть? – задумался Саймон, потом хлопнул себя по лбу, полез в карман и достал крошечную фигурку лучника. – Это мой персонаж из «Подземелий и драконов», лорд Монтгомери.

– О боже, – вздохнула Изабель.

– Они обычно оловянные, но этот из железа. Добыл его на Кикстартере, – Саймон отдал фигурку Джулиану. – Возьми. Вдруг пригодится.

– Я и половины не понял из того, что ты сейчас сказал, но все равно спасибо, – с этими словами Джулиан положил игрушку в карман.

Наступило неловкое молчание. Нарушила его Изабель.

– Я благодарю вас, – сказала она, мрачно поглядев на Джулиана, потом на Эмму и снова на Джулиана. – Вас обоих. Это на самом деле ужасно смело – то, что вы делаете.

Она набрала воздуха в грудь.

– Когда найдете Клэри и Джейса... а вы их точно найдете... Скажите Джейсу про Роберта. Он должен знать, что случилось с его семьей.

7

Среди растений из камней

Стояла ясная калифорнийская ночь. Из пустыни дул теплый ветер; яркая луна висела высоко в небе. Кристина выскользнула из задней двери Института и вдруг остановилась на верхней ступеньке лестницы.

Вечер выдался странный. Хелен и Алина приготовили спагетти и оставили кастрюлю на плите, чтобы любой желающий мог угоститься самостоятельно. Кристина поужинала в компании Кита и Тая – оба держались как-то отстраненно и подозрительно блестя глазами, явно сидели по уши в своем собственном мире. Потом явилась Дрю с двумя грязными тарелками и поставила их в раковину.

– Я ужинала с Тавви у него в комнате, – сказала она, и Кристина, чувствуя себя очень неловко, пробормотала что-то о том, как хорошо, что они поели.

Марк вообще не показывался.

Кристина ждала до полуночи, потом надела платье и джинсовую куртку и пошла его искать. Было так странно получить обратно свою одежду... комнату с *arbol de vida*... даже свои простыни и одеяла. Не совсем похоже на возвращение домой, но довольно близко.

Итак, она остановилась на вершине лестницы. Вдалеке качались и грохотали волны. Когда-то она уже стояла тут и смотрела, как целуются Кьеран и Марк, и первый обнимал второго так, словно тот был для него всем в этом мире.

Кажется, это было так давно...

Она пошла по ступенькам вниз; ветер подхватил подол ее бледно-желтого платья, раздул распустившимся цветком. «Парковка» представляла собой прямоугольник утоптанного песка, где коротал свои дни институтский автомобиль, – хорошо, что центурионы его не подожгли. Вдалеке виднелись изваяния греческих и римских философов и драматургов, бледно светящиеся в свете звезд, – их поставил тут Артур Блэкторн. Посреди неопрятных кустов на Малибу-хиллс они выглядели довольно странно.

– Леди роз, – раздалось сзади.

«Кьеран!» – пронеслось у нее в голове. Кристина резко обернулась, и, конечно, это был вовсе не Кьеран, а Марк – взлохмаченная светлая шевелюра, синие джинсы и фланелевая рубашка... застегнутая слегка не на те пуговицы. От его удивительного сходства с Марком Крестину бросило в краску – отчасти оттого, что он был так близко, отчасти потому, что на мгновение она... приняла его за другого.

Никто кроме Кьерана не звал ее Леди роз.

– Не могу выносить все ваше железо, – голос Марка звучал очень устало. – И эти ваши закрытые пространства. Я так по тебе скучал. Пойдешь со мной в пустыню?

Она помнила их последнюю прогулку туда и то, что он тогда сказал, коснувшись ее лица: «Ты – плод моего воображения? Я только подумал о тебе, и вот ты здесь».

Фэйри не лгут, но Марк это умел, и именно его мучительная честность так поразила ее сердце.

– Конечно, пойду.

Он улыбнулся, и его лицо будто озарилось изнутри. Вместе они пошли через парковку и двинулись по едва заметной тропинке среди разросшихся кустов и камней, окруженных папоротником.

– Я все время тут гулял, когда был моложе, – сказал он. – Еще до Темной войны. Приходил сюда подумать о своих проблемах.

– Это о каких же проблемах? – поддразнила она. – Романтического свойства?

Марк расхохотался.

– Я тогда по-настоящему ни с кем не встречался. С Ванессой Эшдаун, может быть, с неделю, но... она была не слишком милой. Потом я влюбился в мальчика из Конклава, но после Темной войны его семья вернулась в Идрис. Сейчас я даже имени его не вспомню.

– Ох, – посочувствовала Кристина. – Смотришь теперь на мальчишек в Идрисе и думаешь: «А вдруг это он»?

– Ему сейчас лет двадцать, – возразил Марк. – Насколько мне известно, он женат, и у него дюжина детишек.

– Это в двадцать-то? – не поверила Кристина. – Тогда он должен был делать по комплекту тройняшек последние четыре года.

– Хватило бы и два раза по шесть, – парировал Марк. – Так тоже бывает.

Теперь они уже оба тихо хихикали, как люди, которым нравится быть в обществе друг друга. Я скучал по тебе, сказал он... На краткий миг Кристина позволила себе выкинуть прошлое из головы и побыть счастливой: здесь, с ним, в этой красивой ночи... Ей всегда нравились лаконичность и нагота пустыни: мерцающие заросли полыни и колючего кустарника, громадная тень дальних гор, запах сосен и ладанного кедра, золото песка, превращенное луной в серебро. Они вышли на плоскую вершину обрывистого холма: земля резко исчезала из-под ног, невдалеке раскинулся океан, утекая за горизонт сонным зеркалом черного серебра, чуть рябым от ветра.

– Одно из моих любимых мест, – Марк сел на песок и откинулся, опираясь на руки. – Институт и шоссе отсюда не видно, как будто весь мир отступает. Только ты и пустыня.

Кристина села рядом. Песок еще хранил дневное тепло. Она с наслаждением зарылась в него пальцами ног, радуясь, что догадалась надеть сандалии.

– Стало быть, сюда ты ходил думать?

Марк не ответил – кажется, собственные руки сейчас интересовали его больше всего: все в шрамах, огрубевшие, как у любого Охотника; на правой резко выделялась руна Видения.

– Это вполне нормально, – сказала она. – Нормально не выносить железо и замкнутые пространства, и запертые комнаты, или вид океана, или что угодно еще. Твоя сестра только что умерла. Ничто из того, что ты чувствуешь, не может быть неправильно.

Он прерывисто вздохнул.

– А если я тебе скажу, что оплакиваю сестру... но еще пять лет назад я решил, что она мертва. Что все мои родные мертвы... И что я в некотором смысле уже отгоревал по ней – тогда. Что мое горе – иное, чем у остальной семьи, и потому я не в состоянии с ними о нем говорить. Я потерял ее и нашел, а потом снова потерял. Как будто ее возвращение было кратким сном.

– Наверное, и правда проще воспринимать это так, – сказала Кристина. – Когда я потеряла Хайме... хотя это совсем не то же самое – когда он пропал и наша дружба кончилась, я горевала по нему, несмотря на весь гнев, а потом начала думать... может он правда мне приснился. Никто больше не говорил о нем, и я подумала, может, его и не было никогда.

Она подобрала ноги, обняла колени.

– А потом я пришла сюда, и тут его вообще никто не знал... и он как будто совсем перестал существовать.

Марк смотрел на нее, серебряный и белый в лунном свете, и такой красивый, что сердце у нее дало трещину – пусть и совсем маленькую.

– Он был твоим лучшим другом...

– Он должен был стать моим парабатаем.

– Тогда ты не просто потеряла его. Ты потеряла ту Кристину. У которой был парабатай.

– А ты – того Марка. Который был братом Ливии.

Он криво улыбнулся.

– Ты очень мудра, Кристина.

От чувства, которое шевельнулось внутри при этой улыбке, она напряглась.

- Нет, на самом деле я очень глупа.
- И еще Диего, – его взгляд стал острее. – Ты и его тоже потеряла.
- Да, – ответила она. – И ведь я его любила – он был моей первой любовью.
- Но сейчас ты его не любишь? – его глаза потемнели, из лазурно-золотых стали черными.
- А то сам не знаешь.

Марк протянул руку: ее волосы были распущены по плечам, он взял одну прядь, накрутил на палец – таким невозможно мягким жестом.

– Мне нужно было знать, – сказал он, помолчав. – Значит, я могу поцеловать тебя, и это будет о'кей.

Она лишилась дара речи и поэтому просто кивнула. Его пальцы переплелись с ее волосами; он поднял пригоршню кудрей к лицу, зарылся в них, поцеловал.

– Моя Леди роз, – прошептал он. – Твои волосы – как черные розы. Я так давно желаю тебя.

Тогда желай. Поцелуй меня. Все, *Марк, все, что хочешь.*

Все мысли растаяли, когда он приник к ней. И когда ее губы шепнули в его открытый рот, слова прозвучали на испанском:

– *Besame*, Марк!

Они упали назад, в песок, сплетясь телами. Его губы были такими теплыми... а потом горячими, и нежность ушла, уступив место свирепому натиску. Это было так изумительно похоже на падение... Он подмял ее под себя; песок принял ее как колыбель; ее руки стремились прикоснуться к нему, почувствовать его, узнать волосы, изгиб спины, крылья лопаток...

Он был гораздо более осязаемым, чем в тот раз, когда впервые ступил на порог Института. Тогда его буквально ветром сдувало. Теперь он набрал вес, нарастил мускулы – она наслаждалась его плотностью, телесностью, длинными мышцами вдоль позвоночника, широкой плеч. Она забралась ему под рубашку, туда, где кожа была гладка и дышала жаром, и Марк ахнул.

– *Te adoro*, – прошептал он, и она невольно хихикнула.

– Где ты этому научился?

– Специально в словаре посмотрел, – он покрывал поцелуями ее скулы, щеки, шею. – Это правда. Я обожаю тебя, Кристина Мендоса Розалес, дочь гор и роз.

– И я тебя, – выдохнула она. – Несмотря на то, что произношение у тебя жуткое, я обожаю тебя, Марк Блэкторн, сын терний.

Она погладила его по лицу и засмеялась.

– Не такой уж ты и колючий.

– Хочешь, отращу бороду? – поддразнил Марк, потерся щеками об ее щеки, и она снова засмеялась и сказала, что у него рубашка неправильно застегнута.

– Это мы быстро поправим, – заверил он и стянул ее через голову.

Судя по звуку, несколько пуговиц отскочило... хорошо бы, это была не его любимая рубашка. Какая у него чудесная кожа... столько шрамов. Глаза у него снова потемнели, стали цвета глубин океана, такого золотого и синего сверху.

– Мне нравится, как ты на меня смотришь, – сказал он.

Хихикать оба уже перестали. Кристина провела ладонями по его груди, по животу, до ремня джинсов: Марк прикрыл глаза. Его собственные руки уже занимались пуговицами, бежавшими сверху донизу вдоль ее платья, – расстегивали их одну за другой, от горловины до подола, и вот расстегнули, и она лежала на разостланной ткани только в бра и трусиках.

Она думала было смутиться – она всегда смущалась при Диего, но Марк глядел на нее как зачарованный, как будто только что развернул подарок на Рождество и обнаружил, что получил именно то, о чем всегда мечтал.

– Можно?

И когда она сказала «да», он прерывисто выдохнул и медленно опустился на нее, целуя в губы, и ноги ее обвилились вокруг его бедер, и ветер на голой коже был, как шелк.

Дорожка поцелуев побежала вниз по ее шее; он целовал ее там, где до него целовал ветер – живот, грудь, бедра. К тому времени, как маршрут привел его обратно к губам, она уже вся дрожала. «Я хочу дотронуться до него, я должна», – смутно пронеслось у нее в голове... Ее рука проскользнула вдоль его торса и дальше, под ремень. Он резко втянул воздух и между поцелуями прошептал, чтобы она не останавливалась. Его тело повторяло ритм ее руки, его бедра все крепче толкались в ее, пока он не отстранился рывком, не сел, дыша отрывисто и хрипло.

– Придется остановиться, а не то все кончится уже сейчас, – в его словах было гораздо больше от человека, чем от фэйри.

– Ты же сам сказал не останавливаться, – с улыбкой напомнила Кристина.

– Что, правда? – удивился Марк. – Я хочу, чтобы и тебе было хорошо. Не знаю, что вы с Диего...

– Ничего, – перебила она. – Я девственница.

– Да ну? – кажется, эта новость его потрясла.

– Тогда я была не готова, – пожалала плечами Кристина. – А сейчас – да.

– Я думал... вы так долго встречались...

– Не все отношения обязательно про секс, – возразила она.

Хотя когда лежишь полуголая на холме под луной, это, наверное, звучит не слишком убедительно?

– Людям стоило бы заниматься сексом, только когда они действительно этого хотят. Я хочу – с тобой.

– А я – с тобой, – его взгляд сделался мягче. – У тебя есть руна?

Черт, руна.

Противозачаточный знак. Кристина никогда в жизни ее не наносила. Ей даже в голову не приходило, что она вот так – раз! и понадобится.

– Ой, нет, – сказала она. – Мое стило дома, в Институте.

– И мое там же.

Кристина чуть снова не захихикала – такое разочарованное у Марка было лицо, хотя сама чувствовала то же самое.

– Однако, – просиял он, – я могу сделать для тебя многое другое. Позволишь?

Кристина вжалась в песок, думая, что вот прямо сейчас умрет от смущения.

– Позволю, – тем не менее, сказала она.

Он вернулся в ее объятия, и они обнимались и целовались всю ночь, и он доказал ей, что действительно знает, как сделать хорошо – настолько хорошо, что она дрожала в его руках, и впивалась в его плечо, чтобы заглушить крики. И она сделала то же самое для него, и на сей раз никто не просил ее остановиться – он напротив, выгибал спину дугой и кричал в небо ее имя, а потом шептал, что обожает ее и с ней чувствует себя целым.

Когда заря окрасила восток в цвет роз, и пальцы света коснулись их ложа на вершине холма, они решили, что пора возвращаться. Они спустились по тропинке и расцепили руки, только когда подошли к задней двери Института. Марк толкнул ее, дверь не поддавалась, и тогда он вытащил стило и наскоро нацарапал на дереве открывающую руну.

Дверь открылась, он придержал ее для Кристины, та проскользнула мимо него в коридор. Песок пристал к ее телу, волосы растрепались. Марк выглядел не лучше, особенно учитывая, что большая часть пуговиц на его рубашке отсутствовала.

– Завтра ночью... – он улыбнулся ей с нежностью, от которой таяло сердце.

– У тебя было стило, – сказала она.

– Что? – моргнул он.

– У тебя было стило. Когда мне понадобилась противозачаточная руна, ты сказал, что не взял его. А сейчас открыл им дверь.

Он отвел взгляд, и всякая надежда, что он просто забыл или ошибся, растаяла.

– Кристина, я...

– Не понимаю, зачем тебе понадобилось мне лгать.

Она отвернулась и побежала по лестнице, которая вела наверх, к ее комнате. Секунду назад ее тело гудело от счастья; теперь у нее кружилась голова, одежда липла к коже, хотелось немедленно в душ. Марк звал ее по имени, но она даже не обернулась.

* * *

Диего спал. Ему снился бассейн с голубой водой, в котором плавала мертвая женщина. Так что когда его разбудил внезапно прилетевший ботинок, он не слишком расстроился.

Диего сел и машинально протянул руку за прислоненным к кровати топором. Следующими его навели скатанные в мяч носки – это было уже не столько больно, сколько досадно.

– Ч-что? Что происходит?

– Вставай, – сказала Дивья. – Ради Ангела, ты храпишь, как подвесной мотор! Быстро одевайся.

– Зачем? – задал Диего очень обоснованный вопрос.

– Они взяли Кьерана.

– Кто взял Кьерана? – Диего уже был на ногах, хватая свитер и запрыгивая в носки и ботинки.

– Когорта.

Дивья и сама выглядела так, будто только что проснулась. Густые черные волосы взлохмачены, форма не застегнута.

– Они ворвались ко мне в комнату и схватили его. Мы попытались его отбить, но их было слишком много.

У Диего чуть тахикардия не началась. Кьеран ведь был под его защитой! Если фэйри пострадает, значит, Диего снова оказался несостоятелен – и не только в глазах Кристины, но и в своих собственных. Он взялся за топор.

– Диего, стоп! – скомандовала Дивья. – Ты не можешь зарубить Мануэля до смерти, он все еще студент.

– Отлично, возьму клинок покороче.

Диего лягнул топором об стену и схватил кинжал.

– Куда они его повели?

– В Место отражений, так они сказали. Райан следит за ними. Пошли.

Диего вытряхнул из головы последние паутинки сна и поспешил за Дивьей. Они мчались по коридорам, выглядывая Райана.

– Место отражений... – звучит не так уж плохо, а? Это же типа комната для спокойной медитации или...

– Нет. Ты не понимаешь. Оно называется Местом отражений, потому что там есть зеркальный водоем, но это не обычный водоем. Кое-кто зовет его Пустым местом. А еще Бездной.

Ох ты... Про Пустое место Диего знал. Это была тайная комната с бассейном, полным зачарованной воды. Когда смотришь в нее, видишь свою собственную душу и все зло, которое ты когда-либо причинил, намеренно или нет.

– Это ужасно для любого, – сказала Дивья. – А для того, кто когда-то был в Дикой Охоте... это может означать смерть.

– Что?!

Они свернули за угол и едва не налетели на Райана, который стоял посреди длинного коридора с мрачным видом и огромным мечом за спиной.

– Они только что ушли в Пустое место, – сказал он. – Я не смог пойти за ними, у меня нет с собой стила. А у вас?

– У меня есть, – бросил на ходу Диего, и они втроем ринулись через небольшой холл с полом, снижающимся к ряду запертых дверей. Из-за них доносилось громкое хихиканье.

Диего быстро нарисовал руну, дверь распахнулась в облаке ржавчины, и они ворвались внутрь.

Пустое место оказалось пустым просторным залом с гранитным полом. Стены – необработанная порода с проблесками слюды. Посреди зала – выложенный плиткой бассейн с водой такой чистой и прозрачной, что она отражала все, будто зеркало. На полу виднелись золотые буквы: «И разверз Бог ямину, и потекла из нее вода»⁴.

– О, хвала Ангелу, – протянул Мануэль, прислонившийся к противоположной стене с видом полнейшего безразличия. – Поглядите-ка кто пришел нас всех спасти.

Зара захихикала. Вокруг нее стояло еще несколько человек из Когорты, среди которых Диего узнал студентов Схоломанта и их родственников. Мэллори Бриджсток, Майло Колридж. Ануш Джоши, кузен Дивьи. И еще несколько центурионов – Тимоти Рокфорд, Саманта Ларкспир и Джессика Босежур довольно усмехались, пока Ануш тащил Кьерана к бассейну: тот рвался и бился, его лицо и рубашка были в крови.

– Справедливое наказание для принца, вы не находите? – сказала Зара. – Если заглянуть в бассейн, а еще лучше поплавать в нем, почувствуешь боль, которую причинил другим. Если он ни в чем не виновен, с ним ничего не будет.

– Среди нас невинных нет, – отрезал Райан. – Бассейном пользуются, чтобы студенты могли открыть правду о самих себе, а не как орудием пытки.

– Интересное мнение, Райан, – отозвался Мануэль. – Спасибо, что поделился им. Что-то я не вижу Гладстона, который с криками рвется нас остановить. А ты? Или ты хочешь сам попасть в неприятности за укрывательство беженца-фэйри?

– Любопытно, что ты столько знаешь о Кьеране, – вмешалась Дивья. – Поневоле закрадывается мысль, что ты о нем знал, но не донес начальству, чтобы пытаться и убить самому, разве нет?

Чистая правда, подумал Диего, но Кьерану от этого ни жарко, ни холодно – вон он плюется собственной кровью.

«Я же клялся, что смогу его защитить». Диего потянулся за топором, но понял, что топора нет. Зара прищурилась, он обернулся: Дивья выхватила из ножен меч Райана и повернулась к Когорте.

– Довольно, – сказала она. – Прекратите. И особенно мне стыдно за тебя, Ануш, – она метнула на кузена мрачный взгляд. – Уж ты-то знаешь, как это бывает, когда с тобой обращаются несправедливо. Когда твоя мать узнает...

Ануш отпустил Кьерана, от души при этом толкнув. Тот упал на край бассейна, вскрикнул от боли. «Отодвинься от воды, скорее!» – подумал Диего. Но Кьеран был ранен: он так и стоял на коленях, хватал ртом воздух, оглушенный, возможно, не совсем в сознании.

– Мы просто развлекаемся, – запротестовал Ануш.

– И что ты теперь собираешься делать, Дивья? Напасть на нас? – спросила Саманта. – Просто чтобы немного поразвлечься.

– Он в крови! – рявкнул Диего. – Это вам не «поразвлечься». Что будет, если вы его убьете? Вы действительно хотите разбираться с последствиями? Он сын Неблагого Короля!

В Когорте недовольно зашептались: об этом явно никто не подумал.

⁴ Библия, Книга Судей. 15:19.

– Отлично, хорошо, – процедила Зара. – Чертовы слабаки. Но я все равно знала, что он тут, прячется у тебя в комнате! – она ткнула пальцем в Диего. – Я видела пустой желудь у тебя на полу. Так что это ты во всем виноват. Не притащи ты его сюда, ничего бы этого не случилось.

– Не трать слюну, Зара, – Дивья не опускала меч. – Диего, иди и забери Кьерана.

– А почему бы тебе самому не посмотреть в воду, Росио Розалес? – заговорил Мануэль, пока Диего шел через зал к Кьерану. – Раз уж ты думаешь, что так чист душой. Наверняка тебе это боли не причинит.

– *Callate la pinche boca!* – огрызнулся Диего, оказавшись уже почти возле Кьерана.

Принц фэйри кашлял, кровь пузырилась у него на губах. Он уже начал подниматься, но Мануэль двигался быстро, как змея. Ударом ноги он сбросил его в бассейн.

Диего метнулся вперед и успел ухватить Кьерана за рубашку – но тот уже окунулся лицом в воду. Диего выдернул его наверх и попытался поднять на ноги. Кьеран зашатался, и Райан поймал его.

– Убирайтесь отсюда, – к ним уже шагала Саманта. – Когда Инквизитор услышит об этом...

– Саманта! – крикнула Джессика, но было поздно. Саманта поскользнулась на мокром полу, потеряла равновесие и упала в бассейн.

Раздался дикий вопль.

– Ради Ангела! – Дивья даже меч опустила. – Она что...

Саманта вынырнула на поверхность с жутким криком. Она кричала так, будто умирает... или смотрит, как умирает любимый человек. В крике были ужас... и отвращение... и горе.

Когорта стояла как громом пораженная. Лишь несколько человек сделали неуверенное движение в сторону Саманты. Но вдруг протянулись руки, схватили ее, вытащили из бассейна.

Это были руки Кьерана. Все еще кашляя кровью, он опустил Саманту на край бассейна. Она перевернулась, изрыгая воду. Зара тут же подбежала, оттерла Кьерана в сторону.

– Отойди от нее! – оскалилась она.

Кьеран повернулся и захромал к Диего. Тот едва успел подхватить его, когда у него подкосились ноги. Когорта возилась с Самантой, времени терять было нельзя. Выбегая из зала и почти неся Кьерана между собой и Райаном (Дивья прикрывала отступление с мечом наголо), Диего слышал за спиной... да, почти наверняка слышал хохот Мануэля.

* * *

– Так, – сказал Джулиан. – Посмотрим, что мы имеем.

Они стояли... видимо, на поляне. С полянами у Эммы было не так уж много опыта. В Лос-Анджелесе их негусто, но это точно была поляна – открытое пространство, поросшее травой, окруженное деревьями, напоенное солнцем и негромким гудением каких-то насекомых... ну, или мелких пикси.

В стране фэйри никогда не скажешь, с кем имеешь дело.

У нее еще слегка кружилась голова от перехода сквозь врата страны фэйри, спрятанные глубоко в чащобе Броселианда. Откуда Гораций про них знал, уму непостижимо. Возможно, этой информацией владеют все высшие должностные лица Конклава. Он был нетерпелив и буквально впихнул их туда без всяких церемоний, – но не настолько нетерпелив, чтобы не выдать Эмме медальон, а им обоим – черные рюкзаки, набитые оружием, амуницией и припасами.

Последнее, что он сказал, было:

– Не забудьте, вам в Неблагодой Двор. Следуйте карте.

Карты в стране фэйри не работают, успела подумать Эмма, но Гораций уже подталкивал ее к воротам, сплетенным из ветвей, а через секунду она уже упала на колени в зеленую траву, а сладкий воздух страны фэйри потек в легкие.

Эмма коснулась медальона. В отличие от медальона Кристины, на нем не было Ангела. На крышке, кажется, когда-то был выгравирован семейный герб Охотников, но потом его стерли. В остальном он был похож на ожерелье Розалесов. Тяжесть на шее была приятной и успокаивающей.

– Конклав снабдил нас сэндвичами, – сообщил Джулиан, роясь в рюкзаке. – На сегодня. Дольше они все равно не проживут. Есть еще сыр, хлеб, сушеное мясо и фрукты. Несколько бутылок воды.

Эмма придвинулась ближе – посмотреть, что он там достает и раскладывает на траве. Джулиан вытащил два серых одеяла, оружие – сверх того, что висело у них на поясе – и сложенную одежду. Когда он ее встряхнул, оказалось, что это простой гладкий лен землистых тонов, весь на петлях и шнурах – никаких тебе молний и пуговиц.

– Одежда фэйри, – сказала Эмма.

– Хорошая идея, – кивнул Джулиан.

Оба костюма состояли из длинной верхней рубахи, штанов со шнуровкой спереди и плотной куртки.

– Нужно переодеться. Пока мы разгуливаем тут в Охотничьей амуниции, мы – мишень.

Эмма взяла комплект поменьше и отправилась переодеваться за деревья. Она пожалела, что не попросила Джулиана помочь, особенно когда пришлось прыгать на одной ноге, одной рукой натягивая брюки, а из другой не выпуская пояс с оружием. Ни разу еще она не чувствовала себя такой уязвимой, но, хотя Джулиан много раз видел ее вообще без одежды, теперь это было неудобно. Она не знала, как этот новый Джулиан, не испытывающий чувств, отреагирует. И была не уверена, что хочет узнать.

Ну, по крайней мере, одежда фэйри была удобной, мягкой, свободной посадки. Вынырнув из зарослей, она постояла немного, шурясь на яркое солнце, и оглянулась в поисках Джулиана.

Он появился с чем-то вроде старого пергамента в руках, его лоб был нахмурен. Штаны он надел, но вот рубахой пренебрег.

Эмма не раз видела Джулиана голым до пояса на пляже, но это было другое... Возможно, потому что теперь она знала, каково это – прикоснуться к его бледно-золотым на солнце плечам. Он весь состоял из гладких мышц, кубики на прессе были четко прорисованы. По этой коже она спускалась поцелуями, а он шептал: «Эмма, Эмма...» самым своим нежным голосом, запутавшись пальцами в ее волосах. Сейчас она смотрела на него, как любопытный зевака.

Но остановиться все равно не могла. Было в этом что-то... незаконное, щиплющее нервы, словно Джулиан был опасным незнакомцем. Она видела его целиком: густые и мягкие темные волосы, завивавшиеся у шеи; изгиб бедра и ключицы, изящно прорисовывавшиеся под кожей; руны, выющиеся спиральями, по груди и бицепсам. Руна парабата светилась будто сама. А на запястье узлами была намотана тряпка – все та же, темная, красно-коричневая.

Джулиан оглянулся, увидел Эмму и опустил пергамент, прикрыв повязку на руке.

– Иди сюда, – сказал он, – погляди на карту. – И отвернулся, чтобы взять рубашку. Когда Эмма подошла к нему, он уже успел натянуть ее и скрыть тряпку.

Он протянул ей карту, и она тотчас же обо всем забыла, глядя на пергамент. Джулиан принялся доставать припасы из рюкзака.

На карте была изображена страна фэйри: горы Торн, озера, реки, Благой и Неблагой Дворы. Еще она показывала красную точку, которая слегка подрагивала, будто не была частью носителя.

– Точка – это мы, – пояснил Джулиан, доставая сэндвичи. – Я разобрал карту: на ней видно, где находимся мы по отношению к обоим Дворам. Никакая карта обычного образца тут работать бы не стала. Ландшафт страны фэйри все время меняется, и Неблагодой Двор может оказаться где угодно. Но раз мы теперь видим, где мы и где они, остается только двигаться в указанном направлении, и все должно получиться.

Эмма села на траву, взяла бутерброд: сыр, салат и помидор – не самое любимое сочетание, но в целом все равно, особенно когда ты так голоден, что готов сожрать что угодно.

– А что с Джейсом и Клэри? Мы обещали Саймону и Изабель, что поищем их.

– У нас только четыре дня. И сперва нужно найти Черную книгу, а не то Гораций навредит нам.

«А заодно и детям. И Хелен с Алиной. И даже Кристине, потому что она знала нашу тайну и никому не сказала. Да, все это так, Джулиан действует очень разумно. И все-таки можно было бы выглядеть немного больше расстроенным... из-за того, что не можешь отправиться на поиски друзей».

– Но мы же поищем их, когда найдем книгу, да?

– Если на часах Горация еще останется время – почему нет.

– Четыре дня – не так уж много, – сказала Эмма. – Думаешь, этот план вообще может сработать? Или Гораций просто нашел способ от нас избавиться?

– Ну, это довольно непростой способ для этого, – пожал плечами Джулиан, откусывая от сэндвича и глядя задумчиво в даль. – Ему нужна Черная книга, ты сама слышала. Скорее всего, ему плевать, как она попадет к нему в руки, так что нам нужно быть поосторожнее. Но пока она у нас... – он ткнул пальцем в карту. – Смотри, вот Перекресток Брэма.

Точка отхода на самом деле существовала, и Эмме стало немного легче.

– Хотела бы я знать, что он собирается делать с Черной книгой, – пробормотала она.

Возможно, и ничего. Просто хочет отобрать ее у фэйри. С его стороны это будет политический ход, практически переворот. Консул не смогла добыть ее, а он смог: притащит Книгу на следующее заседание Совета и будет гордо ею размахивать.

– Наверняка скажет, что это Зара ее добыла, – Эмма замолчала, пристально глядя на Джулиана. – Ты ешь салат.

– Да? – Сейчас Джулиана интересовала только карта.

– Ты же терпеть не можешь салат! – Сколько раз он специально ел салат на глазах у детей, чтобы подать им хороший пример, а потом, скривившись, жаловался, что листья похожи на хрустящую бумагу. – Всегда терпеть не мог.

– Что, правда? – озадаченно переспросил он и, не дожидаясь ответа, встал, чтобы собрать вещи. – Нам пора. Пойдем днем. Ночью в стране фэйри слишком много всякого... странного.

Это всего лишь салат, сказала себе Эмма. Ничего по-настоящему важного. И все же, беря свой рюкзак, она кусала губы. На одном плече у Джулиана висел арбалет, на другом рюкзак.

Из леса донесся какой-то треск – может быть, ветка сломалась. Эмма обернулась, ладонь легла на рукоять кинжала.

– Ты это слышал?

Джулиан натянул тетиву. Несколько долгих секунд они стояли в боевой готовности, но кругом царил тишина, и никто не вышел к ним из леса. Эмме остро недоставало руны Видения или Слуха.

– Возможно, там ничего и нет, – сказал наконец Джулиан, и хотя Эмма была в курсе, что он не пытается ее успокоить, а просто торопится продолжить путь... все же это звучало очень похоже на прежнего Джулиана.

Они молча ушли прочь с поляны, минуту назад казавшейся такой приветливой и солнечной, а теперь ставшей зловещей и полной теней.

8

Среди изваянных беседок

Диана торопилась в дом на Принсуотер-стрит. Прохладный утренний ветер разведал волосы, от адреналина тело звенело, как натянутая струна. Ей не терпелось все рассказать Эмме и Джулиану. Она так долго держала все в себе: уже от одного того, что она открылась Гвину, ощущение было такое, будто она вскрыла себе грудную клетку и показала живое, трепещущее сердце.

Скорее всего, второй раз будет легче. Эмма и Джулиан любят ее, они точно...

Она остановилась так резко, что каблуки скрипнули по брусчатке. Дом на канале с его веселенькими голубыми стенами был окружен кольцом стражи Совета. Нет, на самом деле не Совета. Очень мало кто там был из юных центурионов. Зато у всех были дубовые посохи «бо».

Диана оглянулась. Немногочисленные прохожие торопились по своим делам и на дом не глядели. Интересно, сколько народу вообще знает, что Эмма и Джулс еще в Аликанте? Хотя Инквизитор ведь собирался сделать из них показательный пример. Рано или поздно все узнают.

На вершине лестницы стояла Амелия Овербек – та самая, что хихикала с Зарой на похоронах. Диану это так вывело из себя, что она ускорила шаг, протолкалась через кольцо охраны и буквально взлетела по ступеням.

Амелия стояла, прислонившись к двери, и беседовала с какой-то девушкой с оранжевыми волосами. Она повернулась к Диане с ядовитой улыбкой на губах.

– Мисс Рейберн? Вы что-то хотели?

– Да, я хотела видеть Джулиана Блэкторна и Эмму Карстерс, – Диана старалась говорить как можно нейтральнее.

– С ума сойти, – Амелия явно наслаждалась новой ролью. – Но вряд ли это возможно.

– У меня есть на это право, Амелия. Дай мне пройти.

Амелия скосила глаза в сторону рыжей.

– Это Диана Рейберн, Ванесса, – объяснила она. – Думает, что она очень важная птица.

– Ванесса Эшдаун? – Диана присмотрелась: кухня Кэмерона уехала в Академию нескладным подростком, узнать ее было непросто. – Я знаю твоего двоюродного брата.

– Вот скукота-то, – Ванесса закатила глаза. – Побитый щеночек Эммы. Не думай, что сможешь пробраться в дом, если подольстишься ко мне. Не выношу Блэкторнов. И всех, кто с ними общается.

– Отличная новость, особенно учитывая, что тебе положено их охранять, – заметила Диана. Адреналин в ней уже завивался в спираль ярости. – Так, слушай. Я сейчас открою эту дверь, и если ты собираешься мне помешать...

– Диана!

Она резко обернулась, откидывая волосы с глаз. За кольцом охраны стояла Джиа с поднятой рукой – возможно, махала ей.

– Консул! – Ванесса вытаращила глаза. – Вот дерь...

– Заткнись, – прошипела Амелия.

Явление Джиа ее не напугало, только раздосадовало.

Диана проделала обратный путь, вниз по лестнице и через кольцо охраны. На Джиа была шелковая блузка и брюки; волосы схвачены сзади драгоценной заколкой.

– Можешь не трудиться, – процедила она, свирепо сжав губы, взяла Диану за локоть и повела прочь из толпы ухмыляющихся и едва не ухающих от смеха гвардейцев. – Я слышала, как они говорили, что Эмма и Джулиан у Инквизитора.

– И что, нельзя было мне это сказать? – рявкнула Диана, оглядываясь через плечо на хихикающих девчонок. – Ванесса Эшдаун. Как говаривала матушка, у некоторых волос явно больше, чем мозгов.

– И она превосходно иллюстрирует эту теорию, – сухо кивнула Джиа.

Они остановились на некотором расстоянии от дома, где небольшая каменная отмель вклинивалась в канал. Волны толкались в нее сбоку; под водой зеленел густой мох.

– Диана, мне нужно с тобой поговорить. Наедине и чтобы нас не подслушали.

Диана внимательно на нее посмотрела. Может, это все игра воображения... или, глядя на маленький, окруженный стражей дом у канала, Консул выглядела... испуганной?

– Не волнуйся, – сказала Диана. – Я точно знаю, что надо делать.

* * *

Она взбиралась по спиральной лестнице, тянувшейся, казалось, до самых звезд. Кристина не помнила, ни откуда взялась лестница, ни зачем она по ней поднимается. Ступени вырастали из темноты и уходили в облака. Она держала длинную юбку руками, чтобы не наступить на подол. Волосы тяжело лежали на голове, в воздухе висел густой аромат белых роз.

Лестница как-то внезапно кончилась, и она ступила на знакомую крышу. Институт вздымался высоко над Мехико. Весь город расстился внизу: ангел сияет золотом над Памятником Независимости, Чапультепек-парк, Дворец Изыщных искусств светится изнутри, колоколообразные башни Базилики Гваделупской Божьей Матери... позади всего этого высились горы, словно закрывая город в ладони.

Темная фигура стояла на краю, стройная, мужественная, руки сложены за спиной. Марк еще не обернулся, а она уже знала, что это он: ни у кого больше не было таких волос – словно золотом пронизали воздушное серебро. На нем была длинная туника под пояс, льняные брюки, кинжал продет в ременную петлю, босые ноги. Он подошел и заключил ее в объятия.

Глаза его были темны, затенены желанием, движения медленны, словно они оба были под водой. Он притянул ее к себе, запустил пальцы в волосы... – она поняла, почему голове было так тяжело: кудри густо заплетали лозы с огромными, темными круглыми цветами... розы, красные розы. Они сыпались на плечи Марку, который одной рукой обнимал ее, пока другая путешествовала от волос к губам и дальше, к ключицам... пальцы забирались за воротник платья. Ночь была прохладная, руки теплые, а губы и того теплее... Она прильнула к нему, обняла за шею, где волосы были такие мягкие, тронула шрамы...

– Кристина, – промурлыкал он, отстраняясь. – Обернись.

Там стоял Кьеран. Марк – в простом льне, но Кьеран был в бархате, пальцы – в тяжелых золотых перстнях, глаза густо подведены и мерцают – кусочек ночного неба спустился на землю, весь черный и серебряный.

Обнимая Кристину, Марк потянулся к Кьерану. Кристина повторила жест, коснулась дублета Кьерана, притянула к ним с Марком, окутала этим черным бархатом. Кьеран поцеловал Марка и склонился к ней... руки Марка вокруг них... губы Кьерана нашли ее...

– Кристина! – сон пронзил голос, и она мгновенно села в постели, прижимая одеяло к груди, широко раскрыв от неожиданности глаза.

– Кристина Мендоса Розалес?

Голос был женский. Затаив дыхание, Кристина обернулась и постепенно все вокруг обрело резкость: институтская мебель, яркое солнце за шторами, в ногах кровати – сложенное одеяло, которое одолжила Эмма. На подоконнике сидела женщина с голубой кожей и волосами цвета белой бумаги. Зрачки у нее были темно-синие.

– Я получила твое огненное послание.

Кристина тарасилась на нее, но думала о другом. Что мне только что снилось?

«Так, Кристина, не сейчас. Подумаем об этом позже».

– Катарина Лосс? – Итак, желание поговорить с чародейкой сбылось, но нельзя же вот так возникать у человека в спальне, да еще в такой неподходящий момент. – Как ты сюда... попала?

– А я и не попала. Это проекция.

Катарина помахала рукой перед окном: солнце прошло через нее, как через витраж.

Кристина благоразумно пощупала голову. Никаких роз. А жаль.

– Который час?

– Десять. Прости, я правда думала, что ты уже встала. На, держи.

Краткий жест, и на прикроватном столике образовался бумажный стаканчик с кофе.

– «Питс», – сказала гостья. – Мой любимый на Западном побережье.

Кристина чуть не обняла стакан. Катарина быстро набирала баллы.

– Я как раз думала, ответишь ты или нет, – Кристина сделала глоток. – Понимаю, вопрос был странный.

– Я не знала, отвечу ли, – вздохнула Катарина. – Это вообще-то чародейское дело, не ваше. Сумеречные охотники леями не пользуются.

– Зато пользуемся чародеями. Вы же наши союзники. Если вы болеете, мы должны вам как-то помочь.

Катарина было удивилась, но потом улыбнулась.

– Я-то нет, но все равно приятно такое услышать. На самом деле все становится хуже на глазах. Все больше чародеев накрывает этой чумой.

– А как Магнус Бейн? – Кристина недолго была с ним знакома, но он ей очень нравился.

Она с удивлением увидела слезы в глазах Катарины.

– Магнус, он... Алек за ним хорошо присматривает, но нет, он не в порядке.

– Тогда, прошу, дай нам помочь, – Кристина отставила кофе. – Каковы признаки заражения лей-линий? Что нам искать?

– Ну, прежде всего, там, где леи испорчены, наблюдается повышенная активность демонов.

– Уж это-то мы в состоянии заметить.

– Я сама еще посмотрю. Пришлю тебе карту с пометками огненным письмом.

Катарина встала с подоконника, и солнце потоком хлынуло сквозь ее белую шевелюру.

– Но если соберешься изучить место с повышенной демонской активностью, не ходи туда одна. Возьми еще несколько человек. Вы, Охотники, бываете такие беспечные.

– Ну, не все же мы, как Джейс Эрондейл, – обычно он как раз вел себя наименее беспечно из всех ее знакомых.

– Я тебя умоляю! Я сама преподавала в Академии Сумеречных охотников, так что...

Катарина внезапно закашлялась, да так, что плечи затряслись. Глаза у нее округлились.

– Катарина? С тобой все в порядке? – Кристина даже из постели выскочила.

Но ее гостья просто пропала. Ни малейшее завихрение воздуха не указывало, где только что была проекция.

Кристина быстро надела джинсы и старую футболку Эммы – она пахла, как ее духи: лимон и розмарин. Ох, если бы Эмма была здесь... если бы можно было поговорить про эту ночь, поплакать у нее на плече...

Но ее тут не было, и быть не могло. Кристина потрогала ожерелье, пробормотала наскоро молитву Ангелу и устремилась через холл в комнату к Марку.

Он, конечно же, лег не раньше, чем она, так что, возможно, он еще спит. Она постучала – сначала нерешительно, потом громче. Наконец Марк открыл – зевающий и голый, как младенец.

– *Hijole!* – взвизгнула Кристина и быстро нырнула в вырез своей футболки, натянула ее себе на голову. – Надень штаны!

– Ну, прости, – он спрятался за дверь. – Однако ничего нового ты не увидела.

– Но не при свете же! – в щель ей все равно было его видно. Марк был уже в трусах, потом надел рубашку – через голову, не расстегивая.

Голова показалась из воротника, волосы были очень мило взъерошены.

И вовсе не мило, сказала она себе. Ужасно. И досадно.

Гольй, подумать только!..

Так. Об этом она сейчас тоже не станет думать. Интересно, сейчас-то я не сплю? Ей все еще было беспокойно из-за того сна. Сны вообще-то ничего не значат. Скорее, это просто из-за повышенной тревожности, а к Марку и Кьерану отношения не имеет.

На пороге снова появился Марк.

– Прости! В Охоте я часто спал нагишом и забыл...

Кристина одернула футболку.

– Это мы сейчас обсуждать не будем.

– Так ты хотела поговорить насчет прошлой ночи? – немного нетерпеливо спросил он. – Я могу объяснить.

– Нет, – твердо сказала она. – Мне нужна помощь, а больше попросить некого. Тай и остальные слишком молоды, а Хелен с Алиной подумают, что они обязаны доложить Джиа.

Марк, кажется, был разочарован. Но и заинтересован тоже.

– Что-то, о чем Конклаву знать не обязательно?

– Понятия не имею. На этом этапе я не уверена, что им вообще стоит о чем бы то ни было рассказывать.

– Но мне ты, по крайней мере, рассказать можешь? В чем дело? Демоны?

– Для разнообразия да, – сказала Кристина и выложила все, что знала про леи, чародейскую болезнь и свидание с Катариной. – Нужно просто съездить посмотреть, нет ли где чего необычного. Вероятно, даже из машины выходить не придется.

– Ты поведешь? – оживился Марк. – Только мы вдвоем?

– Я поведу. Будь готов сегодня к семи.

Она уже пошла прочь, но помедлила и бросила взгляд через плечо – просто не удержалась.

– И окажи мне услугу: надень хотя бы штаны.

* * *

Когда Кит спустился в кухню, Тая там не было.

Он повернулся, чтобы уйти, но его уже заметили. Алина в черных джинсах и топе без рукавов стояла у плиты: сосредоточенная, волосы завязаны узлом на макушке. Дрю, Марк, Кристина и Тавви – за столом. Дрю возилась с Тавви и демонстративно ничего кругом не замечала, но Кристина с Марком помахали ему.

Кит сел. Ему сразу стало ужасно неловко. Он никогда особенно не имел дела с Блэкторнами, за исключением Тая и Ливви. Без этих двоих ему казалось, что он явился на чужую вечеринку, где никого не знает, и поддерживать светскую беседу все равно придется.

– Как спалось? Хорошо? – осведомилась Кристина.

Трудно чувствовать себя неловко рядом с Кристиной – она просто излучает доброту. Но Киту это удалось. Джонни Грач на своем веку облапошил немало очень добрых людей, и Кит не сомневался, что ему хватит способностей сделать то же самое. Он пробормотал в ответ что-то невнятное и налил себе апельсинового сока. Хорошо ли он спал? Да не особенно. Полночи он провалялся без сна, потому что волновался о том, как они с Таем пойдут на Сумеречный

базар совсем одни, а вторую половину – потому что волновался, как они с Таем пойдут на Сумеречный базар вдвоем. С ума сойти можно!

– А Хелен где? – негромко спросила Дрю, неприветливо глядя на Алину.

Кита это тоже интересовало. Вчера она выглядела очень несчастной. Он не стал бы ее винить, если бы она, осознав, какую ношу взвалила на себя, с криками убежала в пустыню, рвя на себе волосы.

– Сегодня собрание Конклава, – сообщил Марк. – Хелен сейчас там.

– А разве не Алина должна представлять Институт? – удивилась Дрю.

– Хелен решила, что Конклаву пора привыкать к ней, – сказал Марк. – Не забывайте, что она такой же Сумеречный охотник, как и все прочие. И что она тоже Блэкторн, особенно если речь пойдет о том, не пора ли сменить Диану на посту нашего наставника...

– Я не хочу другого наставника! – завопил Тавви. – Я хочу Диану!

– Но ее же не будет всего несколько дней, правда? – встревоженно спросила Кристина. – В худшем случае?

Марк пожал плечами.

– Конклав нервничает, что мы тут прохлаждаемся без наставника и расписания занятий.

– Но Тавви прав, – сварливо сказала Дрю. – Мы уже учимся – с Дианой. Зачем начинать сначала с кем-то еще? Правда, Кит?

Кит так удивился, что к нему вообще обращаются, что чуть не уронил стакан с соком. Но ответить ему не дала Алина – она подошла к столу со сковородкой, источавшей фантастические запахи. У Кита даже слюнки потекли.

– Это что такое? – Тавви вытаращил глаза.

– Фриттата, – объяснила Алина. – И вы все сейчас будете ее есть.

Сковородка жизнерадостно грохнула об металлическую подставку посреди стола.

– Не хочу фриттату, – заявил Тавви.

– Ну и очень плохо, – сурово сказала Алина, сложив руки на груди и сурово оглядывая всех по очереди. – Вчера вы заставили Хелен плакать, так что сегодня съедите эту фриттату как миленькие и еще пальчики оближете. Между прочим, она очень вкусная. На завтрак у нас – вот это, и, поскольку я не Хелен, мне решительно плевать, будете вы голодать или весь день питаться одними чипсами. У нас с Хелен куча других дел, нам Конклав спуска не дает, а она мечтает быть здесь, с вами, ребята. Так что больше она плакать из-за вас не будет. Всем понятно?

Дрю и Тавви кивнули, глядя на нее большими глазами.

– Алина, мне ужасно жаль, – придушенным голосом сказала Кристина.

– Я не о тебе говорю, – Алина закатила глаза. – Кстати, где Тай? Я не намерена повторять все это дважды.

Она свирепо посмотрела на Кита.

– Вы же не разлей вода. Где его носит?

– Спит, наверное, – предположил Кит.

Тай наверняка поздно лег – изучал темную магию, но не говорить же об этом вслух.

– Отлично. Значит, передашь ему мои слова, когда проснется. И не забудьте поставить сковородку в чертову раковину, когда закончите есть. Я все сказала.

Она схватила куртку со спинки стула, сунула руки в рукава и вышла из кухни.

Кит ждал, что Тавви или Дрю начнут реветь, но они явно не собирались.

– Это было реально круто, – оценила Дрю, накладывая себе фриттату, которая оказалась яичницей с сосисками, сыром и жареным луком. – Мне понравилось, как она вступилась за Хелен.

– Между прочим, это ты вчера кричала на Хелен, – ехидно заметил Марк.

– Между прочим, она моя сестра, – огрызнулась Дрю, сгружая фриттату на тарелку Тавви.

Марк раздраженно фыркнул. Кристина тоже положила себе Алининой стряпни и, попробовав, зажмурилась от удовольствия.

– Пари держу, ты тоже орал на своего отца, – сказала Дрю. – Все семьи время от времени ссорятся.

– У нас в семье не слишком много орали, – возразил Кит. – Отец меня либо в упор игнорировал, либо учил на досуге вскрывать замки.

Дрю просияла. Она все равно выглядела утомленной и вялой (очень юной в этой ее огромной футболке), но когда улыбалась, сразу же становилась похожа на Ливви.

– А ты умеешь вскрывать замки?!

– Могу научить, если хочешь.

Дрю даже вилку бросила и радостно захлопала в ладоши.

– Да! Марк, можно я прямо сейчас начну учиться вскрывать замки?

– У нас вообще-то открывающая руна есть.

– И что? А вдруг меня похитит демон с щупальцами и прикует наручниками к стулу, а стило я потеряла? Что тогда делать?

– Такого не может быть, – сказал Марк.

– Еще как может, – сказал Тавви.

– Нет. Демоны с щупальцами не пользуются наручниками, – Марк устало закатил глаза.

– Ну, пожа-а-алуйста, – взмолилась Дрю.

– Впрочем, – сказал Марк, – не вижу в этом никакого вреда.

Он поглядел на Кристину, словно искал ее одобрения, но она поспешно отвела глаза.

– Только не ввязывайся ни в какие реальные правонарушения со своим новоприобретенным навыком, Дрю. Не хватало еще давать Конклаву лишние поводы для волнения.

* * *

– В этой воде какая-то жуткая магия, – Кьеран тяжело навалился на Диего, который так быстро, как это было возможно в данных обстоятельствах, тащил его по коридорам Схоломанта.

Дивья и Райан остались у дверей Бездны – на тот случай, если Когорта решит кинуться в погоню.

– Я слышал, как они ржут и прикалываются на эту тему, пока меня тащили туда с завязанными глазами, – голос Кьерана звучал высокомерно и горько – ни дать ни взять, настоящий принц; в его голосе слышались еще ярость и стыд. – Не думаю, что они знали, о чем говорят, – но ведь все равно говорили.

– Мне ужасно жаль, – выдавил Диего, нерешительно кладя руку на плечо принца фэйри. Стук его сердца отдавался в каждой кости и мышце. – Я должен был защитить тебя. И не сумел.

– Ничего ты не «не сумел», – отрезал Кьеран. – Если бы не ты, я бы умер.

Ему явно было не по себе: фэйри не любят извиняться и быть у других в долгу.

– К тебе в комнату мы пойти не можем – они точно будут нас там искать.

– Нужно спрятаться, – сказал Диего. – И перевязать тебя! Тут десятки пустых комнат...

Кьеран оторвался от него. Он шатался на ходу, как пьяный.

– Перевязывают тех, кто заслуживает исцеления, – мрачно бросил он.

Диего с тревогой уставился на него.

– Что, так больно?

– Это не моя боль.

По коридорам эхом пронесся вопль – быстро оборвавшийся женский крик, полный боли.

– Это та девушка, что упала в воду, – сказал Кьеран. – Я пытался вытащить ее как можно скорее...

Саманта... Может, она и не нравилась Диего, но никто не должен испытывать боли, от которой можно так кричать.

– Возможно, нам лучше обратиться из Схоломанта, – подумал вслух Диего.

Главный вход в склоне горы всегда под охраной, но есть и другие – и среди них даже стеклянный коридор, который змеится прямо сквозь воды озера на другой берег.

– Кто-то идет! – вскинулся Кьеран.

Диего схватил Кьерана одной рукой и кинжал – другой, но замер на месте: он узнал направлявшуюся к ним фигуру. Черные волосы, суровая челюсть, нахмуренные брови, пронзительный взгляд.

– Никуда вы из Схоломанта не уйдете, – сказал Мартин Гладстон. – Не в обозримом будущем.

– Вы не понимаете! – взмолился Диего. – Зара и ее команда... они пытались его убить!

Гладстон окинул их обоих презрительным взглядом.

– Тебе действительно хватило наглости притащить его сюда? Этот фэйри – вражеский воин. Притом высокопоставленный.

– Он был готов дать показания против Неблагого Короля! Был готов рискнуть и навлечь на себя королевский гнев, ради того, чтобы помочь Сумеречным охотникам!

– Насколько я понимаю, шанса так и не представилось, – ядовито улыбнулся Гладстон. – Так что мы не знаем, как бы он на самом деле поступил.

– Я бы дал показания, – Кьеран привалился к стене, чтобы не упасть. – Я не питаю к отцу никакой любви.

– Фэйри не могут лгать! – снова вмешался Диего. – Вы что, не слышите?

– Зато они умеют увилывать, вводить в заблуждение и манипулировать. И как же ему удалось заставить тебя ему помогать, Диего Росио Розалес?

– Он меня не заставлял! Я знаю, кому доверять. Если вы убьете Кьерана или позволите тем ублюдкам причинить ему вред, вы нарушите Соглашение.

– Любопытная мысль, – сказал Гладстон в ответ. – Я не собираюсь ни убивать королевского сына, ни причинять ему вред. Я просто посажу вас обоих под стражу в библиотеке до тех пор, пока Инквизитор не прибудет и не разберется с вами.

* * *

Эмма и Джулиан шли уже несколько часов, когда Эмма вдруг поняла, что они здесь не одни.

Вообще-то это была приятная лесная прогулка по утоптанной тропинке. С Джулианом оказалось вполне можно разговаривать, если не думать про чертовы чары... и о том, что он теперь к ней чувствует... о том, что он вообще теперь чувствует. И не затрагивать тему Ливви... и проклятия парабатаев, и... зато можно про Конклав и каковы могут быть их ближайшие планы, и как в них фигурирует Зара. Джулиан шагал впереди с картой, сверяясь с ней, когда сквозь листву проникало достаточно света.

– Можем быть у Неблагих завтра к утру, – сказал он, останавливаясь на прогалине.

Из травы кивали разбросанные там и сям голубые и зеленые цветочки, солнце обращало лиственный полог в прозрачную зеленую вуаль.

– Смотря по тому, насколько мы готовы двигаться ночью...

– За нами идут, – Эмма резко встала.

– Уверена? – Джулиан очень спокойно сложил карту и опустил в карман.

Эмма наострила уши, стараясь расслышать то, что услышала минуту назад: хруст веток, негромкие шаги.

– Уверена.

Джулиан ни на мгновение не усомнился в ее словах – ну, спасибо и на том. Даже в нынешнем своем обдолбанном из-за чар состоянии он полностью доверял ее навыкам.

– Бежать нельзя, – заметил он.

И верно – тропа была слишком каменистой, а подлесок слишком густым, чтобы всерьез надеяться обогнать преследователя.

– Сюда, – она схватила его за руку; через мгновение оба уже карабкались по стволу самого высокого из дубов, окружавших прогалину.

Эмма нашла себе развилку и устроилась в ней; Джулиан – на ветке напротив. Они слились с деревом и стали смотреть вниз.

Шаги неспешно приближались. Копыта на самом деле, не ноги, поняла Эмма, и в следующий миг из-за деревьев показался келпи – темно-зеленый, с гривой из лоснящихся водорослей – да не простой, а верховой.

А верхом на нем сидел мужчина в Охотничьей форме. Эмма задержала дыхание и свесилась пониже, чтобы как следует его рассмотреть.

Даже не мужчина – мальчишка. Тощий, как уиппет, узколицый, с черной шевелюрой.

– Дейн Ларкспир на келпи, – прошептал Джулиан. – И как прикажете это понимать?

– Если следом прибудет Зара верхом на Лох-несском чудище, вы как хотите, а я иду домой, – пообещала Эмма.

Келпи встал посреди прогалины, вращая глазами – черными, без белков. Вблизи он куда меньше походил на лошадь, несмотря на наличие гривы, хвоста и четырех ног: жуткая тварь, которой по-хорошему лучше бы никогда не вылезать из воды.

– Шевелись, чего встал! – Дейн дернул поводья (чтобы подчинить келпи, надо его взнуздать, вспомнила Эмма; интересно, как Ларкспиру это удалось?). – Надо найти след Блэкторна и Карстера до темноты, а не то мы их потеряем.

Келпи заговорил. Эмма чуть с дерева не свалилась. Голос звучал как рокот волны о прибрежные скалы.

– Этих существ я не знаю, хозяин. Как они выглядят?

– Да какая разница! След лучше ищи, – Дейн ударил келпи и смерил его свирепым взглядом. – Ладно, я тебе их опишу. Джулиан – из тех, кто способен сделать девку своим прабабаем. Усек?

– Нет, – сказал келпи.

– Все время возится с мелюзгой. У него примерно миллион детей, и он изображает их папашу. Эмма... была бы горячей штучкой, если бы заткнулась хоть на минуту.

– Я убью его, – пообещала дубу Эмма. – И сделаю это, не затыкаясь ни на минуту.

– Я не понимаю человеческих представлений о красоте, – сказал келпи. – Женщина мне нравится, когда она вся в водорослях.

– Пасть закрой, – Ларкспир снова дернул поводья, и зверь зашипел, обнажив игольно-острые зубы. – Нам нужно найти их, пока солнце не село.

Улыбка у Дейна была скверная.

– Когда я вернусь с Черной книгой, Гораций даст мне все, что я захочу. Может, даже позволит пошалить с последней сестричкой Джулиана. Дрю как-ее-там. Лучшие сиськи в семье.

Эмма слетела с дерева с такой скоростью, что мир превратился в вихрь зеленой листвы и алой ярости. Налетев на Дейна Ларкспира, она вышибла его из седла, и они вместе покатались на землю – Дейн первым, так что его падение было жестче. Получив под дых, он сложился пополам. Эмма вскочила на ноги и схватила меч. На мгновение ей показалось, что Джулиан за ней не последовал, но нет – он был уже на земле и одним движением сдернул с келпи уздечку.

– Господин! – зверь опустил перед ним в полупоклоне, согнув передние ноги (Дейн тем временем кашлял, плевался и катался по земле от боли). – Благодарю, что освободили меня.

– Не стоит благодарности, – Джулиан отшвырнул узду, и келпи галопом умчался в лес.

Эмма все еще стояла над Дейном, приставив меч к его горлу... на шее у него поблескивало что-то золотое. Но Дейн, даже лежа на земле, смотрел на нее с презрением и гневом.

– Что ты здесь делаешь, Ларкспир? Это нас послали за Черной книгой, а не тебя.

– Отойди от меня! – Дейн сплюнул кровь и вытер рот. На его руке осталась красная полоса. – Если ты меня хоть пальцем тронешь, Диарборны сдерут с вас Знаки вместе со шкурой.

– Отвечай на вопрос, – потребовала Эмма. – У нас даже книги еще нет. Ты зря тратишь время, гоняясь за нами. Кстати, следопыт из тебя хреновый – шума от тебя, как от слона. От слона-сексиста. Паршивый ты Охотник, Дейн Ларкспир.

– Я в курсе, что у вас ее нет, – он скривился. – Но будет. Вы ее найдете. А потом я...

Он замолчал.

– Потом ты – что? Ах, да – это же я слишком много болтаю.

Дейн, однако, смотрел не на нее, а мимо, куда-то ей за спину. Это Джулиан подошел сзади и теперь стоял там с мечом наголо и странно холодным взглядом.

– Ты же знаешь, – спокойно уточнил он, – что если ты хоть пальцем тронешь Дрю, я тебе убью? Правда?

– Думаешь, ты такой особенный? – Дейн поднялся на локтях; голос у него был тонкий и мерзкий. – Думаешь, ты такой великий? Даже сестра твоя недостаточно хороша для меня...

– Она слишком молода для тебя, – оборвала его Эмма. – Ей тринадцать, ты, погань...

– Думаешь, Инквизитор послал тебя на особое задание, потому что ты такой крутой? Это потому, что от тебя надо избавиться, тупица! Потому что ты – ноль, ты ничего не значишь. Он хочет, чтобы ты умер!

Тут уже и до него дошло, что он слишком много сказал.

– Выходит... – Эмма повернулась к Джулиану.

– Выходит, Инквизитор послал его, чтобы убить нас, – закончил фразу Джулиан. – На нем один из тех медальонов, что предотвращают утечку времени – смотри.

Дейн спохватился и инстинктивно дернул руку к шее, но было уже поздно.

– То есть Гораций послал тебя прикончить нас, забрать Черную книгу и вернуться с ней одному? – переспросила Эмма.

– И раззвонить потом, что нас убил Дивный народ, – кивнул Джулиан. – Еще и дополнительный бонус.

– Откуда вы узнали? – Дейн, наконец-то, испугался.

– Просто я умнее тебя, – пожал плечами Джулиан. – Но это не слишком большое достоинство. Тебе даже опилки фору дадут.

– Есть разница между тем, чтобы послать людей на опасное задание, и тем, чтобы послать за ними еще кого-нибудь и заколоть скрытно в спину, – задумчиво сказала Эмма. – Когда Конклав узнает...

– Да не узнает он! – заорал Дейн, теряя всякое терпение. – Вы никогда отсюда не вернетесь! Думаете, здесь только я?

Он, шатаясь, поднялся на ноги. Эмма попятилась, не зная, чего от него ожидать. Они, конечно, могут его вырубить, но дальше-то что? Связать? Каким-то образом отправить в Идрис?

– У Когорты длинные руки, – Дейн, оказывается, еще не все сказал, – и предатели вроде вас нам не нужны. Чем меньше вас на этом свете, тем всем будет лучше. Мы уже положили начало с Ливви, но...

Меч Джулиана взлетел и в следующий миг вышел из спины Дейна.

Эмма сразу поняла, что через сердце: тело сотряслось, выгнулось, как рыба, насквозь проткнутая крючком. Дейн кашлянул красным веером брызг и недоверчиво уставил стеклянный взгляд на Джулиана.

Тот выдернул меч. Дейн соскользнул с лезвия на землю, его рот был полуоткрыт, лицо окаменело.

– *Что ты сделал?!* – крикнула Эмма.

Джулиан наклонился и вытер меч пучком травы, перемешанной с цветами.

– Убил человека, который собирался убить нас.

– Ты просто зарезал его!

– Эмма, вернись в реальность. Его послали, чтобы он зарезал нас. И он бы непременно это сделал, если бы я его не опередил. А еще он сказал, что тут могут быть и другие люди из Когорты. Если бы мы оставили его в живых, то вскоре нам пришлось бы драться с куда большим количеством противников.

Эмма никак не могла восстановить дыхание. Джулиан убрал меч в ножны. Лесные цветы у его ног были залиты кровью. Она не могла смотреть на тело, распростертое на земле.

– Нельзя просто взять и убить другого Охотника. Люди так не поступают. Люди с чувствами так не поступают!

– Возможно, – сказал Джулиан. – Но он представлял серьезную проблему, а теперь больше не представляет.

В подлеске что-то захрустело. В следующую секунду, мерцающая темной зеленью, перед ними снова предстал старый знакомый – келпи. Он вел носом по земле, и нос привел его прямо к Дейну. Эмма успела подумать, что зверь, наверное, горюет по своему прошлому хозяину.

Убитый горем зверь, однако, со скрипом погрузил свои игольчатые зубы в окровавленный бок Дейна. В воздухе резко и густо запахло медью. Келпи сладко сглотнул и посмотрел на Джулиана: зеленые зубы перепачканы красным – ни дать ни взять, Рождество, только какое-то зловещее.

– Боже, – Эмма в отвращении отступила назад.

– Ой, простите, – сказал келпи. – Вы тоже хотели поучаствовать? Он такой вкусный.

– Нет-нет, спасибо, – Джулиана кровавый спектакль не испугал, но и не позабавил.

– Вы очень щедры, Джулиан Блэкторн, – признательно сказал келпи. – Можете не сомневаться, когда-нибудь я отдам вам долг.

– Нам надо уходить, – Эмма постаралась сдержать рвотный позыв; она поспешно отвела взгляд, но все же успела увидеть, как блеснули под солнцем ребра Дейна Ларкспира. – Нам нужно убираться отсюда, и немедленно.

Она зажмурилась и отвернулась, но все равно продолжала видеть: кровь на цветах... закатившиеся белки Дейна... Воздух вдруг стал таким удушающе медным, что ей пришлось схватиться за ближайшую березку... просто чтобы устоять на ногах...

– Эмма? – раздался позади голос Джулиана.

Полянка взорвалась громом копыт. Два скакуна, серый и гнедой, вылетели из-за деревьев. На них сидели фэйри: светловолосая женщина на первом и мужчина с кожей цвета спелой пшеницы на втором.

– Это что, Центральный вокзал? Не знала, что у фэйри он есть, – Эмма устало привалилась головой к стволу. – Они все сюда приходят рано или поздно?

– Эмма Карстерс? – спросила леди.

Сквозь пелену перед глазами та ее узнала: тетушка Марка, Нене. Рядом гарцевал один из придворных Благой Королевы, Фергус. С весьма неприятной улыбкой.

– Это что, мертвый Охотник? – любопытствовал он.

– Он взял меня в плен, а эти люди освободили, – просветил его келпи.

– Ступай, зверь, – приказал Фергус. – Оставь нас. Речи Благого Двора не для твоих ушей.

Келпи вздохнул и потащил тело Дейна в кусты. Эмма медленно повернулась, стараясь, чтобы спина не расставалась с деревом. Какое счастье, что труп убрали с глаз... хотя земля еще мокрая от крови, и красные капли стекают с лепестков.

– Эмма Карстерс и Джулиан Блэкторн, – сказала Нене. – Ваш путь лежит к Благому Двору. Зачем?

– Нет, вовсе нет, мы шли к Неблагому... – начала было Эмма.

– Мы знаем, какие пути в нашей стране куда ведут, – сурово оборвал ее Фергус. – Оставь свои человеческие штучки.

Эмма открыла рот, собираясь возразить, но вовремя заметила, как Джулиан едва заметно покачал головой, и сразу поняла, что это значит. Они действительно шли не туда. По какой-то неизвестной причине он ей лгал. Всякий раз глядя на карту, Джулиан проверял, насколько они приблизились ко Благому Двору.

Вкус предательства перебил даже медь.

– У нас есть Черная книга, – сообщил Джулиан эльфам, и Эмма уставилась на него; о чем он только говорит?! – Поэтому мы и вернулись в страну фэйри. Королева попросила добыть для нее книгу, нам это удалось, и мы пришли за тем, что она нам обещала.

Он гордо выпрямился: бледный, но с сияющими сине-зелеными глазами... – невероятно красивый, даже с лицом, залитым кровью. Эмма рада была бы не замечать алых пятен, но не могла.

– Мы официально просим аудиенцию у Ее Величества, – сказал Джулиан.

9

Меж дворцов

Паря в небесах с Гвином, Диана чувствовала себя такой свободной, несмотря на грызущее ее беспокойство об Эмме и Джулиане. Наверняка они в безопасности в доме... хотя не иметь возможности их увидеть все-таки не слишком приятно. Вот так и понимаешь, насколько эти люди стали твоей семьей за последние пять лет – и насколько ты не дома в Аликанте.

Даже знакомые лица на улице казались ей чужими масками. Ты голосовал за избрание Горация Диарборна Инквизитором? А ты... ты тоже винишь Блэкторнов в гибели их собственной сестры? Веришь, что все фэйри – чудовища? Да кто ты вообще такой?

Она покрепче схватилась за Гвина. Вскоре они приземлились на уже знакомой полянке среди лип. Луна уже истончилась; лес наполнился глубокой тишиной и тенями. Гвин спешился и помог сойти Диане. На сей раз он не взял седельные сумки, набитые всякой едой, зато на поясе болтался меч. Диане он доверял, и не стал задавать вопросов, когда она попросила отвезти ее сюда, зато другим Охотникам – нет, и она его за это не винила.

Тени пронзил свет. Из-за накренившейся скалы выступила Джиа. Диана нахмурилась. Последний раз, когда она здесь была, земля под ногами цвела; сейчас Консул с хрустом шагала по сухому мху, побуревшему и мертвому. Возможно, просто осень приближается, но ведь есть еще эта гниль...

– Диана, – начала Джиа, – мне нужна твоя помощь...

– Во-первых, – Диана жестом остановила ее, – я хочу знать, почему мне не позволяют увидеться с Эммой и Джулианом. С какой стати меня к ним не пускают?

– К ним никого сейчас не пускают, – возразила Джиа, аккуратно присаживаясь на плоский камень и скреживая лодыжки; ни единый волосок не выбился у нее из прически. – Гораций говорит, что не хочет компрометировать их показания.

Диана недоверчиво фыркнула.

– И как, интересно, он планирует заставить их дать показания? У него больше нет Меча Смерти.

– Я понимаю, как заботит тебя их судьба, – сказала Джиа. – Но мне удалось поговорить с Саймоном до его отъезда в Нью-Йорк. Им с Изабель удалось проникнуть к Джулиану и Эмме сегодня утром. С ними все хорошо; они сказали, встреча с Горацием прошла как нельзя лучше.

Диана испытала любопытную смесь облегчения с новой тревогой.

– Джиа, ты обязана что-нибудь сделать. Диарборн не может держать их под стражей до какого-то воображаемого момента в будущем, когда починят Меч Смерти.

– Я в курсе, – сказала Джиа. – Именно поэтому я и хотела встретиться с тобой. Помнишь, как я попросила тебя выступить заодно со мной?

– Еще бы.

– Когорта знает о гнили в лесу. Патрик брал с собой Мануэля и показал ему все – еще до того, как мы поняли, насколько они все опасны, даже дети.

Она вздохнула и глянула на Гвина, который оставался совершенно бесстрастен. Когда у тебя за плечами столько лет политических дуэлей при обоих Дворах, кто тебя знает, что ты вообще думаешь...

– Они решили воспользоваться этим как инструментом политического давления, – продолжала Диана. – И постараются выдать за намеренный саботаж фэйри. Сейчас они хотят сжечь весь лес, чтобы искоренить болезнь растений.

– Болезнь это не убьет, – вмешался Гвин. – А лес убьет, вот и все. Гниль – это смерть и распад. Невозможно уничтожить уничтожение, как нельзя использовать яд в качестве противоядия.

Джиа снова посмотрела на Гвина, на сей раз жестко и прямо.

– Но эта болезнь – действительно магия фэйри?

– Никогда не видел такой магии фэйри, хотя уже давно живу на свете, – покачал головой Гвин. – Я не утверждаю, будто Неблагодой Король к этому непричастен. Но эта магия гораздо больше похожа на демонскую, чем на нашу. Она неестественна. А наша – естественна.

– Значит, пожаром ничего не добьешься? – уточнила Диана.

– Ну, почему, кое-чего добьешься, – ответил Гвин. – Это выгонит из леса всех Нижнемировских, которые издавна звали Броселианд домом. Все фэйри и вервольфы, селившиеся здесь на протяжении поколений, останутся без крыши над головой.

– Я так понимаю, это просто предлог для начала депортации Нижнемировских из Идриса, – сказала Джиа. – Диарборн намерен воспользоваться распространившимся среди нефилимов страхом, и протолкнуть жесткое анти-нижнемировское законодательство. Я, в общем-то, этого и ждала, но не думала, что попытка выгнать жителей Нижнего Мира из Идриса произойдет так скоро.

– И ты думаешь, Конклав на это согласится? – недоверчиво спросила Диана.

– Боюсь, что да, – в голосе Джиа прозвучала горечь. – Они так заиклились на страхе и ненависти, что не понимают, где вредят сами себе. Они запросто перетравят всех гостей, если будут уверены, что Нижнемировские тоже окажутся за столом.

Диана обхватила себя руками, ей вдруг стало очень холодно.

– Что мы можем сделать?

– Гораций назначил собрание через два дня. Это будет его первая возможность представить свой план широкой публике. Люди тебя уважают: Рейберны – почтенное семейство, и ты храбро сражалась в Темной войне. Против него должен кто-то открыто выступить – слишком многие сейчас боятся даже открыть лишний раз рот.

– Я не боюсь, – возразила Диана, ловя восхищенный взгляд Гвина.

– Мир сейчас так быстро меняется, – сказала Джиа. – То будущее кажется полным надежд, а то набегают тучи ненависти и лицемерия, будто их ветер принес с какого-то далекого моря.

– Они всегда были там, Джиа, – покачала головой Диана. – Эти тучи. Просто мы не хотели их замечать. Они всегда маячили на горизонте.

Джиа выглядела очень усталой. Возможно, всю дорогу шла пешком... но вряд ли усталость эта была только физического свойства.

– Я не знаю, хватит ли нам сил, снова расчистить небо.

* * *

– О'кей, – сказал Кит. – Сперва нужно сделать рычажный ключ из бумажной скрепки.

– Что-что мы должны сделать? Из чего? – Дрю заправила волосы за уши и уставилась на Кита с ужасом и восхищением.

Оба сидели на одном из длинных библиотечных столов, вооружившись замком и кучей скрепок.

– Только не говори мне, будто не знаешь, что такое скрепка, – Кит закатил глаза.

– Разумеется, знаю, – огрызнулась Дрю. – Вот они. Но что мы будем из них делать?

– Я покажу. Возьми скрепку.

– Взяла.

– Согни ее в форме буквы «L». Вот. Прямая часть – сверху. Молодец.

Дрю сосредоточенно нахмурилась. На ней была черная футболка с надписью «Из-за гроба» и треснутым могильным камнем.

Кит взял еще одну скрепку и полностью ее выпрямил.

– Вот это, – сказал он, – твоя отмычка, а то, гнущее, – рычажный ключ.

– О'кей, – сказала она. – Так как вскрывать замок?

– Попродержи коней, – расхохотался Кит. – Ладно, бери замок. Теперь вставляй рычажный ключ в нижнюю часть скважины, которая называется линией сдвига.

Дрю сделала, как ей сказали – высунув для верности язык. Ни дать ни взять школьница над учебником.

– Теперь поверни в том направлении, в котором будут открывать замок. Нет, не налево. Вот сюда. Да, так. Теперь возьми отмычку в левую руку.

– Черт, погоди, – она рассмеялась. – Я запуталась.

– Ладно, давай покажу.

Он сунул вторую скрепку в замок и принялся орудовать ею, стараясь подцепить зубцы и толкнуть вверх. Отец в свое время учил нащупывать зубчики отмычкой – в этом замке их было... да, пять. Он осторожно поднял зубцы один за другим.

– Теперь поворачивай ключ, – скомандовал он неожиданно, так что Дрю даже подскочила. – Направо.

Она повернула. Дужка замка отскочила. Дрю приглушенно пискнула.

– Вот круто!

Кит ей чуть было не улыбнулся – в общем-то, ему никогда не хотелось, чтобы у него была младшая сестра, но учить кого-то всяким вещам было не на шутку приятно.

– А Тай это умеет? – спросила она.

– Вряд ли, – Кит закрыл замок и протянул ей. – Но наверняка быстро научится.

Он дал ей скрепку и пересел на стул.

– Теперь сама.

– Нечестно! – простонала Дрю.

– Не попробуешь – не научишься.

Отец всегда так говорил.

– Ты прямо как Джулиан, – проворчала Дрю, фыркнула и занялась замком. Ее ногти были покрыты облупившимся черным лаком. Кита поразило, как деликатно и осторожно она обращается с замком.

– Вот уж не думал, что меня когда-нибудь обвинят в сходстве с Джулианом Блэкторном, – заметил он.

– Ты сам знаешь, что я имела в виду, – Дрю посмотрела на него исподлобья. – Ведешь себя, как папаша.

Она повернула рычажный ключ.

– Хорошо, что вы с Таем подружились, – вдруг сказала она.

Сердце Кита резко толкнулось в ребра.

– Я хочу сказать, у него же всегда была Ливви, и друзья ему были не нужны. Такой клуб на двоих, куда никого не пускают, а потом появился ты... И вдруг ты тоже там.

Она замолчала, не выпуская замок из рук и глядя на него глазами, совсем как у Ливви – огромными, сине-зелеными, с черными ресницами...

– Что? – не понял он.

– Ну, не надо. Я слишком маленькая. Тай меня никогда не взял бы, даже если бы ты не объявился, – она просто констатировала факт. – Я люблю Джулиана. Он типа... лучший на свете отец. Ты для него всегда на первом месте. Но Тай... он всегда был моим крутым братцем. У него такие офигенные штуки в комнате, и животные его любят, и он все на свете знает...

Голос у нее дрогнул, щеки залились краской. Вошел Тай – волосы мокрые, в мягких кудряшках, – и сердце Кита дрогнуло. Правда он тут же сказал себе: это потому, что Тай застал их, когда они болтали о нем.

– А я тут замки вскрываю, – сообщила ему Дрю.

– О'кей, – сказал Тай, мельком глянув на ее новое увлечение. – Но мне нужно поговорить с Китом.

Кит вскочил, едва не смахнув на пол кучу скрепок.

– У Дрю действительно хорошо получается, – сказал он.

– О'кей, – так же безразлично повторил Тай. – Но мне надо поговорить с тобой.

– Ну, и говорите, – Дрю бросила на стол инструменты и смерила его яростным взглядом.

– Ну, не при тебе же.

Это и так было понятно, но Дрю сочла необходимым оскорбленно хмыкнуть, спрыгнуть со стола, вылететь из библиотеки и громко хлопнуть дверью.

– Это было не... она не... – Кит не договорил.

Но он не мог упрекать Тая. Только не сейчас.

Тай расстегнул молнию худи и полез во внутренний карман.

– Нам нужно на Сумеречный базар. Сегодня, – сказал он.

Кит заставил себя вернуться в настоящее.

– Мне запрещено появляться на Базаре. Подозреваю, и тебе тоже.

– Мы можем у ворот попросить о праве входа, – сказал Тай. – Я слышал, люди так делают. У Сумеречных базаров же есть ворота, так?

– Да, ворота есть. Это просто символическая зона, место встречи: они никого не впускают и не выпускают. И да, там можно попросить о праве входа у хозяина Базара, да только здесь – это Барнабас, а он меня ненавидит.

Тай взял скрепку и с интересом уставился на нее. У него синяки на шее, вдруг заметил Кит. Он их не помнил, и это показалось ему странным... хотя с другой стороны, разве он должен знать каждый синяк на коже Тая? Наверняка, это после той лондонской драки с Всадниками.

– Нужно просто убедить Барнабаса, что в его интересах впустить нас.

– И как ты собираешься это сделать? Мы что теперь, мастера-переговорщики?

Тай, занятый разгибанием скрепки, улыбнулся Киту одной из своих фирменных улыбок, похожих на восход солнца над морем.

– Ты – да.

– Я... – Кит понял, что невольно улыбается в ответ.

Он всегда был не чужд сарказму, зато комплименты переваривал плохо, но что-то в Тае Блэкторне доставало его до самых печенок и там, внутри, развязывало тщательно затянутые узлы защит, скреплявших его воедино.

Тай нахмурился, как будто и не заметил его глупой улыбки.

– Проблема в том, – сказал он, – что никто из нас не водит машину. Нам никак не попасть на Базар.

– Зато у тебя есть айфон, – сказал Кит. – Их в Институте несколько, я сам видел.

– Да, но...

– Я собираюсь познакомить тебя с поразительным изобретением человечества под названием «Убер», – торжественно сказал Кит. – Это навсегда изменит твою жизнь, Тай Блэкторн.

– Что ж, Ватсон, – сказал Тай, положив скрепку в карман, – Ты, может, сам и не сияешь, зато служишь отличным проводником света.

* * *

Диего, мягко говоря, удивился, что Гладстон решил запереть их в библиотеке. В его представлении это было не то чтобы очень надежное и безопасное помещение. Но как только они оказались внутри (Диего – разумеется, без оружия и стила), и тяжелые дубовые двери захлоп-

нули за ними, он сразу же начал сознавать несомненные достоинства, которыми обладала библиотека в качестве места заключения.

Стены тут были толстые и без единого окна, зато с огромным стеклянным куполом очень высоко от пола. От пола до потолка не было ни единого выступа, чтобы забраться наверх и попытаться его разбить, плюс нигде ни единого предмета, который сошел бы за оружие... можно, конечно, кидаться книгами или переворачивать столы, но вряд ли от этого будет много пользы.

Кьеран сидел, сгорбившись, на полу у подножия гигантского дерева, которое росло прямо из плит пола. Вот если бы оно доставало до потолка, подумал Диего, подходя к другу.

Кьеран согнулся, свернулся в клубок, прислонился к стволу, вдавив ладони в глазницы, словно надеялся себя ослепить.

– Эй, с тобой там все в порядке? – спросил Диего.

– Я скорблю, – Кьеран уронил руки на колени и поднял взгляд.

На щеках у него отпечатались подушечки ладоней.

– Все в порядке, ты же ранен. Я сам поищу пути к спасению, – Диего специально сделал вид, что не понимает.

– Нет, – Кьеран почти задохнулся. – Я скорблю. Я не могу.

– Чего не можешь?

– Спасти. Вина – как занавесь из терний, и я запутался в ней целиком. Стоит пошевелиться, и меня пронзает насквозь – вновь и вновь. Бассейн заставит тебя ощутить всю боль, которую ты в своей жизни причинил другим.

– Никто из нас не свободен от вины, – Диего подумал о своих, о Кристине. – Каждый причинил кому-то боль, намеренно или нет.

– Ты не понимаешь, – Кьеран покачал головой; прядь волос упала на лоб – темное серебро, переходящее в синий. – В Дикой Охоте я был просто соломинкой, несомой водой или ветром. Я мог только цепляться за другие соломинки и лететь. Я верил, что сам не оказываю на мир никакого воздействия. Значу так мало, что не могу ни помочь, ни причинить вреда.

Он сжал кулаки, вонзая ногти в ладони.

– Теперь я почувствовал боль Эммы и скорбь Марка, и страдания всех, кому я навредил в Охоте – и даже ту боль, что ощущал Эрек, когда умирал. Но как я мог принести людям всю эту боль, когда все деяния мои были написаны на воде?

Взгляд черно-серебряных глаз был совершенно загнанный.

– Кьеран, – сказал Диего, – дело не только в том, что ты причинял людям боль. Бассейн не показывает добра, только зло, вот в чем дело.

– Откуда тебе знать? – вскричал Кьеран. – Мы же едва знакомы, ты и я...

– Из-за Кристины, – перебил Диего. – Кристина верила в тебя. Истинной верой, нерушимой и незапятнанной. Почему, по-твоему, я согласился спрятать тебя здесь? Потому что она считала, что ты хороший, а я верил ей.

Он поспешно умолк, пока не сказал слишком много, но Кьеран и так уже поморщился при упоминании имени Кристины. Следующий его вопрос озадачил Диего.

– Как я смогу снова смотреть ей в лицо?

– Тебе настолько важно, что она о тебе думает? – Диего даже в голову не приходило, что это может быть так.

Не мог же Кьеран и вправду быть так хорошо знаком с Кристиной.

– Больше чем ты можешь себе вообразить, – ответил тот. – Как ты осмелился снова смотреть ей в глаза после того, как обручился с Зарой и разбил ей сердце?

– Мы что, должны сейчас это обсуждать? – уязвленно прошипел Диего.

Кьеран вперил в него совершенно дикий взгляд. Диего вздохнул.

– Да, я разочаровал Кристину и потерял ее уважение. Уж тебе-то следует понимать, каково это – подвести того, кого любишь. Разочароваться прежде всего в себе.

– Ну, не совсем, – в голосе Кьерана проглянула тень былой иронии. – Меня никто не зовет Кьераном Идеальным.

– Я не зову себя идеальным Диего! – огрызнулся тот, чувствуя, что беседа явно пошла куда-то не туда.

Со стороны входа донесся какой-то шум, оба подскочили и обернулись, автоматически приняв боевую стойку, но когда дверь все-таки распахнулась, на пороге обнаружилась Дивья – с таким видом, будто только что с кем-то крепко подралась. Исцарапанная, в крови, зато с ключом.

– Стащила у Гладстона, пока в лазарете царил хаос. Боюсь, он скоро заметит пропажу.

Диего выглянул в коридор: пусто.

– Что у вас там происходит? Где Райан?

– Пытаются выяснить, что известно остальным – кто пришел из Аликанте, но в Когорте не состоит. У всех отобрали стила. Зара удрала через портал в Идрис сразу после того, как ты увел Кьерана. Гладстон в лазарете с Самантой. Она продолжает кричать, – Дивья прикусила губу. – Это ужас.

Кьеран поднялся на ноги, хотя для этого ему пришлось держаться за дерево.

– Вы двое должны бежать, – сказал он. – Убирайтесь отсюда. Им нужен я, а вы из-за меня и так уже влипли в серьезные неприятности.

Дивья насмешливо посмотрела на него.

– Ради Ангела, вы только послушайте! Поплавал в бассейне, а теперь решил пожертвовать собой. Фэйри, мне ты не причинил никакого вреда – я в порядке.

– Я стал причиной беспокойства и страха, – возразил Кьеран, глядя на нее испуганно и в то же время надменно. – Ты боялась того, что может случиться с тобой и другими из-за попытки спрятать меня. Ты боялась за Райана. А ты...

Он перевел взгляд на Диего.

– Нет, – тот предостерегающе вскинул руку. – Не желаю ничего слушать о моих чувствах.

– ...слова не мальчика, но мужа, – поддразнила Дивья, но ее глаза при этом подозрительно заблестели. – Послушайте, я должна кое-что сказать. А вы должны внимательно это выслушать. Я слышала, как Зара хихикала с Гладстоном в лазарете, пока туда не принесли Саманту. Инквизитор отправил двух Охотников в страну фэйри с самоубийственной миссией – добыть Черную книгу.

– Джейса и Клэри? – удивился Диего. – Какое же это самоубийство!

– Не их. Эмму и Джулиана Блэкторна. Они ушли вчера.

– Они бы никогда не согласились идти под топор, – возразил Кьеран. – Джулиан ни за что не бросил бы своих братьев и сестер на произвол судьбы. Никогда!

– Они не знают, что не вернуться. Диарборн послал кого-то следом, чтобы их там убили.

– Это незаконно! – вот и все, что Диего смог сказать, и тут же понял, как нелепо это звучит.

– Горацию Диарборну нет дела до ваших законов, – сказал Кьеран, заливаясь темным румянцем. – Его вообще ничто не волнует, кроме достижения его собственных целей. С его точки зрения не согласный с ним нефилим ничем не лучше жителя Нижнего Мира. Все они – вредители, которых нужно поскорее уничтожить.

– Кьеран, вообще-то прав, Диего, – сказала Дивья. – Гораций Инквизитор, и он переписет законы, которые не позволяют ему делать то, что он хочет.

– Нам пора, времени больше нет, – сказал Кьеран. – Надо сообщить Блэкторнам – Марку и Кристине...

– Все выходы охраняются, – перебила его Дивья. – Я не говорю, что это вообще невозможно, но нам понадобится помощь Райана и Гена, и остальных. Мы не можем сражаться с Когортой в одиночку, тем более без стил. Нам нужен план.

– На планы нет времени... – начал Кьеран.

Диего вдруг подумал о Кристине – о том, как она писала ему и просила спрятать Кьерана. Она была очарована фэйри – с самого детства. Всегда твердила ему, что фэйри хорошие, а их силы – благословение и часть естественной магии мира.

– Кьеран, – резко сказал он, – ты же принц фэйри. Так будь им!

Кьеран бросил на него темный, яростный взгляд. Он тяжело дышал. Дивья, кажется, хотела спросить: что ты творишь? – но не успела. Кьеран поднял руку, схватился за ветку и закрыл свои черно-серебряные глаза.

Лицо его превратилось в белую маску, челюсти напряглись. Листья на дереве зашелетели, затрепетали, словно под ветром... словно дерево говорило о чем-то.

– Что происходит? – шепотом поинтересовалась Дивья.

Свет с треском побежал по стволу – не молния, чистые белые искры, – окружил Кьерана, словно его очертили золотой краской по контуру. Волосы его сделались странного зелено-золотого цвета, чего Диего за ним никогда не замечал.

– Кьеран, ты... – начал Диего.

Тот вскинул руку – все еще с закрытыми глазами – и слова полились изо рта, на языке, которого Диего никогда не слышал. Жаль, Кристины тут нет, она бы перевела... Кьеран уже кричал – Диего показалось, что он расслышал «копье ветра» и еще раз, и еще...

Копье ветра? Разве это не...

– Сюда идут! – закричала Дивья, подбегая к двери, захлопывая ее и запирая. – Диего, их там слишком много.

Стеклянный потолок взорвался. Диего и Дивья ахнули.

Белый конь проломился сквозь купол – летающий белый конь, прекрасный и горделивый. Дождем посыпалось битое стекло, и Диего нырнул под ближайший стол, утаскивая за собой Дивью. Кьеран открыл глаза и радостно простер руки к Копью Ветра, который спикировал к нему, быстрый как стрела и легкий как пух на чертополохе.

– Ангел меня побери, – прошептала Дивья. – А ведь я так любила пони, когда была маленькая...

Кьеран взвился на спину скакуну. Волосы его уже вернули себе нормальный иссиня-черный оттенок, но все еще потрескивали энергией. С пальцев на ходу слетали искры. Он протянул руку Диего – они с Дивьей как раз выбрались из-под стола, хрустя ботинками по битому стеклу.

– Идемте со мной!

Комната была наполнена ветром и холодом, запахами карпатских лесов и озерной воды. Потолок над их головами распахивался в звездное небо.

* * *

* * *

– Вам нельзя тут оставаться!

Но Дивья покачала головой, а за ней, подавив желание свободы, и Диего.

– Мы останемся и будем сражаться, – сказал он. – Мы Сумеречные охотники. Мы не можем сбежать и предоставить худшим из нас захватить власть. Мы должны сопротивляться.

Дверь в библиотеку с грохотом распахнулась. Гладстон и дюжина человек из Когорты ворвались внутрь и встали как вкопанные.

– Остановить его! – крикнул Гладстон, указывая на Кьерана. – Мануэль, Ануш...

– Кьеран, пошел! – рявкнул Диего.

Принц схватил коня за гриву, и они ринулись в воздух, не успел Мануэль и шагу ступить. Кажется, он даже оглянулся на Диего, но в следующий миг Копье Ветра уже пробил потолок, а дальше лишь яркая белая искра прочертила ночную черноту.

Позади Диего захрустели шаги. Дивья смотрела на него полными слез глазами – кузен Ануш уже крутил ей руки за спиной.

– Ты об этом пожалеешь, – произнес ему прямо в ухо хриплый от наслаждения голос Мануэля. – Очень, очень пожалеешь, Росио Розалес.

И наступила тьма.

* * *

Эмму Нене посадила на своего иноходца; Джулиан ехал позади Фергуса, так что возможности поговорить у них не было. Они ехали под зеленым пологом деревьев; золотые копыта света, проникавшие сквозь него, постепенно обретали оттенок бронзы. День клонился к закату. Эмме было ужасно плохо.

Она хотела поговорить с Джулианом, придумать какой-то план... что они станут делать, когда придут к Благому Двору? Что скажут Королеве? Как потом выберутся оттуда? И что им вообще от нее надо?

Однако другая ее часть была в ярости на Джулиана. Какого черта он утаил от нее такую важную часть плана? Она вслепую пошла в страну фэйри, думая что у них одна миссия... а на самом деле, кажется, совершенно другая. А третья, очень хладнокровная ее часть спокойно заявила: он ничего тебе не сказал только по одной причине – потому что ты точно откажешься следовать его плану. Эмма понятия не имела, что это за план, но он ей уже не нравился.

Еще глубже внутри, там, где у нее и слов-то толком не было для выражения чувств, Эмма знала, что если бы не чары Магнуса, Джулиан никогда бы так не поступил. Он не стал бы... просто не стал бы ни лгать ей, ни манипулировать. Потому что она была членом его семьи, одной из узкого круга... и вот там-то, будучи одной из них, она ему все простила – и ложь, и тайные планы, – потому что они были направлены не против нее, а против врагов семьи. Тот Джулиан, которому пришлось лгать и манипулировать, был маской, порожденной перепуганным ребенком – и порожденной только ради того, чтобы защитить тех, кого он любит.

Но что если из-за заклинания маска стала реальностью? Что если это теперь и есть Джулиан?

Они оставили лес позади, и теперь кругом расстились зеленые поля без малейших признаков жизни. Мили и мили колышущейся зеленой травы с пятнами синих и фиолетовых цветов и тенью пурпурных гор вдаль. Впереди приливной волной вздымался холм, обращенный к ним мраморным портиком. Эмма выжидающе посмотрела на Джулиана.

В стране фэйри вещи редко надолго сохраняют один и тот же облик. В прошлый раз, когда они попали в Благой Двор через холм, это был длинный, узкий коридор. Сейчас они проехали через красивые бронзовые ворота, украшенные рольверками с играющими лошадьми. Нене и Фергус спешили. Соскользнув на мраморный пол, Эмма заметила, что поводья скакунов приняли крошечные мерцающие фэйри с красно-синими и золотыми крылышками.

Жужжащие пикси увели лошадей куда-то в глубь холма.

– Одна такая пригодилась бы мне – распутывать волосы по утрам, – поделилась Эмма с Нене, но та как-то странно улыбнулась в ответ.

Она была так похожа на Марка, что от этого становилось беспокойно: те же белые вьющиеся волосы и тонкая кость.

– Мой сын женат на маленькой пикси, – Фергус прищурился. – Попрошу воздержаться от бестактных замечаний.

Джулиан поднял бровь и промолчал. Они с Эммой зашагали – машинально в ногу – следом за фэйри по земляному коридору, вившемуся через толщу холма.

– Я так понимаю, все вышло, как ты и планировал? – холодно сказала Эмма, не глядя на Джулиана.

Но даже не глядя она все равно его чувствовала рядом: знакомое тело, знакомое тепло. Ее парабатай, которого она узнала бы и с закрытыми глазами.

– Если ты врешь про Черную книгу, это может выйти нам боком.

– Я не вру, – сказал он. – Возле Лондонского Института есть копировальный центр. Сама увидишь.

– Нам нельзя было покидать Институт, Джулиан...

– Это был самый лучший вариант. Ты сейчас слишком сентиментальна, чтобы ясно видеть положение дел. Так мы окажемся максимально близко к цели.

– И каким же образом, интересно? – яростно прошипела она. – Какой смысл лезть вот так к Благой Королеве? Доверять ей можно не больше, чем Горацию или Аннабель.

Глаза у него сверкали как полудрагоценные камни в стенах длинного тоннеля – полосы яшмы и кварца, попеременно. Пол теперь был выложен полированной плиткой молочно-зеленоватого цвета.

– Не доверять Королеве – часть плана, – заверил ее Джулиан.

Эмма охотно бы сейчас со всей силы врезала по стене.

– До тебя все никак не дойдет, да? Тебе вообще не надо было придумывать план с участием Благой Королевы! Мы до сих пор разбираемся с последствиями Холодного мира именно из-за ее предательства.

– Это шовинизм, направленный против фэйри, – Джулиан нырнул под серую ажурную портьеру. – Ты меня удивляешь.

– Никакого отношения к фэйри это вообще не имеет, – Эмма шагнула следом. – Но Королева – беспощадная и жесто... О. Здравствуйте, ваше величество.

Упс. Кажется, за серой портьерой был проход сразу к королевскому двору. Королева сидела на троне посреди зала и смотрела на Эмму. Выражение ее лица было холодным.

Зал выглядел, как и в прошлый раз: будто когда-то давно по нему прокатилась волна огня, и с тех пор никто не позаботился привести все в порядок. Мраморный пол почернел и растрескался. Спинка трона из позеленевшей бронзы поднималась высоко над головой Королевы и была похожа на опахало или свиток. Стены были в дырах, словно какое-то огромное чудовище вырвало из них когтями куски камня.

Королева была вся – кость и огонь. Костлявые ключицы торчали над вырезом затейливо скроенного сине-золотого платья; голые руки были тонкими, как веточки. Ее лицо окружали волны пышных темно-красных волос цвета крови и пламени. Глаза на узком лице светились голубым, словно горящий газ.

Эмма откашлялась.

– Королева – беспощадно-жестокий свет полдневного солнца, – сказала она. – Вот что я хотела сказать. Да.

– Эмма Карстерс, ко мне нельзя обращаться неофициально, – сказала Королева. – Надеюсь, ты понимаешь?

– На них устроили засаду и напали, – объяснила Нене. – Мы послали пикси вперед, предупредить вас...

– Я слышала доклад. Но это не извиняет вашей грубости.

– По-моему блондинка только что обозвала Королеву, – громко прошептал Фергус, обращаясь к Нене, которая выглядела усталой и раздраженной, впрочем, как все и всегда при эльфийском дворе.

– Вы правы, – сказала Эмма, обращаясь к Королеве.

– На колени! – рявкнула та. – На колени, Эмма Карстерс и Джулиан Блэкторн! И проявите должное уважение.

Подбородок Эммы задрался вверх, будто его потянули за веревочку.

– Мы нефилимы, – процедила она. – Нефилимы не преклоняют коленей.

– Потому что когда-то были великанами, владеющими силой тысяч мужей? – насмешливо спросила Королева. – Как же низко они пали.

Джулиан шагнул вперед. Королева смерила его оценивающим взглядом.

– Вы выберете пустые церемонии или то, что вам действительно нужно? – прямо спросил он.

Голубые глаза Королевы полыхнули огнем.

– Ты утверждаешь, что у тебя есть то, что мне нужно? Подумай дважды. Не так-то легко угадать, чего желает монарх.

– У меня есть Черная книга мертвых.

Королева расхохоталась.

– А я слышала, ты ее потерял! Как и жизнь твоей сестры.

Джулиан побледнел, но выражение его лица не изменилось.

– Вы не уточняли, в каком виде желаете получить книгу.

Королева и Эмма уставились на него, а он полез в рюкзак и вытащил переплетенную рукопись с ярко-белым обрезом. По левому краю были пробиты дырки, а сквозь них пропущена толстая пластмассовая пружина.

Королева откинулась на спинку трона. На фоне темного металла ее волосы казались почти багровыми.

– Это не Черная книга.

– Откройте и убедитесь, что это она, – хладнокровно возразил Джулиан. – Книга – это слова, которые в ней содержатся, и больше ничего. Я сфотографировал каждую страницу Черной книги телефонной камерой, потом распечатал и отдал в переплет.

Королева наклонила голову, и тонкий золотой обруч в ее волосах вспыхнул.

– Я не понимаю слов, из которых состоят ваши смертные заклинания и ритуалы, – ее голос звучал высоко и пронзительно.

За этими глазами, то насмешливыми, то смеющимися, Эмма вдруг уловила проблеск истинной Королевы... и того, что с тобой случится, если перейдешь ей дорогу. Эмма содрогнулась.

– Опасно пытаться меня обмануть или выставить на посмешище, Джулиан Блэкторн. Твоим уловкам я не верю. Нене, возьми у него книгу и изучи!

Нене шагнула вперед и протянула руку. В темных углах комнаты что-то зашевелилось: только сейчас Эмма осознала, что вдоль стен стоят воины фэйри в серых одеждах. Неудивительно, что им с Джулианом позволили войти с оружием. Стражников тут человек пятьдесят, а в тоннелях еще больше!

– Отдай Нене книгу, Джулиан!

Он отдал, и даже глазом не моргнул. Нене принялась рассматривать книгу, ее глаза поблескивали над страницами.

– Это изготовлено очень умелым каллиграфом, – молвила она наконец. – Каждый мазок кисти – в точности, как я помню.

– Умелого каллиграфа зовут «приложение ОффисМакс», – проворчал Джулиан, но Эмма даже не улыбнулась.

Королева долго молчала. В зале царил тишина, нарушаемая только постукиванием туфли об пол. Все терпеливо ждали.

– Не в первый раз ты ставишь меня в сложную ситуацию, Джулиан Блэкторн. И, подозреваю, не в последний, – сказала она, наконец.

– Ничего сложного тут нет, – ответит Джулиан. – Перед вами Черная книга. Вы сказали, что если я принесу вам Черную книгу, вы нам поможете.

– Не совсем, – возразила Королева. – Я помню, что обещала, но некоторые обещания могут быть уже неважны.

– Прошу вас вспомнить, вы обещали нам помощь, – твердо сказал Джулиан. – И сейчас я прошу вас помочь нам отыскать Аннабель Блэкторн здесь, в стране фэйри.

– Мы и так уже здесь и найдем ее сами, – вспыхнула Эмма. – Нам не нужна помощь этой... этой личности!

Она выразительно посмотрела на Королеву.

– У нас есть только карта, которая почти не работает, – возразил Джулиан. – На поиски могут уйти недели. Мы будем бродить по этому миру, пока у нас не кончится еда. А у Королевы повсюду шпионы. Она может привести нас прямо к ней. Она знает обо всем, что происходит в этих краях.

Королева улыбнулась.

– И что же вам нужно от Аннабель? Что вы потребуете у нее, когда найдете? Вторую Черную книгу?

– Да, – честно сказал Джулиан. – Копию можете оставить себе. Мне нужно отнести оригинал Черной книги в Идрис и доказать Конклаву, что она больше не у Аннабель Блэкторн.

Он помолчал.

– Но вообще-то я хочу мести. Простой и чистой мести.

– Ничего простого в мести нет. И тем более ничего чистого, – сказала Королева, но в ее глазах блеснул интерес.

«Если Королева так много знает, почему сама не убьет Аннабель Блэкторн?» – подумала Эмма. Казалось бы: иди и возьми свою книгу. Или все дело в том, что тут замешан Неблагой Двор? Но рот она на всякий случай держала закрытым – ясно, что они с Джулианом видят ситуацию по-разному.

– В тот раз тебе была нужна армия, – продолжала Королева, – а теперь всего лишь найти Аннабель Блэкторн?

– Это более выгодная для вас сделка, – кивнул Джулиан, однако «да» не сказал.

Кажется, ему нужно от Королевы не только это.

– Возможно, но я еще не окончательно убедилась в ценности этой рукописи, – сказала Королева. – Сначала я хочу получить мнение эксперта. А до тех пор вы останетесь здесь, при Дворе.

– Нет! – вскрикнула Эмма. – Мы не останемся в стране фэйри неизвестно на сколько! – она рассерженно повернулась к Джулиану. – Вот так они тебя и обманывают! На неопределенный срок!

– Я присмотрю за вами, – неожиданно сказала Нене. – Ради Марка. Я возьму вас под защиту и прослежу, чтобы вам не причинили вреда.

Королева не слишком дружелюбно посмотрела на нее, а потом снова повернулась к гостям из мира людей.

– Итак, что скажете?

– Ну, не знаю, – сказал Джулиан. – Мы заплатили за книгу высокую цену, утратами и кровью. А теперь должны ждать?..

– О, ну хорошо! – воскликнула Королева, и Эмма снова заметила странный блеск в ее глазах. Что это было? Жадность и нетерпение? Возможно книга нужна ей гораздо больше, чем они думали? – В знак моего доверия я частично выполню обещание. Я расскажу, как разорвать некие узы... Тебе, Джулиан, но не ей, – она указала на Эмму. – Это в наш договор не входило.

Джулиан со свистом втянул воздух. Возможно, его чувства к Эмме и оцепенели, но что-то в нем до сих пор страстно этого желало – знания, как можно разорвать связывающие их узы. Возможно, сейчас это просто атавизм – ну, вроде как он описывал потребность защищать Тая? Глубоко укорененное стремление выжить.

– Нене, – распорядилась Королева, – проводи Эмму в комнату, которую она занимала в прошлый раз, когда была гостьей Двора.

Фергус издал короткий стон. В прошлый раз Эмма и Джулиан ночевали в его спальне. Нене приблизилась к трону, положила копию Черной книги к ногам Королевы и отступила, встав рядом с Эммой.

Алые губы Королевы тронула улыбка.

– Джулиан и я останемся здесь и побеседуем наедине, – объявила она. – Стража, вы можете идти.

– Меня не обязательно выгонять, – сказала Эмма. – я в курсе, о чем пойдет речь. Разрыв клятвы парабатаев. Здесь не о чем говорить – этого не будет.

– Маленькая дура, – Королева смерила ее презрительным взглядом. – Наверняка ты думаешь, будто защищаешь что-то священное. Что-то доброе.

– Я отдаю себе отчет, что это недоступно вашему пониманию, – пожала плечами Эмма.

– А что ты скажешь, если я открою тебе: в самом сердце парабатайских уз есть червоточина. Яд. Тьма, равная всему содержащемуся в них свету. Тому, что парабатаям нельзя влюбиться, есть своя причина, и она чудовищнее всего, что ты в силах себе вообразить.

Ее губы мерцали, как отравленное яблоко.

– Руна парабатаев дана вам не Ангелом, а людьми, а люди по природе своей с изъяном. Дэвид Безмолвный и Джонатан Сумеречный охотник сотворили и руны, и церемонию. И ты думаешь, у этого нет никаких издержек?

Это была чистая правда. Да, Эмма знала. Руны парабатаев не было в Серой книге. Но не было там и руны Альянса, которую создала Клэри, а эта руна считалась абсолютно благой.

Королева, как всегда, поворачивала правду тем боком, какой был выгоден ей. Глаза ее были словно осколки голубого льда.

– Я вижу, ты не понимаешь, – бросила она. – Но поймешь.

Не успела Эмма возразить, как Нене взяла ее за руку.

– Идем, – тихонько сказала она. – Пока Ее Величество еще в хорошем настроении.

Она украдкой посмотрела на Джулиана. Тот стоял, где был: спина напряжена и пряма, твердый взгляд устремлен на Королеву. Надо же что-то сказать! Возразить, предупредить его, чтобы не слушал лживых речей Королевы, напомнить, что нельзя – нечем! – оправдать разрушение всех парабатайских уз на этом свете... что бы и кто бы ни стоял на карте.

Даже если это их обоих освободит. Если вернет ей обратно Джулиана...

Она не смогла выдать ни слова. И молча покинула королевские палаты следом за Нене.

10

Меж капищ

При виде Сумеречного базара в груди у Кита что-то затрепетало. Стояла обычная лос-анджелесская ночь: как только село солнце, похолодало; холодный ветер помчался через пустырь, где находился Базар; закачались, зазвенели десятки колокольчиков на углах палаток под белыми тентами.

Сидя на заднем сиденье «Убера», Тай ерзал от предвкушения и волнения, и справлялся с ними как умел: закатал Киту рукав и начертал на голой коже несколько рун. Теперь их было три: Ночное видение, Проворство и еще одна под названием Талант – Тай сказал, она сделает речь носителя более убедительной. Они вышли на Кендалл. Они стояли вдвоем на самой границе Базара, одетые как можно более заурядно – джинсы, худи на молнии, байкерские ботинки.

Но все равно в Тае с первого взгляда узнавался Сумеречный охотник. Он держался как Охотник – шел как Охотник, выглядел, как Охотник, тем более что на детской коже запястий и шеи виднелись руны. А еще синяки – каких ни один обычный мальчишка в жизни не зарабатывает, если только не посещает подпольный бойцовский клуб.

Но и это было бы неважно, даже если бы он их прикрыл. Ангельское наследие у этого племени разве что сквозь поры не сочилось. Кит уже начал думать, не разит ли и от него Охотником.

– Не вижу никаких ворот, – Тай повертел головой.

– Врата, они... метафизические. Не совсем реальные, – постарался объяснить Кит.

Они зашагали к той части Базара, где торговали зельями и амулетами. В киоске, увитом ползучими розами – алыми, розовыми, белыми, – продавались любовные талисманы. В палатке под бело-зеленым навесом предлагали удачу и добрую судьбу, а в жемчужно-сером шатре, за тюлевыми занавесками, сулившими тайну и приватное обслуживание, – и более опасными вещами. Некромантия и магия смерти на Базаре были строго запрещены, но за соблюдением правил никто особенно не следил.

Молодой пука стоял, прислонившись к ближайшему фонарному столбу, и дымил сигаретой. За ним раскинулась паутина мерцающих торговых рядов, словно сеть манящих, уютных переулочков. Голоса звенели, украшения качались и поблескивали, пахло специями и благовониями. Кит едва не лопался от радости и тревоги и время от времени искоса поглядывал на Тая. Они еще не вступили на территорию Базара – интересно, Тай сейчас думает о том, как ненавидит Лондонский базар? Его тогда бросило в дрожь и пот от внезапной панической атаки: слишком светло, слишком шумно, все давит, слишком много всего, перегрузка по всем каналам!

Он бы спросил, все ли с Таем в порядке, да только ему это вряд ли понравится. Тай разглядывал Базар, напрягшись от жадного любопытства.

– О, привратник, – сказал он пуке. – Мы просим права войти на Сумеречный базар.

Тай мгновенно переключился в режим «внимание». Пука был высокий, темный, худой, с золотыми и бронзовыми прядями в длинных волосах. Вдобавок в пурпурных штанах и босой. Фонарный столб торчал между двух прилавков, преграждая путь.

– Кит Грач, – отозвался привратник. – Какая честь быть узнанным тем, кто покинул нас и отвалил к ангелам.

– Он тебя знает, – пробормотал Тай.

– На Сумеречном базаре меня все знают, – попробовал произвести впечатление Кит.

Пука затушил сигарету. Тошнотворно и сладко запахло каким-то травами.

– Пароль, – потребовал он.

– Не скажу, – ответил Кит. – Думаешь, это смешно, вытрясать его из людей?

– Что вытрясать? Какой пароль? – требовательно спросил Тай.

– Жди здесь, Кит Грач, – усмехнулся пука и растворился в тенях.

– Он пошел за Хейлом, – сказал Кит, пытаясь не показать, как нервничает.

– А они там нас видят? – поинтересовался Тай, разглядывая Базар, где группки Нижнемирцев, ведьм и других представителей магического подполья, клубились и двигались в неумолчном шуме среди огней. Прямо как стоять за порогом ярко освещенной комнаты в темноте, подумал Кит. Тай, возможно, сказал бы не так, но чувствовал явно примерно то же.

– Если и видят, они этого все равно не покажут.

– Слушай, Ватсон... – Тай резко повернулся к нему; взгляд скользнул по уху, скуле, но на глазах почему-то не задержался...

– Кит Грач и Тай Блэкторн, – отрывисто произнес голос из сумрака. – Хотя на самом деле вы, конечно, не Кит Грач и Тай Блэкторн: они не так глупы, чтобы соваться сюда.

Перед ними стоял Барнабас Хейл, хозяин Базара.

– Видимо, это был комплимент, – заметил Тай, искренне удивившись.

– Конечно, это не мы, – ответил Кит. – Скорее всего, кто-то списал имена с коробки конфет, которую ты так неуважительно выбросил.

Хейл нахмурился. Выглядел он как обычно – невысокий, покрытый чешуей, в змеиных глазах – вертикальный зрачок. В полосатом костюме, который пришлось сильно перешить на такую сложную фигуру: редко когда заказчик бывает трех футов в высоту и столько же в ширину.

Пука вернулся с ним и снова занял пост у фонарного столба: только черные глаза теперь маслянисто блестели.

– Докажи, что ты Кит Грач, – потребовал Барнабас Хейл. – Скажи пароль.

– Не скажу. Ни сейчас, ни вообще.

– Да что за пароль-то? – возмутился Тай.

– Просто пропустите нас, и дело с концом, – сказал Кит. – Нам неприятности не нужны.

Хейл захохотал. Его смех был похож на лай собаки.

– Это вам-то не нужны? Вам двоим? Вы в курсе, какой переполох устроили в Лондоне? Порча частной собственности, нападение на торговцев, а ты, – он ткнул пальцем в Тая, – убил несколько фэйри. Ненавижу вас. Убирайтесь!

– А теперь послушай меня! – рявкнул Кит. – Помнишь, как тот фэйри спалил пол-Базара, а через год его приняли обратно, потому что у него был небывалый урожай куриных зубов? А вервольфа с ламой, и чем все кончилось? И его тоже не выгнали, потому что у него был канал поставок инь-фэня.

– Так, и о чем же ты, парень, толкуешь? – Хейл вздохнул. – Эх, полцарства за сигару. Надо было бросить...

– Закон Базара прост. Все в порядке, пока ты приносишь прибыль. Так?

– Так, – кивнул Хейл. – Именно поэтому мы так долго терпели Джонни Грача. И тебя, пока Охотники тебя не нашли. Но теперь-то нашли, и ты вот-вот узнаешь, кто ты на самом деле такой, и...

– И что это все значит? – подозрительно спросил Тай.

Поднявшийся ветер взметнул его волосы, как черные флаги.

– Все имеет свою цену, – объяснил Хейл. Его голос звучал раздраженно, как у того, кто и так сказал слишком много, и хочет сигару, а ее у него нет. – Тем более что твои деньги, Грач, здесь не в ходу. Я мог бы пойти навстречу в обмен на твоего тощего друга. Но этого все равно недостаточно.

Он ткнул пальцем в Тая.

– Чисто теоретически – о какой сумме речь? – заинтересовался тот.

– Гораздо меньше, чем я мог бы выручить, например, за Эмму Карстерс, – мрачно ответил Хейл. – А вот за ее голову отдельно от тела – гораздо больше.

Тай переменялся в лице. Вспомнил, наконец, что Базар – опасное место. Вся их затея чертовски опасна.

Кит почувствовал, что они теряют контроль над ситуацией.

– Никаких голов. Слушайте, мистер Хейл, мой отец никому не доверял. Вы это знаете. Самое ценное, что у него было, он спрятал по всему Лос-Анджелесу – там, где, как он думал, никто не найдет.

– Я тебя внимательно слушаю, – сказал Хейл.

Рискованно, но что поделаешь...

– Один предмет как раз здесь, на Сумеречном базаре. Украшенный рубинами экземпляр «Красных свитков магии».

Пука присвистнул, негромко и длинно.

– Я отдам его вам. Более того, отдам даром. Но вы должны снова пустить нас на Сумеречный базар. Свободная торговля, и все такое.

Хейл сокрушенно покачал головой.

– А вот теперь мне позарез нужна сигара, – сказал он. – Такое дело нужно отпраздновать. Я его уже нашел, глупый ты ублюдок. Когда мантиды замочили твоего отца, мы перевернули весь его киоск.

Он отвернулся, потом посмотрел на них через плечо. Лунный свет будто отскакивал от его белой чешуйчатой шкуры.

– Вы, детки, заплыли не в те воды. Убирайтесь-ка из Нижнего Мира, пока вас никто не пришиб. Например, я.

Раздвоенный язык мелькнул между его губ, облизал их. Кит отшатнулся, а Хейл растворился в гуще Базара, и толпа поглотила его.

Кит не решался посмотреть на Тая. Ему словно дали под дых, вышибли весь воздух. Шок и стыд дрались за право первым скрутить ему желудок.

– Я... – начал он.

– А ведь хватило бы и просто пароля, – философски заметил пука.

Потеряв терпение, Кит показал ему средний палец.

– Вот тебе пароль.

Тай, сдерживая смех, потянул его за рукав.

– Пошли, – сказал он. – Давай-ка выбираться отсюда.

* * *

– С гордостью объявляю, что проект Регистра жителей Нижнего Мира готов воплотиться в реальность, – сказал Гораций Диарборн.

В рядах нефилимов, сидевших в Зале Соглашений, прокатился ропот. Диана сказала бы, что это было похоже на рык дикого зверя, отгоняющего другого голодного зверя от своей добычи.

Гораций стоял, заложив руки за спину, с бледной улыбкой на губах. Слева от него возвышалась Зара в доспехах центуриона; ее волосы были заплетены в косу и короной уложены вокруг головы. Справа – Мануэль с подчеркнуто нейтральным выражением лица, которое портили только глаза, полные злорадства. Все вместе это выглядело гнусной пародией на семейный портрет.

– Институтам будет предоставлено ограниченное время, чтобы зарегистрировать местных Нижнемирских, – продолжал Гораций. – Число зарегистрированных должно соответство-

вать квоте, установленной согласно нашим данным о численности локальных популяций. Провести регистрацию следует в первые несколько недель после того, как закон будет принят.

При каждом слове Диану окутывало волной ледяного ужаса. Она невольно смотрела на Джаа, которая сидела в высоком деревянном кресле на краю помоста. Лицо Консула превратилось в напряженную маску. Возможно, то, что затеял Гораций, гораздо хуже, чем она предполагала.

– А если Нижнемирские откажутся? – спросил кто-то.

– Тогда они лишатся защиты, положенной им по Соглашениям, – ответила вместо отца Зара, и Диану снова окатило холодом.

Снятие защиты означало очень простую вещь: любой Сумеречный охотник мог убить жителя Нижнего Мира среди бела дня и посреди улицы, без причин и поводов, и не понести за это никакого наказания.

– Мы отдаем себе отчет в том, какой объем работы ожидает Институты, но уверены, что все охотно будут сотрудничать ради блага нашей расы.

– Каждое зарегистрированное лицо нижнемирского происхождения получит персональный номер, – заверил собравшихся Гораций. – Если Сумеречный охотник остановит его – по любой причине и в любом месте, – житель Нижнего Мира обязан будет сообщить свой номер.

Голоса в зале стали более тревожными.

– Считайте это документом, удостоверяющим личность, – сказал Мануэль. – Безопасность и строгий контроль – вот наши приоритеты.

– Хочу услышать мнение Консула! – крикнула с места Кармен Розалес Дельгадо, глава Института Мехико и по совместительству мать Кристины (больше похожая на собственную дочь).

Гораций поморщился. Технически, как инициатор нового закона, он имел право, чтобы его не перебивали, пока не вышел лимит времени, отведенного на его выступление. Диане казалось, что он говорит уже несколько лет.

Он неловко махнул рукой в сторону Джаа. Она стиснула подлокотники кресла.

– Вот мое мнение: этот закон – скверная идея, – твердо сказала она. – Жители Нижнего Мира будут сопротивляться тому, что кажется вопиющим превышением нефилимами своих полномочий. В результате воцарится атмосфера взаимного недоверия.

– Правильно. Ведь мы им не доверяем, – бросил Мануэль.

В задних рядах послышался смех. Диана окончательно потеряла терпение.

– У меня вопрос к Инквизитору, – сказала она, вставая.

– Все вопросы и замечания – позже, Диана, – Инквизитор посмотрел на нее тяжелым взглядом.

Ей очень не понравилось, как он произнес ее имя. Казалось, что он считает его отвратительным. Наверняка Зара уже успела наговорить отцу гадостей про нее: когда-то Диана унизила ее перед центурионами, а патологические нарциссы вроде Зары оскорблений не прощают.

– Пусть говорит, – возразила Джаа. – Любой на Совете имеет право высказаться.

– Возможно, вам это нововведение кажется незначительным, – начала Диана, остро чувствуя устремленные на нее взгляды, – но Нижнемирским оно таким не покажется. Будет резонанс, будут последствия, и, поверьте, не положительные. Даже если регистр вводится как временная мера, всегда найдутся основания его продлить. Отменить такой закон всегда гораздо труднее, чем ввести. Вполне возможно, жители Нижнего Мира в ответ потребуют, чтобы Охотников тоже регистрировали, – для сохранения паритета. Вы готовы к тому, что нефилемы должны будут всегда носить с собой документы?

Это произвело эффект. Совет возмущенно загудел.

– Нет! Никогда! – отрезал Диарборн.

– В таком случае ваша инициатива эффективно превращает Нижнемирских в низший класс, – сказала Диана. – У нас будут права, которых не будет у них. Не хотите об этом подумать?

– Почему тебя это так беспокоит, Диана Рейберн? – поинтересовался Мануэль мягким, чарующими голосом. Глаза его поблескивали, как стеклянные шарики. – Может быть, кто-то из Нижнего Мира дорог твоему сердцу... и окажется под ударом?

– У многих Охотников есть Нижнемирские, которые им дороги, – спокойно ответила Диана. – Невозможно полностью отделить нас от группы человеческих существ, с которыми у нас больше общего, чем с простецами.

Она сама знала, что на это можно ответить: простецов мы не боимся. Зато боимся Нижнемирских, а то, чего мы боимся, мы жаждем контролировать. Но вряд ли Гораций отдавал себе отчет в таких психологических тонкостях. Она села, сопровождаемая огненным взглядом Инквизитора Диарборна, в котором читалось открытое омерзение.

– Это слишком сложный вопрос, – сказала Джиа, поднимаясь на ноги. – Я думаю, голосование стоит отложить на неделю, пока Совет не ознакомится со всеми возможными последствиями решения.

Инквизитор все с тем же выражением лица перевел взгляд на нее, но ничего не сказал. Совет облегченно загудел. Даже Горацию Диарборну хватило ума не ломить против общественного мнения прямо сейчас. Собрание окончилось. Он остался на помосте, последователи окружили его плотной толпой.

Изнемогая от усталости, Диана зашагала к одному из ближайших выходов. Ее словно вызвали свидетелем на публичную казнь, только чтобы отложить экзекуцию на неделю. Облегчение – да, но и страх. Страх перед тем, что уготовило им будущее.

– Диана! – голос был высокий, с акцентом.

Диана обернулась и увидела женщину из Барселонского Института – Трини Кастель. Ее птичья ручка легла на локоть Диане.

– Меня очень вдохновили ваши слова, мисс Рейберн, – сказала она. – Вы совершенно правы в том, что чьи бы то ни было права нельзя вот так просто сбрасывать со счетов.

– Спасибо, – Диана, признаться, очень удивилась.

Трини Кастель улыбнулась ей и поспешила прочь.

На открывшемся за ней помосте стояла Зара, пристально глядя на Диану. В лившемся через окно бледном свете голая ненависть у нее на лице читалась ясно как день. И нет, ни за какие прошлые обиды так не ненавидят.

Диана, содрогнувшись и поскорее покинула Зал.

* * *

Подозрительное стечение леев оказалось в небольшом пустынном парке возле шоссе, ведущего к Долине антилоп, знаменитой своими песчаниковыми скалами. Хелен и Алина слегка удивились, что Кристина и Марк собираются его патрулировать, но остановить их не пытались, словно и сами считали, что патрулирование теперь – нормальная часть Охотничьей жизни, и чем быстрее все вернутся к обычным делам, тем лучше для всех.

Поездка из Малибу (они взяли грузовик Дианы, брошенный на парковке Института) напомнила Кристине длинные прогулки на машине с Эммой: окна опущены, музыка орет, пляж переходит в шоссе, переходящее в пустыню; солнце садится в огненном мареве. Марк закинул свои голенастые ноги на торпеду и время от времени поглядывал на Кристину. Они ехали молча. Она чувствовала его взгляд, почти как прикосновение к коже.

Парк «Васкес-рокс» закрывался на закате. Кристина свернула на пустую парковку и заглушила мотор. Они оба собрали оружие с пола грузовика, защелкнули ручные протекторы и

застегнули боевые пояса. Кристина прикрепила к нему вдобавок полуторный меч и любимый балисонг. Марк нашел черный рунный кнут и для пробы хлопнул им несколько раз. Любуясь, как тот вьется на фоне вечернего неба, он выглядел очень довольным.

Перед выходом они нанесли руны на кожу. На горле Марка отсвечивало черным Ночное видение. Они прошли под прожекторами рейнджерского поста и вступили на тропку, вившуюся среди скал, которые гнулись и складывались, что твой конверт.

Кристина дышала всей грудью. Больше всего в Калифорнии ей нравился вот этот запах пустыни: чистый воздух, немного можжевельника, толокнянки и шалфея. Небо тайной сокровищницей распахнулось над головой, усеянное миллионами звезд.

Они миновали деревянную табличку, указывающую на тропу. Над головой, почти заслоня луну, выросла гигантская скала.

– Вон слияние леев, – сказал Марк, показывая вперед.

Кристина не спросила, откуда он знает – фэйри такое просто чувствуют. Они двинулись к скалам, торчавшим из песка, словно руины потерпевшего крушение космического корабля. Песок громко хрустел под сапогами – руна Слуха усиливала звук, направляя его прямо в уши.

Позади вдруг раздалось жужжание насекомых. Кристина обернулась. Марк озадаченно уставился на сенсор.

– Жужжит, – заметил он. – Но не так, как раньше.

Кристина медленно обвела взглядом пустыню, раскинувшуюся вокруг ковром в черных, коричневатых и тускло-золотых тонах. Небо было словно из темного бархата.

– Я ничего не вижу, – призналась она.

– Подождем здесь, – предложил Марк. – Вдруг оно опять это сделает.

Кристину перспектива околачиваться под романтической луной в компании Марка не слишком прельщала.

– А я думаю, нам надо идти дальше.

– Кристина, – рассудительно заметил он, – мне кажется, ты на меня сердиться.

– От тебя ничего не скроешь, Марк Блэкторн, – она закатила глаза.

– Прошлой ночью... – Марк опустил сенсор. – Дело не в том, что я не хотел... Я как раз хотел...

Кристина покраснела и пришла в бешенство.

– Марк, дело не в этом. Можешь хотеть или не хотеть, сколько тебе угодно. Дело в том, что ты соврал.

– Людям свойственно врать, – его двуцветные глаза неожиданно сверкнули. – Смертные лгут друг другу каждый день, особенно, если речь о любви. Моя ложь что, была недостаточно хороша? Мне нужно больше упражняться?

– Нет! – рявкнула она. – Мне всегда нравилось, что ты не врешь, Марк. Именно поэтому я... Черт, неужели ты не понимаешь? Я не ожидала, что ты станешь врать мне.

– Ты видела, как я лгал Кьерану, – возразил он.

– Да, но это было ради спасения жизни, – отрезала она. – Возможно, твое нежелание заниматься со мной сексом тоже связано со спасением жизни... Хотя, нет, прости, это маловероятно.

– Да хотел я! – взорвался Марк. – Пойми, наконец: я действительно хотел быть с тобой так, и по-другому тоже, и это не ложь!

Кристина села на камень. Ее сердце неприятно колотилось... Она только что произнесла слово «секс» и очень смутилась.

– Тогда я просто не понимаю, зачем ты это сделал, – пробормотала она. – Ты хотел кого-то пощадить? Кьерана?

– Я хотел пощадить тебя, – сказал он. Его голос был темен и тверд, как лед в конце зимы.

– И от чего же ты хотел меня защитить, позволь спросить?

– Ты сама знаешь, кто ты! – воскликнул он.

Она удивленно уставилась на него, не понимая, о чем речь. Вроде бы ее все здесь знают – и он, и все остальные.

– Кьеран звал тебя принцессой нефелимов, и не зря.

Луна уже полностью показалась, и ее серебряно-белый свет превратил его шевелюру в нимб и озарил глаза – огромные, сине-золотые и полные страдания.

– Ты – один из лучших представителей нашего народа, какого я знаю. Блистательный, праведный, добродетельный. В тебе соединилось все добро, о каком я только могу помыслить, все, чем я сам хотел бы стать, и чем никогда не стану. Я не хочу, чтобы ты сделала хоть что-то, о чем потом будешь жалеть. Не хочу, чтобы ты вдруг поняла, как глубоко пала по сравнению с собственными стандартами... когда пала в мои объятия.

– Марк!

Она вскочила, подошла к нему. Что-то со стуком упало на землю. Ее руки взлетели, обвинили его и крепко сжали. Мгновение он стоял как громом пораженный, потом его тело расслабилось, руки обхватили ее, губы коснулись щеки, волос, выбившихся из косы.

– Кристина... – прошептал он.

Она отстранилась, чтобы взять в ладони его лицо, очертить пальцами линию скул. Кожа у него, как у всех фэйри, была невероятно гладкая, никогда не знавшая бритвы.

– Марк Блэкторн, – сказала она, и от выражения его глаз она задрожала. – Жаль, что ты не видишь себя таким, как вижу я. В тебе – столько всего, что мне и в голову не приходило пожелать, но теперь я желаю. Я желаю всего – с тобой.

Он прижал ее к себе, будто охапку цветов. Губы скользнули по ее щекам, по подбородку, потом встретились с ее губами, жарко пылая на холодном ветру, и Кристина ахнула от пронзившего ее, подобно стреле, желания.

У его губ был вкус меда и эльфийского вина. Они пошатнулись, привалились к скале. Его руки уже расстегивали ее куртку, пробирались внутрь, под рубашку – жадно, словно им не терпелось коснуться тела. Он бормотал что-то вроде «прекрасна» и «совершенна», а она улыбалась и скользила языком по его нижней губе, и он тяжело дышал, словно она всадила в него нож, а потом беспомощно стонал и лишь крепче прижимал ее к себе.

Раздался громкий сигнал сенсора.

Они отшатнулись друг от друга, хватая воздух ртом. Кристина дрожащими руками застегивала куртку, Марк нашаривал сенсор. Он снова где-то зажужжал, и они озирались, ища его.

– Проклятье! – прошипела она сквозь зубы.

Зуммер еще раз настойчиво взвыл, а потом что-то ударило ее в бок. Это был Марк. Он сшиб ее на землю, и оба покатались в сторону, а над ними взмыло что-то огромное, темное. Черные крылья раскинулись рваными тенями. Кристина поднялась на локте, сорвала с пояса покрытый рунами кинжал и метнула его.

Наверху раздался крик. Колдовской свет озарил небеса: это Марк уже стоял на коленях, сжимая в руке рунический камень. А над ними хлопал крыльями белолицый демон, будто одетый в плащ, изорванный в лохмотья, и рукоять кинжала торчала у него из груди. Его очертания уже начали размываться; он завопил снова, пытаясь зацепить кинжал когтями, а потом сложился, как лист бумаги, и пропал.

– Это гарпия, – Марк вскочил на ноги и помог Кристине встать. – Наверняка пряталась в скалах, поэтому сенсор ее и не засек.

– Надо убираться отсюда, – Кристина быстро огляделась. – Судя по сенсору, здесь должны быть и другие.

Они побежали по тропинке назад, оглядываясь, не преследует ли их кто-нибудь.

– Хочу внести ясность! Появление гарпии – не моих рук дело, – заметил на бегу Марк, – и я был бы счастлив продолжить наше близкое общение.

– Приятно слышать, – вздохнула Кристина и свернула в кусты, срезая путь. Вдалеке уже поблескивал металлом их грузовичок. Но Марк почему-то остановился.

– Кристина, смотри...

Она огляделась, но ничего особенного не увидела.

– Да вниз же!

Она опустила глаза.

И ведь подумала тогда, что ботинки слишком громко хрустят по песку. Это был не песок. На двадцать футов вокруг простирался настоящий лунный пейзаж. И шалфей, и суккуленты высохли, побелели, как пепел, стали похожи на старые кости. Сам песок словно выжгло степным пожаром, а между камней валялись скелетики зайцев и змей.

– Это гниль, – слабым голосом сказал Марк. – Та же, что мы видели в землях фэйри.

– Но здесь-то она откуда? – не верила своим глазам Кристина. – Какая связь между силовыми линиями и гнилью? Это разве не магия фэйри?

Марк покачал головой.

– Понятия не...

Ночь взорвалась визгом и воплями. Кристина резко обернулась, подняв облако пыли: со всех сторон поднимались крылатые тени. Теперь демонов было лучше видно. Птиц они напоминали только тем, что у них были крылья. То, что казалось перьями, на самом деле было черными развевающимися лохмотьями, болтавшимися на белых костлявых телах. Пасти были полны кривых, неровных зубов – казалось, что твари жутко улыбаются. Глаза выпирали из глазниц желтыми шарами с черными точками зрачков.

– Но сенсор... – прошептала она. – Почему он не сработал? Почему...

– Бежим! – крикнул Марк, и они бросились бежать, а гарпии, визжа и хохоча, взмыли в ночное небо.

Громадный камень упал на землю рядом с Кристиной; другой просвистел в дюйме от головы Марка.

Кристина с удовольствием повернулась бы и ударила балисонгом ближайшего монстра, но на бегу это было трудно. Марк отчаянно ругался, уворачиваясь от камней размером с бейсбольный мяч. Один такой попал Кристине в руку – когда она уже выбежала на парковку и схватилась за ручку двери. Марк запрыгнул в кабину с другой стороны. Несколько секунд они сидели внутри и хватали ртом воздух, а камни градом сыпались на грузовик.

– Диана нам спасибо не скажет, – пробормотал Марк.

– У нас есть проблемы и похуже.

Кристина сунула ключ в зажигание, грузовик рывком завелся, сдал назад и замер. Камни вдруг перестали грохотать по крыше. Наступившая тишина казалась еще страшнее.

– Да в чем дело? – Кристина непонимающе вдавила педаль в пол.

– Скорее! – закричал Марк. – Нужно убираться отсюда!

Он схватил Кристину за руку и буквально выдернул с водительского места и перетащил на свою сторону. Оба вывалились из машины, Кристина неуклюже упала на Марка. Грузовик оторвался от земли.

Гарпии вцепились в кузов, проткнув железо когтями и держась за открытые окна. Машина возносилась вверх под визг и хихиканье демонов... а потом они ее отпустили. Перевернувшись вверх тормашками, грузовик с диким грохотом ударился о землю, куча битого стекла и искореженного металла завалилась на бок и осталась беспомощно лежать на песке. Одна из гарпий проехала на ней до земли, как на доске для серфинга, и теперь, вереща и кудахча, сидела на обломках.

Кристина вскочила и двинулась к куче покореженного металла, от которой резко пахло бензином. Гарпия, слишком глупая, чтобы осознать надвигающуюся опасность, повернула к ней белое ухмыляющееся лицо.

– Скалы – наше место, – прошипела она. – Отравленное место. Лучшее из всех.
– *Callate!*

Выхватив меч, Кристина аккуратно срубила ей голову.

Ихор забил фонтаном. Тело демона сложилось и исчезло. Гарпии взвыли и ринулись вниз. Кристина увидела, как один из демонов целится в Марка, и вскрикнула. Марк вскочил на скалу и хлестнул кнутом. Грудь демона была рассечена, из нее сочился ихор. Жуткая тварь, вереща, ткнулась в землю – но следом за ней уже летела другая. Кнут обвился вокруг ее шеи, Марк резко дернул, и голова запрыгала среди камней, как жуткое перекаати-поле.

Что-то ударило Кристину в спину, да так, что ее ноги оторвались от земли. Гарпия вонзила когти сзади в ее куртку и начала поднимать ее в воздух. У орлов тоже, говорят, есть эта милая манера: взлететь с добычей повыше, а потом бросить, чтобы внизу их дожидался уже вскрытый и разделанный ужин. Земля под ногами уменьшалась с пугающей скоростью.

Закричав погромче, чтобы как следует напугать гарпию, Кристина нанесла удар мечом назад и вверх, перерубив суставы птичьих лап. Демон завизжал, а Кристина полетела, кувыркаясь, вниз, меч – в одну сторону, она – в другую, вытянув руки, чтобы хоть за что-нибудь ухватиться, замедлить падение...

Но тут что-то выхватило ее из пустоты.

Чья-то рука поймала ее за локоть и дернула вбок, довольно неловко усадив на что-то большое и теплое. Летучий конь. Она забилась, пытаясь за что-нибудь ухватиться, нащупала гриву... лошадь под ней ухнула в пустоту.

– Кристина, не шевелись!

Голос принадлежал Кьерану. Он был позади нее, пытался схватить ее за талию и прижать к себе. Каждое прикосновение пронзало ее будто электрическим током. Глаза у Кьерана были дикие, волосы – сине-черные, а конь... Это был Копье Ветра, и сейчас он пикировал вниз, к Марку, прямо сквозь стаю гарпий.

– Кьеран... берегись! – закричала Кристина.

Гарпии как раз обратили внимание на Копье Ветра, злобно сверкая желтыми глазами.

* * *

* * *

Кьеран вскинул руку, и что-то вроде тока снова прошло Кристину. Польшнул белый свет, демонов разметало в стороны, и Копье Ветра легко, как пушинка, опустился на землю прямо перед Марком.

– Марк, сюда! – Кьеран протянул ему руку.

Марк ответил улыбкой – Охотничьей, боевой улыбкой, показав все зубы, – и снес кнутом голову еще одному демону. Весь в крови и ихоре, он вскочил на лошадь позади Кьерана и обхватил его за талию. Копье Ветра взмыл вверх, гарпии ринулись следом, распахнув пасти, обнажив ряды зубов, как у акулы.

Кьеран прокричал что-то на языке фэйри, которого Кристину не знала. Конь начал подниматься под немыслимым для живого существа углом, а потом помчался стрелой.

Далеко под ними взорвался грузовик, увенчав последних гарпий огненной короной.

Вот Диана рассердится из-за машины, подумала Кристину и уткнулась в гриву Копья Ветра. Волшебный конь сделал круг под самыми облаками, и полетел в сторону океана.

* * *

Кит никогда раньше не бывал на крыше Лос-Анджелесского Института. Вид отсюда был лучше, чем с крыши Лондонского, приходится признать, – если только вы не фанат небоскребов. Здесь позади здания начиналась пустыня – расстилалась до самых гор, чьи снежные вершины сверкали отраженным светом города по ту сторону хребта, а долины купались в глубокой тени. Небо было усыпано звездами.

Перед Институтом раскинулся океан – бесконечно пугающий и великолепный. Ветер едва касался его блестящей поверхности, оставляя редкие завитки серебристой ряби.

– Тебе грустно, – сказал Тай. – Я прав?

Они сидели на краю крыши, болтали ногами над пустотой. Вот так он, наверное, и должен был жить в этом возрасте, думал Кит: забираться на крыши, совершать опасные глупости, от которых родители сходят с ума. Только вот родителей, которые должны были сходить с ума, у него не осталось, а опасные глупости были... не слишком глупы, зато по-настоящему опасны.

За себя он не боялся, зато боялся за Тая. Очень боялся. За этого самого Тая, который сейчас озабоченно смотрел на него: серые глаза скользили по лицу Кита, словно это была книга, которую Тай никак не мог прочесть.

«Да, мне грустно, – думал Кит. – Я застрял и запутался. Я хотел произвести на тебя впечатление на Сумеречном базаре и так увлекся, что забыл обо всем на свете. И о том, как на самом деле нужно было поступить. И о том, что никак не могу тебе сказать... что нам вообще не следовало бы этим заниматься».

Тай протянул руку и отбросил волосы с его лба – рассеянным жестом, от которого Кита будто током ударило. Он уставился на друга, а тот сказал:

– Тебе бы подстричься. Джулиан вон стрижет Тавви.

– Джулиана здесь нет, – сказал Кит. – И не уверен, что хочу воспользоваться его услугами.

– Он в этом совсем не плох, – Тай опустил руку. – Ты говорил, у твоего отца куча барахла спрятана по всему Лос-Анджелесу. Там есть что-нибудь полезное для нас?

«У твоего отца...» Словно Джулиан был отцом Тая. Хотя он им и был – до некоторой степени.

– Ничего некромантского, – ответил Кит.

Тай был явно разочарован. До сих пор слегка не в себе после электрошока, Кит решил, что так больше нельзя. Нужно стереть это выражение с его лица.

– Так. Мы уже попытались действовать напрямую и проиграли. Пора прибегнуть к фокусам.

– Не очень я разбираюсь в этих ваших фокусах, – признался Тай. – Читал книгу про них, но все равно не понимаю: почему люди вообще позволяют себя обманывать?

Взгляд Кита обратился на золотой медальон на шее Тая: на нем все еще была кровь... словно пятна ржавчины.

– Дело не в том, чтобы заставить людей поверить, во что ты хочешь. Они должны поверить в то, во что сами хотят верить. Задача фокуса – дать им то, что, по их мнению, им нужно.

Тай поднял глаза – они не встретились с глазами Кита, но проблеск понимания он в них прочитал. «Неужели дошло?» – подумал Кит с облегчением, но во то же время полный дурных предчувствий.

– Нужно немедленно отправить огненное письмо Гипатии Векс! – воскликнул Тай, вскакивая на ноги.

Это было совсем не то, чего ждал Кит.

– Зачем? Она ведь уже отказалась нам помогать.

– Отказалась. Но Тень говорил, она всегда сама хотела править Сумеречным базаром.

Тай криво улыбнулся и в этот миг, несмотря на разницу в цвете волос, стал очень похож на Джулиана.

– Она думает, что именно это ей и нужно.

* * *

Небо лежало перед ними, как шоссе. Звезды указывали повороты, а луна, как маяк, освещала путь домой.

Лететь на спине Копья Ветра было для Марка и очень странно, и очень знакомо. Он сидел, обхватив Кьерана руками. Сколько небес он уже вот так обнимал его и прижимался всем телом к его напряженному, словно кнут, и мощному телу, ощущая слабый, соленый как океан запах кожи и волос, навеки записанный в клетках его крови?

Он слышал, как смеется Кристина, смотрел, как она склоняется с коня, показывает какие-то ориентиры в улетающем назад пейзаже. Она спросила, нельзя ли пролететь над надписью «ГОЛЛИВУД» на холме, и Кьеран сделал крюк. Кьеран, который принципиально никогда никого не слушался!

И у Марка ёкало сердце, когда он слушал ее смех; и ёкало сердце, когда он касался Кьерана. Он снова был с ними, как тогда, в Лондоне, и хотя нервы были все еще на взводе, он все равно был рад получить Кьерана назад.

Копье Ветра опустился на пустыре за Институтом. Стояла тишина, нарушаемая только стрекотом цикад. Трудно поверить, что всего десять минут назад они дрались с демонами-гарпиями не на жизнь, а на смерть.

– Ты в порядке? – Кристина соскользнула с коня и, нахмурившись, смотрела вверх, на них. – Не слишком хорошо выглядишь.

Марк понял, что обращается она к Кьерану, – и неспроста. Кьеран явился им на помощь на Васкез-рок, едва не треща от электричества. Это была необузданная, дикая энергия, высшая магия – магия королевской семьи, и Марк никогда еще не видел, чтобы Кьеран вот так запросто ею пользовался.

Но сейчас сила, казалось, оставила его: он опирался на холку коня и тяжело дышал. На руках, на воротнике, на открытой коже виднелась кровь – зато в лице не было ни кровинки.

Марк нерешительно шагнул вперед. Он очень хорошо помнил, как Кьеран сказал, что между ними все кончено.

– Я не заметил, что тебя ранили в парке, Кир, – сказал он.

– Не в парке. Это еще из Схоломанта.

– Почему ты оттуда удрал? – спросила Кристина.

– Мне нужно вам кое-что рассказать, – Кьеран поморщился и хлопнул коня по крупу.

Тот, прядая ушами, потрусил прочь и растворился в тенях.

– Сперва мы должны отвести тебя наверх, – Кристина выжидающе посмотрела на Марка, словно он должен был подставить Кьерану плечо.

Когда этого не произошло, она подошла сама и положила его руку себе на плечи.

– Надо выяснить, насколько сильно тебе досталось.

– Нет, это важно... – запротестовал было Кьеран.

– Как и первая медицинская помощь, – перебила его Кристина и зашагала в дом.

Марк не стерпел, подскочил с другой стороны, и вместе они потащили хромающего фэйри в дом.

– Спасибо, Марк, – тихо пробормотал Кьеран.

Марк скосил глаза: сейчас Кьеран на него не сердился... зато сердился в их последнюю встречу, и еще как. Неужели забыл, как он, Марк, его предал? Не в натуре принцев забывать предательства и тем более прощать их.

Кристина что-то там говорила насчет еды и воды... у Марка так плясали мысли, что, очутившись в кухне, он растерянно заморгал: он-то думал, что они направляются либо к нему в комнату, либо к Кристине. Они усадили Кьерана на стул, и Кристина метнулась к раковине за мылом и мокрыми полотенцами.

– Я должен немедленно рассказать вам о том, что узнал.

Кьеран сидел на краю стула – длинные ноги, черная одежда в беспорядке, глаза, как уголья. Волосы у него переливались темно-синим. Этот фэйри был явно не на своем месте в мире людей: Марка так и пронзило болью и сочувствием, а еще – страхом... Он ведь и сам мог так выглядеть.

– Позволь осмотреть твоё лицо, – пальцы Кристины нежно принялись за работу.

Кьеран подался навстречу ее прикосновению, и Марк не мог его за это винить.

– Что случилось? – Кухня озарилась светом, на пороге стояла Хелен. – Кто-нибудь пострадал?

Марк и Кристина удивленно переглянулись. Кьеран посмотрел на одного, потом на другую и раскрыл рот...

– Вы что, нас ждали? – спросил Марк. – Уже за полночь!

– Никого я не ждала, – Хелен осуждающе посмотрела на свои спортивные штаны. – Я просто хотела бутерброд. Так вы, значит, ездили на грузовике Дианы за принцем фэйри?

Она прищурилась на Кьерана.

Кьеран все еще таращился на нее. Марк догадался, что он видит: сестру Марка, ту самую Хелен, о которой тот говорил годами в Дикой Охоте... и говорил с такой мукой.

Кьеран встал, подошел к Хелен, поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Возлюбленная сестра моего возлюбленного Марка. Какая радость видеть тебя в добром здравии и воссоединившейся с семьей!

– А он мне нравится, – заметила Хелен, обращаясь к Марку.

Кьеран отпустил ее руку.

– Леди, позволь выразить скорбь по поводу кончины твоей сестры, Ливии. Какое горе, что столь прекрасная и яркая звезда закатилась прежде времени.

– Да, – в глазах Хелен блеснули слезы. – Спасибо.

«Ничего не понимаю...»

Марк чувствовал себя как во сне. Он не раз представлял встречу Марка со своими родными... но как-то иначе. И Кьеран никогда не был так любезен и обходителен – даже в его мечтах.

– Так. Думаю, нам всем не помешает присесть, – сказала Хелен. – А мне – выслушать, что произошло во время вашего «совершенно обычного патруля».

Она посмотрела на Марка, выразительно подняв бровь.

– Сначала я должен рассказать о том, что случилось в Схоломанте, – твердо сказал Кьеран. – Дело не терпит отлагательств.

– И что же там случилось? – вздохнула Кристина. – Я думала, тебе там будет безопасно.

– Так и было, но недолго. А потом из Идриса явилась Когорта и обнаружила меня. Но этот рассказ как раз может подождать. Я принес новости, – Кьеран обвел их взглядом. – Инквизитор Конклава отправил Эмму и Джулиана с тайной миссией в страну фэйри. Рассчитывая, что они оттуда не вернуться.

Марк похолодел.

– О чем идет речь?

– Задание и так опасное, но за ними вслед были посланы люди, которые должны были гарантировать, что оно не будет выполнено...

Кьеран замолчал и как-то осел на стуле. Его лицо залила смертельная бледность.

Марк и Кристина бросились, чтобы поддержать его, и удивленно посмотрели друг на друга поверх его склоненной синеволосой головы.

– Кьеран, да у тебя кровь идет! – вскричала Кристина, прикоснувшись к его плечу: ладонь была испачкана красным.

– Пустяки, – хрипло пробормотал Кьеран.

Он действительно так считал, но пепельно-белое лицо и лихорадочный взгляд свидетельствовали о том, что это совершенно не так.

– Кьеран, тебе плохо, – твердо сказал Марк. – Ты должен отдохнуть. В таком состоянии от тебя никому нет никакой пользы.

– Так и есть, – поддержала его Кристина, глядя на свою окровавленную руку. – Мы должны немедленно заняться твоими ранами.

* * *

– А ты изменился, сын терний, – заметила Королева.

Она молчала уже несколько минут – пока стража и придворные покидали зал. Но Джулиан даже теперь сомневался, что они действительно остались одни. Мало ли какие духи скрываются в тенях?

Он мерил зал шагами, чувствуя необъяснимое беспокойство. Хотя он вообще мало что мог объяснить из того, что чувствовал сейчас. У него были порывы – одним он следовал, другие игнорировал – вспышки гнева, неприязни, и даже надежды... Но порыв, толкнувший его на убийство Дейна, он объяснить не мог, как и то, что почувствовал после того, как это случилось. Как будто нужные слова вдруг исчезли из его словаря.

Кажется, кто-то когда-то сказал ему, что последними словами Себастьяна Моргенштерна были: «Я никогда не чувствовал себя так легко». Ему сейчас тоже было легко, словно он наконец сбросил бремя постоянного страха и острого желания, к которому так привык, что уже не замечал, как оно давит на плечи. Но все равно где-то глубоко внутри от мысли о Себастьяне ему стало холодно. Правильно ли это – чувствовать такую легкость?

Он сознавал в себе некое нетерпение и знание, хотя и отдаленное, притупленное, что играет с огнем. Но это знание не сопровождалось ни страхом, ни тревогой. Просто холодная констатация факта.

– Теперь мы одни, – сказала Королева. – И можем хорошенько поразвлечься.

Он наконец на нее посмотрел. Трон выглядел по-другому, и сама она тоже. Теперь Королева раскинулась на алой кушетке, среди подушек, в волнах своих медных волос. Она была прекрасна; лицо налилось юностью и здоровьем, карие глаза сияли.

Вообще-то у Королевы голубые глаза; это у Эммы – карие.

Но от этой мысли картинка никак не изменилась: устремленные на него глаза Королевы переливались зеленым и желтым, и таинственно мерцали. Платье ее стало белым, шелковым, и когда она медленно провела пальцами одной ноги по голени другой, оно распахнулось, и в разрезе ее ноги открылись до самых бедер.

– Это гламор, – сказал Джулиан. – И мне хорошо известно, что под ним.

Она оперлась подбородком на руку.

– Мало кто осмелился бы говорить в таком тоне с Благой Королевой.

– Мало у кого есть то, чего хочет Благоя Королева, – парировал Джулиан.

Глядя на нее, он ничего не чувствовал. Она была прекрасна, но он не мог бы желать ее меньше, даже будь она красивым камнем или красивым закатом.

Королева сузила глаза, и они тут же снова стали голубыми.

– Ты и правда равнодушен, – сказала она. – Почти как фэйри.

– Я лучше.

– Правда? – Королева неторопливо села. Белый шелк лег соблазнительными складками. – Знаешь, что мой народ говорит о смертных, попадающих к нам в холм? В стране фэйри смертным неведома скорбь, но им неведома и радость.

– Почему? – спросил Джулиан.

Она рассмеялась.

– Сын терний, ты когда-нибудь думал о том, как мы заманиваем смертных жить среди фэйри и служить нам? Мы выбираем тех, кто что-нибудь потерял, и обещаем им то, чего люди желают больше всего на свете: прекращение горя и страданий. Мало кто догадывается, что, оказавшись в нашей стране, они попадут в клетку и никогда больше не узнают счастья, – она наклонилась вперед. – И сейчас в этой клетке ты, мальчик.

Холодок пробежал по его спине. Инстинктивный, как тот импульс, что заставил его подняться на костер Ливви.

– Ты пытаешься отвлечь меня, госпожа. Когда я получу то, что ты обещала?

– Что тебе за дело до обета парабатаев? Эмма, кажется, тебе теперь безразлична – я прочла это в ее глазах. Она тоскует по тебе, хотя ты стоишь рядом.

– Эти узы, – процедил Джулиан сквозь зубы. – Как их можно разорвать?

В голове у него тяжело пульсировало. Возможно, все дело в обезвоживании.

– Что ж, очень хорошо, – Королева откинулась на спинку трона. Ее длинные локоны змеились, спускаясь до самого пола. – Но учти, тебе это не понравится.

– Говори.

– У руны парабатаев есть изъян, которого нет ни у одной другой. Причина в том, что ее создал Сумеречный охотник Джонатан, а не ангел Разиэль, – говоря это, Королева пальцем лениво рисовала в воздухе спирали. – В Безмолвном городе хранится изначальная руна парабатаев, начертанная Сумеречным охотником Джонатаном и Дэвидом Безмолвным. Уничтожь ее, и узы всех парабатаев в мире исчезнут в тот же миг.

У Джулиана перехватило дыхание. Сердце стучало в груди, как молот. Все узы в мире будут разрушены... Он все еще не мог сказать, что чувствует, но сила этих чувств словно пыталась вытряхнуть его из его собственной кожи.

– И почему же мне это не понравится? – спросил он. – Потому что это очень трудно сделать?

– Не трудно. Невозможно. Или всегда считалось невозможным.

Королева выпрямилась и улыбнулась ему.

– В первый раз, когда мы с тобой об этом говорили, я не лукавила. Но с тех пор кое-что изменилось.

– Что ты хочешь сказать? Что изменилось?

– Есть лишь один способ уничтожить изначальную руну, – сказала Королева. – Ее нужно пронзить Мечом Смерти.

11

Зыбь морей, не страшных ясностью своей

Рана оказалась длинной, но не глубокой: просто порез на правом плече. Кьеран сидел, скрежеща зубами, в одной из пустых гостевых спален Института. Его правый рукав был начисто срезан мечом Кристины. Марк нервно подпирал ближайшую стену и наблюдал за процессом.

Кристина удивилась тому, какие у Кьерана мускулистые руки. Даже после того, как он пронес ее через весь Лондон, она все равно почему-то считала фэйри хрупкими существами. Он и был хрупкий, но при этом удивительно прочный. Мышцы у Кьерана как-то плотнее обвивались вокруг тонких костей – плотнее, чем у людей, и его тело было жилистым, сильным.

Кристина смыла кровь и исследовала кожу вокруг раны. Кьеран поежился, прикрыв глаза.

– Не вижу признаков инфекции, и швы тоже не нужны, – сказала Кристина, чувствуя себя виноватой, что причинила ему боль. – Достаточно просто перевязать.

Кьеран искоса посмотрел на нее: разобрать выражение его лица в полумраке было невозможно. В комнате горела только одна лампа, да и та – под плотным абажуром.

– Прости, что доставил вам такие неприятности, – сказал Кьеран тихо – особенным ночным голосом, каким стараются не разбудить тех, кто спит. – Вам обоим.

– Никаких неприятностей ты нам не доставил, – сказал Марк. Его голос был хриплым от усталости. – Ты принес информацию, которая поможет нам спасти любимых людей. Мы очень благодарны.

Кьеран нахмурился, словно слово «благодарны» пришлось ему не по вкусу. Не успела Кристина ответить, как ночь разорвал крик – нет, даже вой. Полный ужаса и горя.

Даже зная, что это такое, Кристина все равно поежилась.

– Это Тавви, – объяснила она.

– У него опять кошмар, – подтвердил Марк.

– Бедное дитя, – вздохнул Кьеран. – Ночные кошмары жестоки.

– С ним все будет в порядке, – печально сказал Марк. – Слава Ангелу, он не видел, как погибла Ливви, но что-то все равно слышал. Наверное, не стоило брать его на похороны. Если бы он не увидел костры...

– Я думаю, это, наоборот, утешительно, – возразила Кристина. – Душа получает возможность попрощаться.

Дверь со скрипом отворилась (надо уже, наконец, смазать петли!), и в щель просунулась голова Хелен.

– Марк, ты не мог бы пойти к Тавви? – убито спросила она.

– Хелен, я не могу...

– Пожалуйста, – она устало привалилась плечом к косяку. – Он еще ко мне не привык и все плачет и плачет.

– Я позабочусь о Кьеране, – сказала Кристина, с большей уверенностью, чем на самом деле чувствовала.

Марк нехотя ушел из комнаты вслед за Хелен. Чувствуя себя крайне неловко наедине с Кьераном, Кристина зарылась в аптечку, нашла бинт и принялась наматывать ему на плечо.

– Всегда дело кончается тем, что я занимаюсь твоими ранами, – сказала она как бы в шутку, но получилось все равно не очень.

– Это, наверное, потому, – без улыбки ответил Кьеран, – что, страдая, я всегда жажду прикосновения твоих рук.

Кристина изумленно воззрилась на него. Кажется, у парня все-таки жар. Она положила руку ему на лоб: тот и вправду горел. Интересно, какая у фэйри нормальная температура?

– Ложись, – сказала она, закрепляя повязку. – Тебе нужно отдыхать.

Она наклонилась, ее волосы упали вниз. Он протянул руку и заправил ей прядь за ухо. Она замерла, сердце отчаянно забилося.

– Я все время думал о тебе в Схоломанте, – продолжал он. – Вспоминал тебя всякий раз, как кто-то называл Диего по имени – Розалес. И никак не мог перестать.

– А хотел? – ее голос дрогнул. – Хотел перестать думать обо мне?

Он коснулся ее еще раз – совсем легонько. Пальцы скользнули по щеке. По коже побежали мурашки.

– Я знаю, что вы с Марком вместе. И не знаю, где мне теперь место, – его щеки пылали от лихорадки. – Я знаю, как сильно ранил вас обоих, чувствую это буквально костями. И я никогда, никогда не хотел бы снова причинить вам боль. Завтра я уйду отсюда, и никому из вас не придется больше общаться со мной.

– Нет! – вскрикнула Кристина с удивительной для нее самой силой. – Не уходи! Только не один, в никуда!

– Кристина! – его вторая ладонь коснулась ее щеки. Теперь он держал ее лицо в чаше своих рук.

Его кожа горела, красные пятна ползли по скулам, по шее.

– Принцесса! Тебе будет лучше без меня.

– Я не принцесса, – она наклонилась над ним. Их лица были так близко, что она различала каждую ресницу в темной бахrome, затенявшей его глаза. – И я не хочу, чтобы ты уходил.

Он сел на кровати, не отпуская ее лицо. Она едва слышно ахнула; кажется, у нее самой температура подскочила от жара его рук, которые уже соскользнули на плечи, на талию, привлекая ее к нему. Она упала сверху, вытянувшись: грудь к груди, бедра к бедрам. Он был тугой, как натянутый лук, – тугой и выгнутый под ней. Горячие пальцы уже пробирались сквозь чашу ее волос.

Она уперлась руками в его грудь, которая быстро поднималась и опускалась. В голове плыло... Ей так хотелось прижаться губами к его скуле, покрыть ее поцелуями. Она желала его, и сила желания потрясла ее.

Ни к кому никогда она не чувствовала подобного – ни к кому, кроме Марка.

Марк. Она отшатнулась от Кьерана, едва не упав с кровати на ковер.

– Кьеран, я не... мы не должны... у тебя жар.

Он перекатился на бок, пожирая ее светящимися в полумраке глазами.

– У меня жар, – подтвердил он. – Но я в своем уме. Я так давно, так долго хотел тебя обнять.

– Ты же совсем недавно узнал меня, – прошептала она, зная, что лжет, по-человечески лжет, пряча настоящие мысли под ненужными колкостями.

А правда была в том, что она тоже хотела Кьерана и подозревала, что довольно давно.

– Ложись, – сказала она. – Тебе нужен отдых. У нас еще будет много времени, чтобы... поговорить, если ты не уйдешь. Обещай, что ты не уйдешь.

Он отвел глаза, опустив ресницы, словно лучи темной звезды.

– Я не должен. Я только принесу печаль и тебе, и Марку.

– Обещай! – прошипела она.

– Обещаю, что останусь, – вздохнул он. – Но не обещаю, что ты об этом не пожалеешь.

* * *

Нене провела Эмму в комнату, где они с Джулианом останавливались в прошлый раз, когда были при Благое Дворе. Стены из серебристого кварца пульсировали тихим светом,

ширма из роз пропала. Вместо нее водопад яростно низвергался по стене в бассейн, расположенный на несколько футов ниже пола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.